

НФ

КИБЕРПАНК

ХОРРОР

ФЭНТЕЗИ

реальность фантастики

№ 5 2009

Повесть:

Юрий Нестеров

«ПОСЛЕ НАШЕСТВИЯ»

Рассказы:

Александр Сальников

«ПЧЕЛЫ»

Олег Польш

«ЛАДОНЬ БУДДЫ»

Андрей Новоселов

«ДОСТАТОЧНО РАЗУМНЫЕ»

Олег Куликов

«МОДЕРАТОР»

Критика:

Мария Попова

«НОВАЯ ФАНТАСТИКА

ГЕННАДИЯ ПРАШКЕВИЧА»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 5 (69) 2009

Проза

1. Юрий Нестеров	/ ПОСЛЕ НАШЕСТВИЯ <i>Навестим-ка твоего предшественника...</i>	4
2. Александр Сальников	/ ПЧЕЛЫ <i>– Ты уверена, Хло?</i>	32
3. Ярослав Веров	/ БОЕВОЙ АЛФАВИТ <i>Жарким летним днем...</i>	52
4. Сергей Карлик	/ АКТИВАТОР <i>Люди – они разные...</i>	66
5. Олег Поль	/ ЛАДОНЬ БУДДЫ <i>У входа в столовую мне навстречу...</i>	74
6. Ирина Комиссарова	/ ДОРОГА В НЕБЫВАН <i>Огилви говорит, что вот-вот...</i>	82
7. Андрей Новоселов	/ ДОСТАТОЧНО РАЗУМНЫЕ <i>Что вы знаете о ррхамр-оушам?</i>	88
8. Олег Куліков	/ МОДЕРАТОР <i>Сьома ранку. Новий робочий день...</i>	93
9. Михаил Рашевский	/ ЗЕРКАЛА <i>Веня осторожно выглянул...</i>	98
10. Татьяна Стрельченко	/ МОНЕТКА <i>Они шли уже второй час.</i>	102

Критика, публицистика, обзоры

11. Людмила Белаш, Александр Белаш	/ РУССКАЯ ОКЕАНИЯ. ПРОМЫШЛЕННИКИ	106
12. Мария Попова	/ «НОВАЯ ФАНТАСТИКА» Г. ПРАШКЕВИЧА	128
13. Андрей Валентинов, Генри Лайон Олди	/ МАЙСКОЕ СОЛНЦЕ ПАРТЕНИТА	138
	/ РЕЦЕНЗИИ	143

Репортаж

14. Наталья Деева / С ЮБИЛЕЕМ, ИНТЕРПРЕССКОН!149

Новости Фэндомы

15. / OPUS MIXTUM154

ЮРИЙ НЕСТЕРОВ

ПОСЛЕ НАШЕСТВИЯ

АВЕСТИМ-КА ТВОЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКА, — сказал инспектор.

— А?.. — не понял я.

Но инспектор уже покидал мою служебную клетушку.

Вульгарность его манер раздражала — особенно привычка отвечать лишь, когда он сам сочтёт нужным, в прочих случаях беззастенчиво пренебрегая правилами хорошего тона... однако сейчас мне ничего не оставалось, как поспешить за инспектором.

На улице было пасмурно. Низкие серые, не по-весеннему монолитные облака тяжело ползли над домами, лишь чудом, казалось, не задевая флюгеры и дымовые трубы. Прямо напротив комиссариата располагалась кондитерская с украшенной сладостями витриной, и всякий раз, когда над островерхой крышей нависал очередной свинцовый утёс, я ждал, что вот-вот с магазинчика посыплется черепица. Инспектор буркнул себе под нос что-то насчёт того, что у солнца сегодня нет шансов.

Похоже, он и на природу взирал как на потенциального злоумышленника. А я за всё время службы в полиции не видал ещё ни одного преступника.

* * *

Правда, служил я всего третий день. На прошлой неделе я оставил наконец ферму, куда заглянул однажды после сессии на денёк-другой — провести, как и полагается примерному отпрыску, стариков, — да так и провёл там, в силу известных обстоятельств, следующие пятнадцать лет.

Дед считал, что мне повезло. Я сам — не знаю. Вначале, помнится, я здорово сердчал на него, запершего нас в глуши, в обветшалой горной деревушке, вдали от сотрясавших мир событий; решительно пресёкшего мою попытку героического (а как же иначе?) участия в Сопротивлении. Я даже подумывал сбежать. Но дед с полудюжиной таких же, как он сам, неугомонных старцев, крепко помнивших какую-то древнюю, их юности войну, собрал по всей округе аммонал и взорвал железнодорожный туннель, обрубив тем самым кратчайший путь между нашим забытым богом краем и остальным миром. При этом от мира нам досталось несколько цистерн дизтоплива на запасных путях, и, несмотря на обиду, я не мог не отдать должное той обстоятельной практичности, с какой крестьяне подходят ко всякому делу.

А на тропах через перевал они — дед, его маразматические товарищи и сагитированные ими селяне помоложе, лет эдак сорока-пятидесяти, — установили круглосуточные посты: никого не выпускающие и, особенно, не впускающие никого.

Они быстро отбили у нас, юнцов с горящими взорами, охоту к подвигам. В буквальном смысле слова отбили. Ныне мне кажется, что их жестокость по отношению к нам происходила не только из чувства долга, или страха, или понятной неприязни остающихся к уходящим — проглядывала в ней некая завистливая мстительность остепенившихся, заплывших жирком почтенных глав семейств бесшабашной, свободной, алчущей приключений молодости. Словом, типичный конфликт поколений в нетипичных условиях.

Впрочем, фрондёров вроде нас было немного. Беженцев с той стороны, сюда, было много больше. Особенно в первые годы. Думаю, виною тому явилась шумиха вокруг наших мест, поднятая прессой незадолго до Нашествия. Писали о финансовых злоупотреблениях на строительстве туннеля; иные газеты утверждали, что стройка затеяна исключительно ради возможности этих самых злоупотреблений. Деревня обрела известность — как захолустье из захолустий, — и вот к ней потянулись беженцы. Они шли — измотанные, израненные, испуганные, — шли и натывались на пикеты, заворачивающие их обратно. К мольбам — впустить... хотя бы на ночь... хотя бы накормить... — вооружённые карабинами стражи были нечувствительны, поскольку любой из беглецов, даже ребёнок, мог таить в себе приговор и самим часовым, и их семьям, и всей деревне.

Благоразумнее было не рисковать.

Обычно удавалось обойтись словами, и чужаки — стеная, проклиная нас, богохульствуя — кто как — возвращались к себе домой... вернее, хочется верить, что они благополучно спускались в долину и находили там безопасное для себя место. Но иные, случалось, не внимали доводам — пёрли с невидящими взглядами прямо на выложенные из камней баррикады. Таких наши постовые расстреливали. Дед говорил, что то были Молчуны, точно. Мол, только одержимый Молчуном не внемлет голосу рассудка.

Надеюсь, он не ошибался.

Трупы сталкивали длинными шестами в ущелье, по далёкому дну которого струился ручей, похожий с высоты на сверкающую изумрудную ленточку.

* * *

Прямизна улочек для лежащего у горного кряжа городка — непозволительная дерзость. Горбатыми, вымощенными булыжником тротуарами мы поднялись на безлюдную ратушную площадь.

На дальнем её краю, перед устьем главного проспекта, украшенным транспарантом «С ДНЁМ СВОБОДЫ!», возвышалась конструкция, в которой, присмотревшись — помост, ось, перекладина и две аляповато раскрашенные лодочки на свисающих с перекладины цепях, — я распознал карусель. При вращении центробежная сила разводит лодочки с пассажирами в стороны, получается забавно... Вне всяких сомнений — карусель.

Даже чудно, что сперва я принял её за виселицу.

Отдуваясь, инспектор снял засаленный котелок, извлёк из сюртучного кармана не первой свежести носовой платок и, сопя, принялся вытирать багровое лицо. Короткая прогулка далась ему нелегко. Я деликатно отвернулся.

Мы стояли на трамвайных рельсах, между двухэтажным зданием ратуши с фисташковой крышей и огромным молчащим фонтаном с мокрыми тёмно-зелёными русалками. Часы на ратуше не работали. В каменной чаше фонтана дрейфовали жёлтые листья — точно покинутые экипажами кораблики неведомых лилипутов. Я помнил этот фонтан, но тогда, пятнадцать лет назад, он казался недомерком рядом с башней мэрии — подле двух тысяч квадратных метров стали, бетона и тонированного стекла.

Некогда тут был довольно оживлённый перекрёсток.

Ныне о нём напоминал лишь допотопный светофор, нелепо торчащий из брусчатки. Сквозь его проржавелое нутро пророс плющ и выпал из разбитых сигнальных окошек бурым одеревеневшим водопадом.

Я перевёл взгляд на ратушу. На её кремовой стене, вровень с чугунными завитками балюстрады зеленела бронзовая плита. Было слишком далеко, чтобы разобрать буквы, и я спросил инспектора, в честь какого события — или лица — мемориальная доска на ратуше.

Инспектор пожевал губами, словно прикидывая, стоит ли отвечать.

— С чего ты взял, что доска? — наконец спросил он, прищурясь. — Может, обычная табличка с названием присутственного места, а?

Своей склонностью влиять около пустяшных вопросов он и ангела довёл бы до греха. За сходную привычку один античный мудрец заплатил жизнью... и я вдруг впервые подумал о суровых древних афинянах если не с симпатией, то, во всяком случае, с пониманием.

— Слишком низко расположена, — сказал я смиренно. — И не начищена.

— Неплохо, — оттаял инспектор. — На троечку с минусом.

* * *

Он имел в виду наш разговор в тот день, когда я по совету приветливой старушенции в букле, любезно сдавшей мне комнату с пансионом в этом сонном городке (спустившись с гор, я не планировал задерживаться в нём, но обстоятельства — они это любят — внесли коррективы в планы), зашёл в полицейское управление и спросил: не нуждаются ли господа сыщики в моих умениях.

(«Предыдущему постояльцу очень нравилась работа в полиции, — напутствовала меня хозяйка. — Такой интересный молодой человек, вроде вас. Кстати, можете звать меня просто тётя Джейн...»)

Сыщикам было скучно, и они подвергли меня перекрёстному допросу на предмет моих навыков в криминалистике, после которого я осознал абсолютную свою никчёмность не только в сыском деле, но и во всех прочих жизненных сферах.

Четверо детективов неторопливо смаковали моё смущение, когда в комнату заглянул инспектор. Он имел здесь вес, это сразу чувствовалось. Выслушав ехидный рапорт о происходящем и мой сбивчивый рассказ о проведённых в изоляции годах, он неожиданно сказал, что, пожалуй, возьмёт меня помощником. Мы прошли в его кабинет, где он вдруг спросил: помню ли я, сколько столов было в предыдущей комнате? А стульев?

Я затруднился ответить.

«Наблюдательности в тебе ни на грош, — заключил он. — Побудь-ка младшим помощником, пока не научишься *видеть*. И не тушуйся, младший помощник инспектора Берлах! Глядишь, ещё комиссаром станешь...»

* * *

— Эту доску водрузили сразу после Освобождения в честь позапрошлого мэра, нашего первого... да, пожалуй, и единственного героя Сопротивления, — сказал инспектор. — Официальная версия подвига гласит, что когда секретарша, управляемая Молчуном, ворвалась в кабинет, чтобы, значит, осуществить дубликацию, мэр с криком: «Никогда! Я выбираю свободу!» сиганул в окно. С пятого этажа. На этот... на асфальт. Как бы предпочёл смерть утрате человеческого достоинства.

Инспектор хмыкнул.

— Что же тут забавного? — спросил я.

Его цинизм коробил, как скрежет ножа по стеклу.

— Что может быть забавного в смерти? — пожал плечами инспектор. — Ничего. Просто я — тогда ещё юнец вроде тебя — вёл следствие и знаю, как всё обстояло. Свое первое самостоятельное дело я отлично запомнил.

— Девушка вошла в комнату. Мэр привычно потянулся хлопнуть её по попе, но секретарша (уже с Молчуном в мозгах, да, это единственный не подлежащий сомнению факт!) глянула на него с такой неприязнью и осуждением, что мэр вначале опешил, потом испугался, попятился... и выпал в оконный проём. Он не успел крикнуть ничего внятного, в этом все свидетели сошлись. Знаешь, Молчуны умеют взглянуть так, что до нутра пробирает.

— Откуда мне знать? — спросил я, ощущая внезапный прилив безразличия к инспектору, ко всем жителям городка. Одно дело — понимать, *что* они пережили, но совсем другое — когда тебе напоминают, сколь гадко это было: все без исключения, от мала до велика — Молчуны. Заражённые. Одержимые пришельцами. Целых четырнадцать лет они не были самими собой. Не их вина, конечно, но...

Я отвернулся к фонтану, на дне которого, под зыбким слоем коричневой воды белели выпуклые круглые булыжники.

— В Оккупацию, — бесцветным голосом сказал за спиной инспектор, — его доверху наполняли человеческие кости. Рёбра, позвонки, черепа... русалок не видать. А на месте таблички в честь мэра висел ящик для доносов.

* * *

Таким образом, от врага мы отгородились надёжно. Конечно, главный приз тут у местоположения деревни, но уж серебряную медаль я без колебаний вручил бы решительности деда. В конце концов, большинство медвежьих углов планеты география не спасла — рано или поздно, но они пасовали перед Молчунами. Видно, не нашлось в них такого лидера, как мой дед.

Так, суматоху, охватившую мир в первые дни Нашествия, мы наблюдали по телевидению. Версий о причинах напасти, порою явно безумных, хвата-

ло с избытком. Казалось, все каналы вдруг бросились состязаться друг с дружкой в скорости впадения в идиотизм: астрономов вытеснили политики, тех — проповедники и модные актёры, коих живо сменили экстрасенсы и сочинители бульварного чтива; мелькнул генеральский погон, мелькнул и исчез; эфир наполнился цветастыми поп-звёздами, с павлиньим видом вещающими о судьбах цивилизации, притом безбожно путая онтологию с эсхатологией, и обеих — почему-то с проктологией.

Под занавес эфир заполонили совсем уж откровенные психи...

Те, кто действительно знал правду, на сцене так и не появились.

Но я что хочу сказать: из всего того бреда дед умудрился выудить крупицу рационального. Услышав обрывок гипотезы, что в распространении Молчунов главную роль играют геометрические формы и цветковые комбинации, дед тотчас разнёс из дробовика все телевизоры в деревне. Лично. Замечу он нацелился было уничтожить и мою магнитола — не столь из-за опасности заражения, думаю, сколь потому, что недолголюбивал современные ритмы. Мне едва удалось отстоять её, с нешуточным — без преувеличения — для жизни риском. Я дорожил и гордился своим Thomson'ом, купленным по случаю, но чрезвычайно удачно.

Правда, ко второму месяцу заточения все привезённые мною записи достали уже, а по радио трудно было поймать что-то приличное... да-да, странно, но первое, что я вспоминаю в связи с началом Нашествия, так именно эту деталь: всё меньше и меньше хорошей музыки.

Вскоре в эфирном океане вообще настало безрыбье.

Потом всякая трансляция прервалась. Абсолютно: как ни терзай тюнер — ничего, кроме исчерканной всхлипами атмосферного электричества тишины. Довольно жутковатое пришло время, особенно ночами: когда сидишь под чёрным, прозрачным до самых своих бездн небом, чьи ближние звёзды размером с яблоко, а россыпи дальних — тоньше пыли; а ты думаешь, что пока где-то люди сражаются за свою планету с пришельцами, ты маешься здесь, над мёртвым серебристым ящиком, в тоске, безмолвии и неизвестности. Впору было свихнуться... и однажды магнитола изменилась — прямо на моих глазах.

Я не сразу в это поверил. Мотнул головой, протёр глаза. Осторожно коснулся чёрной лакированной стенки... материи на динамике... верньеров из слоновой кости...

Пальцы мои дрогнули.

Сомнений не осталось. Неведомым образом магнитола в мгновение ока превратилась в радиолу — прибор, чьё место в антикварной лавке или музее. Я в ужасе отшатнулся и задел полку с записями, которые хлынули на меня чёрным хрустким потоком — мои диски и кассеты, ставшие вдруг виниловыми пластинками, — и я отчаянно забарахтался в нём, охваченный ужасом над пучиной безумия.

Жуткая была ночь.

Но человек привыкает к чему угодно, к любой иррациональности, особенно если та прихлопывает всех разом. Иногда я думаю, что главное каче-

ство разума в том и состоит — примирить нас с абсурдом жизни, хотя семантически это суждение ложно. Как бы то ни было, но в деревне довольно быстро свыклись с очевидным: многие окружающие нас вещи непонятным образом превращались в свои многолетней давности аналоги. Во всяком случае, когда я оправился от горячки, сия странная метаморфоза занимала умы гораздо менее, чем грядущий сбор урожая (а новая старая техника ещё не налажена, так её растак), и я позавидовал несокрушимости здравого смысла односельчан.

Жизнь продолжалась.

Я обслуживал дизель-генератор, заменивший нам бесследно сгинувшую линию электропередачи, чинил допотопные механизмы, читал заплесневелые подшивки журналов середины прошлого века, где отважные астронавты с удручающей регулярностью побеждали космических пиратов. Вечерами потягивал пиво в трактире. Флиртовал с барышнями.

Ремонт техники при дефиците запасных частей требовал особенной хитрости, и я здорово поднатерел в комбинаторике: что, когда и откуда снимать, куда и на какой срок ставить. Опять же, в журналах попадались задачки на смекалку, например: как за три взвешивания среди двенадцати шаров найти отличающийся по весу. Тому, кто скажет «просто», напомним, что легче или тяжелее остальных искомым шар — неизвестно.

Через пару-другую лет я вступил в отряд самообороны, несший стражу на перевалах — *тот самый*. Радиола между тем приобрела вид громоздкого металлического короба, покрытого облупившейся на углах краской цвета хаки; дед вспомнил, что видел такие же у британских парашютистов, шнырявших в его юности по нашим горам. Иногда я включал её (его?), ловил передачи подпольных радиостанций, коих развелось к тому времени не менее дюжины. Музыкаой они не баловали, зато объяснили наконец-то, что случилось. Кто на нас напал. Звучало невероятно, но когда было особенно трудно согласиться с тем или иным тезисом, я вынимал брегет, которым стали мои наручные часы с автоподзаводом и двумя секундомерами, задумчиво вертел его в пальцах и — соглашался.

Мы — существа беспокойные, особо охочие до того, что нельзя. Это в нас от Адама, наверное. Возможно, был ещё какой прародитель, более осматрительный, более послушный — его гены тоже есть в каждом из нас, — но о нём нам не узнать, поскольку он остался в раю; дремлет, небось, на сытый желудок, там и поныне. А нам тесно в рамках, любая преграда оскорбляет нас уже фактом своего существования, и мы будем не мы, коли не попробуем её проломить. Даже рискуя просто вывалиться в соседнюю камеру, как заметил один грустный поляк.

И так оно и случилось...

Но я отвлёкся.

С наступлением промышленной фазы цивилизации символом, воплотившим навязчивое стремление человечества выйти за границы, стал вечный двигатель. Миллионы его изобретателей канули в Лету, тысячи негодных моделей обратились в прах, термодинамика мудро объяснила принципиаль-

ную невозможность вечного движения, и всё-таки нет-нет, да и появляется очередной прожект, который должен работать, поскольку в нём учтены ошибки предыдущих конструкций... увы, и эта модель отказывается функционировать, но это потому, что реальный мир, такой шероховатый, грубый, приблизительный, не желающий в точности следовать даже описывающим его самого законам, слишком неправилен для неё. Вывод?

Тривиальный.

Построить вечный двигатель в идеальном мире.

* * *

Подкатил дребезжащий полупустой вагон — выкрашенный в жёлто-багровое, с мутными стёклами в деревянных рамах. Тусклые глазницы фонарей над чёрной дугою бампера придавали ему особенно унылый вид.

Мы сели на заднюю скамью, так, чтобы видеть весь салон. Инспектор выбирал место. Кондуктор в синем френче — сутулый, худой, в пенсне с невзрачно выпуклыми линзами; с печально никшими седыми усами — обменял мелочь на два билета. Он кивнул инспектору и задержал взгляд на мне.

— Здравствуйте, — сказал я и тут же сообразил, что обознался.

Кондуктор молча отошёл в середину вагона, неловко опустил на своё место, в профиль к нам.

— Откуда ты его знаешь? — вполголоса спросил инспектор.

— Я его не знаю. Просто показалось, что...

Я умолк. Не хотелось лишний раз вспоминать ту, десятилетней давности встречу. Стыдно. Тем более, что кондуктор — не тот, за кого я его принял вначале. Похож, да. Может, отец или дядя того бедняги, которого мы... Я вдруг почувствовал, что уши и щёки мои горят.

Инспектор поёрзал на скамье.

— Возможно, то, что ты угаиваешь, пригодится следствию, — сказал он. — Подумай хорошенько. Я не требую от тебя доклада, наш уговор остаётся в силе, но, настоятельно советую, подумай! Может, найдёшь какую зацепку...

Трамвай обогнул площадь, притормозил у въезда на проспект. Теперь я мог разглядеть карусель во всех подробностях — заклёпки на стальной колонне, лоснящиеся от смазки шестерни, деревянные раскрашенные скамьи, по четыре в лодочке. Возле помоста сидел на корточках унылый механик в комбинезоне. Увидев меня, он вскочил. Вагон тронулся, карусель поплыла назад. Я обернулся. Механик смотрел вслед, как мне показалось, с неприязнью. И, словно подтверждая моё мнение, он вдруг презрительно сплюнул на мокрый булыжник.

Странный тип.

— Он спутал тебя с моим прежним помощником, — заметил инспектор, рассматривая отражение в стекле.

* * *

Упомянутый моим патроном уговор случился вчера. Я как раз обустроивался в выделенной мне комнатухе, когда в ней возник инспектор: хлоп-

нул на стол кипу разномастных, тут же взорвавшихся пылью папок и громогласно, перекрывая хихиканье сыщиков за стеной, так нелюбезно встретивших меня в первый день, приказал заняться делом о пропаже алмазов господина С.

Он вытащил из стопки пухлую засаленную папку и двинул её на край столешницы.

«Остальные дела нужно списать в архив! — добавил инспектор, обращаясь почему-то к стене с притихшими за нею детективами. — Но это не срочно! Однако, присматривай за ними! Никому не давай, если кто будет кланяться — отсылай ко мне! Давно пора навести порядок в канцелярии!..»

Не прекращая сетований на анархию, проглатывающую важные казённые бумаги в участке, он извлёк из кипы несколько мятых листков и, внезапно перегнувшись через стол, торопливо зашептал мне в лицо, что настоящая моя задача: распутать вот это — он пихнул листки ко мне — преступление, но то, что я веду дело, не должна знать ни единая душа, кроме нас двоих, а детали следствия — вообще никто, кроме меня самого; даже он, мой непосредственный шеф, ибо...

В этот момент дверь скрипнула. Инспектор с неожиданным для его комплекции проворством накрыл листки папкой с алмазами господина С... вернее, папкой с их отсутствием и громко молвил: «Как видишь, ничего сложного, главное — блюсти все требования циркуляра!»

Вошедшим оказался констебль Броньолус, тщедушный вертлявый тип с крысиным (низкий лоб, острый подвижный нос, жидкие усики над губой, едва скрывающей торчащие вперёд зубы) личиком; самый желчный из вчерашних моих знакомцев. Быстрым, как удар клинка, взглядом он окинул комнату, груды папок на столе и попросил у инспектора совета по поводу дела некой мадам фон Манштейн, живущей по улице Одержанных Побед (бывшей Мясницкой) и подозреваемой в том, что крадёт у соседки керосин.

«Деликатного свойства дело, — бормотал он. — Сами знаете, как эти потомки аристократов щепетильны в вопросах чести...»

Инспектор с констеблем вышли в коридор. Когда дверь за ними затворилась, я, обмирая от предвкушения встречи с тайной, вытащил из-под папки всученные мне листки. Это было дело об убийстве какого-то отставного учителя, случившемся пятнадцатого мая сего года.

Неделю назад, машинально отметил я, разглаживая первую страницу — с рапортом помощника инспектора Фаржа (сразу вспомнился патлатый неразговорчивый тип с глазами-пуговками и ссадиною на переносице), осматривавшего место преступления.

Фарж и тут сказал не много, и то — косноязычно.

Тело обнаружено почтальоном Кёстнером. Почтальон, как обычно, принёс убитому почту в восемь ноль-ноль утра. Обычно убитый уже ждал её у дома, но в этот раз не вышел, и почтальон позвонил в дверной звонок, так как не хотел оставлять почту на пороге по причине прошедшего ночного дождя. Убитый не открыл. Почтальон позвонил дважды и, поскольку убитый не отозвался, постучал. От стука дверь отворилась сама, оказавшись не

запертой. Убитый лежал прямо за нею с ножом в глазу. Ковёр и стены коридора заливала кровь. По этим признакам почтальон сразу догадался, что убитый — убит. Он выбежал из дома и обнаружил садовника Фиделя, красившего забор возле дома, посоветовавшего почтальону сообщить в полицию. Никаких улик больше не обнаружено. Бумаги, обнаруженные на столе убитого, сданы в архив. Помощник инспектора Фарж.

Образцовая каллиграфия.

Я был разочарован.

Да, жуткая смерть. Но что тут такого замечательного? Похоже на обычное бессмысленное убийство... до Нашествия их было полным-полно. Затем, правда, так называемые немотивированные убийства сошли на нет. Хватало убийств *мотивированных*, как выразился однажды инспектор. Интересно, кому помещал этот старик... как его, кстати?..

Я отыскал на листке имя жертвы, прочёл. Не веря своим глазам, перечёл — раз, другой...

Знаете, случаются минуты, когда оставшееся, казалось, далеко позади прошлое вдруг настигает и окатывает тебя, как ледяная волна. Я поёжился от внезапного холода, заструившегося вдоль позвоночника.

Мертвеца звали Шмид.

* * *

— Я его не знаю, — упрямо повторил я.

— Странно. — Инспектор хмыкнул. — Мне кажется, он тебя узнал.

Кондуктор сидел впереди — выпрямившись, буравя взглядом окно, за которым проплывали разноцветные крыши и литые серые ограды. Немногочисленные пассажиры, ёжившиеся под сырыми макинтошами, казались не более чем декорацией вокруг него.

— Он нас подслушивает, — шепнул я инспектору.

Инспектор небрежно махнул рукой.

— Он глухой. Во время Нашествия он сражался в горах и схлопотал пулю в голову.

Я зажмурился.

Наверное, если бы в тот момент я не сидел, а стоял, приборой из прошлого сбил бы меня с ног.

* * *

Вселенная, выбранная под идеальный мир, находилась в одном из центров ядерных исследований. У неё было тысяча двадцать четыре процессора, функционирующих на принципах изменения фотонами направления движения, оптическая шина и память на органических молекулах. Считай, бесконечность. В ней царил абсолютный хаос, океан хаоса, и в сей океан запустили цифровых амёб, чьим единственным умением являлась способность к адаптации, а единственным стремлением — во что бы то ни стало сохранить свою сущность; не раствориться в белом шуме.

Всё это дурная поэзия, на языке же науки задача сводилась к моделиро-

ванию в замкнутой системе процессов, заменяющих хаос устойчивыми самовоспроизводящимися структурами и тем самым нарушающими второе начало термодинамики.

Самое смешное во всей этой затее — что она удалась.

Не знаю деталей, мои незримые лекторы их, вероятно, тоже не ведали, однако кончилось всё тем, что внутри суперкомпьютера зародилось нечто, названное по аналогии «нуль-жизнью» — не имевшее с земной жизнью ничего общего, кроме одной-единственной совокупности реакций, более известной как инстинкт самосохранения.

То есть, она тоже хотела жить-поживать — или, вернее, нуль-жить-нуль-поживать, — и с нашей стороны было бы ханжеством упрекать её в том.

Была ли она разумна?

Неразумный вопрос. Принято считать, что существо обладает разумом, если с ним можно договориться. Мы никак не договоримся с соседями по планете — с теми же дельфинами, к примеру, — и часто не понимаем друг друга, человек — человека, так толку ли судачить о возможности взаимопонимания объектов из принципиально разных вселенных?

(Возможно, *их* философы рассуждали точно так же. Возможно, по этому пункту нашим и их мудрецам удалось бы прийти к согласию.)

Вскоре — по земным часам — нуль-жизнь заполнила свою вселенную, заменив хаос информационными кристаллами, и оказалась на грани вымирания, поскольку в абсолютно упорядоченном мире никакие процессы, в том числе и жизнедеятельность, невозможны. «Кристаллы» в данном случае вновь не более чем аналогия, так как описывать мир нуль-жизни возможно либо на языке математики (вернее, математики считали, что могут описать, но оказалось, что это неверно: им в конце концов не хватило «слов»), либо очень и очень приблизительными метафорами.

Выбор был невелик — погибнуть или отыскать новое жизненное пространство, и нуль-жизнь выбрала последнее. Она вырвалась за край своей вселенной. К нам.

Механизм прорыва, увы, неясен. Известно лишь, что первыми носителями нуль-существ в нашем мире оказались люди из обслуживающего суперкомпьютер персонала. Однажды я поймал по радио интервью с нейрофизиологом, толковавшим что-то про информационные пакеты, передающиеся главным образом визуально и влияющие на конъюгацию хромосом, ответственную за логические связи в нейронах, — что приводит к «вселению» в мозг нового «жильца». Пришельца из искусственной вселенной.

«Не забывайте, что «жилец», «вселение» — не более, чем жидковатая аналогия, — предупредил учёный. Они все будто сговорились. — Скорее всего, его «квартира» расположена в префронтальной зоне мозга, называемой также «молчаливой областью». Дело в том, что функциональность этой зоны неясна, однако можно предположить, что это некий резерв, заложенный в нас природой для дальнейшего развития...»

Тут из динамика послышались хлопки, здорово похожие на звуки выстрелов, и трансляция прервалась.

Подобное случалось нередко. Молчуны, оккупировавшие мозги большинства человечества, весьма болезненно реагировали на критику, которой подвергали их люди, избежавшие рабства; прячущиеся в подполье или в труднодоступной местности. Карательные отряды прочёсывали леса, горы и пустыни в поисках партизан; специальные отделы в населенных пунктах выявляли подпольщиков. Широкую поддержку властям оказывали лояльные граждане, — я это знаю, поскольку слушал не только запрещённые передачи. Обнаруженных или убивали сразу, или казнили публично. Молчуны почему-то не вселялись в пленников.

Однажды, на четвертый или пятый год Нашествия, двое вооружённых людей вышли к нашему посту, волоча на себе третьего. Мы их не впустили. Вернее, я был ни при чём, переговоры вёл дед, а я тайлся в своей стрелковой ячейке, направив на чужаков ребристый чёрный ствол пулемёта (какого только добра нет в горах, если поискать). Мне было интересно. Я никогда ещё не видел партизан.

— Мы вас боимся, — сказал дед. — Такое нынче время.

— Время всегда одно, — отрезал высокий боец. Он, похоже, был в их группе за старшего. — Это люди разные.

— Ой, не скажи, — пробормотал дед. — Сплошные непонятки нынче с этим временем... Возьми, вон, хоть молоко. То неделю в тепле стоит — и ничего, а то сразу киснет...

Дед старательно разыгрывал из себя простофилю; слишком старательно, чтобы не догадаться, что за глуповато-трусоватым божьим одуванчиком — до зубов вооружённый заслон.

— Со временем как раз всё просто, — миролюбиво сказал второй боец, ростом пониже. На плече у него висел автомат со смешным круглым магазином. — Просто там, откуда пришли Молчуны, времени в нашем понимании не существует. И все эти обвалы в прошлое, неравномерность течения времени и путаница причинно-следственных связей — не что иное, как темпоральные флуктуации: результат конфликта человеческого мозга и чуждых ему психических структур. Учитель...

— Без имён! — быстро сказал высокий. Его приятель осёкся.

— Ну... Словом, когда мы победим, время постепенно выправится.

Когда победим, подумал я. Оптимист.

— Какая путаница? — охнул дед. — Нету здесь у нас никакой путаницы! Мож, потому, что вы тут не объявлялись, а?.. Так что — не-е-е, не нужно нам вашей путаницы!

— Это потому, что вы далеко от Молчунов.

— Как знать?.. — сказал дед ядовито.

— Понимаете, — распалился низкий, — мы же ничего не ведаем о подлинной структуре времени! Даже определение ему не можем дать без тавтологии: время, мол, это последовательность, а последовательность — категория времени! Мы считаем его чем-то вроде вектора, направленного в одну сторону. А Молчуны, сторонние наблюдатели, видят его совершенно иначе. Может, для них оно — плоскость. Учитель Шмидт... — он замялся, виновато

покосившись на товарища. — Ну... есть предположение, будто время — что-то вроде диска, катящегося по Вселенной. Наш мир, находившийся точно на его «оси», сейчас, под воздействием Молчунов, смещается к «ободу»... отсюда и причуды его нынешней темпоральной траектории.

— Больно мудрено, — мотнул бородёнкой дед.

— Ну, это пока не научная теория, — сказал низкий тихо. Он ещё надеялся что-то объяснить деду, чудаку. — Всего лишь предварительная гипотеза... попытка обобщения фактов без анализа механизма явления... Что-то вроде эпициклов геоцентрической системы, понимаете?

Объяснил, называется.

— Ух ты! — всплеснул руками дед.

— Будь мы Молчуны, — сказал высокий просто, — мы давно б отступили назад во времени и взяли бы вас тёпленькими.

— Хе-хе, — сказал дед. И повторил: — Хе-хе!

Говорить сразу стало не о чем.

— Хоть раненого впустите, — попросил низкий.

— Н-нет!

Раненый что-то промычал... или простонал — не знаю.

— Хоть попить ему дайте, — сказал высокий угрюмо.

— Попить дадим, — оживился дед. — Мы ж не чудища какие... чего ж не дать? Эй, внучок, котелок у тебя?

Котелок с молоком стоял в нише ячейки, прикрытый платком, чтобы не насыпался песок. Я выставил его на бруствер. Немного подумал и положил сверху половину ржаной краюхи. Потом выбрался из окопа.

— В глаза не гляди, — шепнул дед, когда я поравнялся с ним. — До половины дойдёшь, котелок поставишь и — дуй обратно. А лучше, дай, я сам... — он попробовал ухватить котелок, но я увернулся. Какое-то упрямство одолело меня, уж не знаю — отчего.

Я миновал середину пути до партизан (дед каркнул что-то предостерегающее), осторожно приблизился к троице. Высокий смотрел сквозь меня, а раненый, наоборот, в упор. Голову его стягивала набухшая багровым повязка, лицо покрывала бурая шелушащаяся корка. Он был чуть старше меня и, наверное, чтобы казаться взрослее, отпустил усы: заметно было, что он их лелеет... лелеял. Я отдал котелок низкому.

Когда я вернулся в окоп, партизаны уже исчезли.

Вечером мы сидели с дедом, слушая эхо автоматных очередей, потрескивающих в котловине под нами.

— Можно было их впустить, — сказал я вдруг.

Внизу частенько постреливали. Нас это не касалось.

— Нет, — сказал дед.

— Почему?

— Молчуны нас трогают? — спросил дед. И сам же ответил: — Не-а. Потому как мы сами по себе. Никому не мешаем. А вот укрой мы бунтовщиков, и Молчуны нас *тронут*...

Внезапно я подумал, что запросто могу стать бойцом Сопротивления.

Хоть сейчас. Достаточно настроить бывшую магнитола на передачу, чтобы вступить в бой с пришельцами. Напоминать слышащим, что не все сдались. Будить в людях надежду и желание бороться...

Но я этого не сделаю. Не хочу подставлять деревню.

А главное — мне нечего сказать.

* * *

— Губу не прокуси, — сказал инспектор.

Я разжал зубы. Дома за окном всё чаще разделялись садами, густо покрытыми зеленью, в которой мелькали жёлтые и багряные вкрапления. Похоже, мой предшественник жил где-то на окраине. Интересно, если он не справился, с чего инспектор взял, что я справлюсь? Почему не поручил найти убийцу одному из своих филеров? Вон они какие... наблюдательные. И ещё эта нервная секретность...

— Стыдно? — спросил инспектор. — Бывает. Сейчас, после Нашествия, многим стыдно... заглаживают, кто как. Памятники, вон, строят. Слова с Прописных Букв выдумывают. Общество безвинных жертв создают...

— Кондуктор, небось, в нём первый? — сказал я сварливо.

— Первый — бургомистр, — сказал инспектор. — До Нашествия он был галантерейщиком, потом здорово разбогател на виселицах. А кондуктор вовсе отказался вступать. Сказал, что пострадал *не безвинно*... не достоин, мол.

Инспектор горько усмехнулся.

— Вам-то чего стыдиться? — сказал я. — Известно же, что против Молчуна нельзя было устоять. Влез он в голову, и всё — ты пропал. Себе не принадлежишь. Делаешь, что он говорит... Повезло всё-таки, что они вымерли сами по себе.

А то до сих пор жили бы мы в Оккупации.

Причины тотального мора, вдруг поразившего Молчунов на пятнадцатый год владычества, точно не известны. Многочисленные гипотезы — неведомые эпидемии, разобщённость чужаков, их неспособность эволюционировать в новой среде... — с разной долей убедительности пытаются объяснить этот факт: вдруг настал день, когда большинство людей не ощутило в себе Молчуна. Станным образом пришельцы куда-то делись. Принято считать — умерли. Во всяком случае, те немногочисленные Молчуны, что не успели убраться вояси, умерли точно — вместе со своими носителями, растерзанными толпами свободных людей к вечеру того же дня.

Непонятная история. Нам, в горах, понадобилось полгода, чтобы в неё поверить. Ещё полгода потребовалось мне, чтобы отважиться спуститься в долину.

— Вижу, много ты знаешь про Молчунов, — сказал инспектор и умолк, упрятав подбородок в сырой воротник.

Его молчание тяготило.

— Как он выжил? — спросил я, незаметно кивнув на глухого кондуктора. Он никак не мог быть партизаном, смотревшим на меня тогда. Тот был мой ровесник, а этот — старик, но... но всё же, всё же...

— Его приютили где-то тут, на отшибе, — сказал инспектор. — Одна девочка спрятала. Выходила. Так они и живут... поженились, детишек народили... Счастливый конец. А оба его товарища попали в засаду.

— Постойте-постойте, — забормотал я. Вдруг захотелось поскорее закурить эту тему. — Она, та девушка, была без Молчуна? Как же так?

— А что удивительного? — повернулся ко мне инспектор. — Население Земли за четырнадцать лет сократилось на треть. Значит, как минимум каждый третий был невосприимчив к дубликации. Безумцы, святые... и просто те, кто *не хотел*. Сильно не хотел. И не оказался застигнутым врасплох...

Инспектор вздохнул.

— У девушки был Молчун. Но она его выгнала.

— Разве такое возможно? — Я удивился. Ни разу о таком не слышал...

Между тем о Молчунах я был осведомлён предостаточно. Моя квартирная хозяйка обожала сетовать на тяготы Оккупации, и я уже по горло был сыт рассказами о бессердечии и неумолимости Молчунов. У нескольких лучших друзей тёти Джейн из-за них случился инсульт, а дамский мастер из цирюльни в конце улицы так даже сошёл через них с ума.

(«Ужасно, не правда ли? Вот и молодой человек, снимавший комнату до вас, говорил, что да, ужасно...»)

Я соглашался, думая при том, что предыдущий жилец, вероятно, просто-напросто сбежал от всей этой жути — болтовни на завтрак, обед и на ужин.

«Хотя буду справедлива: когда Молчуны были в настроении, то показывали себя чуткими, умными и *тонкими* собеседниками...»)

— Потому и не слышал, что возможно, — сказал инспектор. — Кто признается, что добровольно терпел в своей башке какую-то мерзость и творил злодеяния, якобы не управляя собой, когда можно было этому противостоять?

— Они, — продолжал инспектор, — не говорят тебе, что делать. Они вообще не говорят. Молчуны же. Просто вот здесь — он коснулся пальцем лба под ободком котелка — появляется такая тяжесть... если Молчуну не по нутру твоё поведение, она увеличивается, иногда значительно. Иначе — ослабеваает. Гнусно ощущать чужое присутствие в своей голове, да. Но сейчас многие твердят, будто Молчуны им угрожали, чуть ли не мозги выкручивали, заставляя покорять для себя Землю... ха. Чихали они на Землю. Им надо было выжить в незнакомой среде, вот они и вертелись как могли. Подстёгивали наш инстинкт самосохранения, понятно — зачем им мёртвый или увечный носитель? Ну, и ещё это ощущение *постороннего*, на которого можно свалить ответственность за свои поступки — вот и всё. А в остальном мы уж сами преуспели...

Вот и верь женщинам, подумал я.

И ещё я подумал: каково быть выброшенным из — пусть умирающего, но — своего мира в абсолютно чужую тебе вселенную? Одному. Отделённо-му от сородичей пустым пространством.

В окружении порождённых нашими дремлющими разумами чудовищ.

— Но можно было найти на них управу, — закончил инспектор. — Можно! Он решительно стукнул кулаком по колену.

— И как же вы от своего избавились? — спросил я, привычно ожидая жалобы, что лично ему было труднее всех. Что у него-то был особенно мощный Молчун, и он, инспектор, ничего не мог поделать — зато более всех радовался долгожданному Освобождению. На какую ещё историю способен апоплексического вида толстяк, которому давным-давно пора на покой?

Кстати, а сколько ему лет? На вид — за шестьдесят. А утверждает, что расследовал смерть мэра в начале Нашествия, будучи молодым человеком. Пятнадцать лет назад. Заговаривается? Да-а, старость — не радость...

Инспектор, сопя, вытащил из кармана маленький револьвер. Кондуктор покосился в нашу сторону, но промолчал. Кроме нас троих в вагоне никого уже не было.

— Вот так. — Инспектор взвёл курок и упёр куцый воронёный ствол в подбородок. — Сказал себе, что если дрогну, или усну, или потеряю сознание — револьвер выстрелит. Так и сидел всю ночь.

Они были чем-то похожи — пузатый револьвер и его насуленный владелец.

Трамвай остановился.

— Конечная, — прогудел кондуктор. Голос у него был как у граммофона.

* * *

Я взял всучённые инспектором листки с собой, намереваясь посвятить им вечер. Но сразу после ужина тётушка Джейн втянула меня в свой очередной бесконечный монолог, изредка рассекаемый моими сочувственными репликами, в коем переплелись, как в клубке мойр, нити судеб множества абсолютно незнакомых мне людей: покойного супруга тётушки и его родни, её подруг и их мужей, несчастного цирюльника, соседа и их приятелей; её дочери и зятя, которые всё обещают, да никак не соберутся приехать погостить, показать бабушке внука — первенца! — хотя, кажется, на сей раз собрались: вот, прислали открытку, уведомляющую о грядущем своём приезде...

Не прерывая речи, тётушка Джейн засемила к комоду, вернулась, торжественно протягивая мне лощёный картонный прямоугольник с несколькими торопливыми строчками.

Оборот открытки украшала картинка — деревянный дом, безмятежно плывущий по реке к водопаду. Скверная репродукция, отметил я. Полиграфическое искусство покамест не вернуло себе былых высот.

— Поздравляю, — сказал я, возвращая открытку. Её уголок был надорван, вероятно, вследствие неаккуратного вскрытия конверта.

Лицо тётушки Джейн светилось радушием.

— А как вы? Нравится вам работа детектива? Что за дело вам поручили? Я же вижу, какой вы сегодня озабоченный...

Откровенность, стало быть, за откровенность.

В принципе, я был не прочь поговорить о смерти учителя, осторожно спросить — что думают о ней в городе. Вряд ли императив инспектора был

столь категоричен, чтобы распространяться на милую старушку, изнывающую по внуку.

Я открыл рот, набрал в грудь побольше воздуха и... завёл речь о господине С. Неожиданно для себя и, похоже, для моей собеседницы тоже: я увидел, как она сразу поскучилась. Её взгляд, чей жадный блеск в миг вдоха и настояжил меня, погас.

Я прилежно рассказывал о бедном господине, оказавшемся жертвою чьей-то неумной алчности, увлечённо живописуя придумываемые на лету детали преступления и ходы следствия. Некоторые из них мне самому представлялись довольно остроумными, я даже увлёкся (ложь увлекает, замечали?), однако хозяйка вскоре прервала меня взмахом пергаментной ладошки.

— Одно и то же, — зевнула она. Её тон неприятно уколол меня. — Вот и прежний молодой человек до вас... увы, не помню уже его имени... отвечал то же самое. Хотя весь город прекрасно знает, что алмазы похитил сам господин С., дабы получить страховку. Конечно, о члене магистрата не принято говорить такое вслух, и комиссариат должен вести себя так, будто ничего не подозревает, но зачем потчевать меня одними и теми же небылицами?..

Она снова махнула рукою и направилась к комоду, собираясь вернуть открытку на место. Её чопорный вид красноречиво говорил о том, что наша откровенная беседа окончена, и что она, тётушка, ею разочарована.

Я встал, намереваясь откланяться.

Щёки мои пылали.

Тётушка Джейн возилась с ящиком комода, не обращая на меня никакого внимания. Я нелепо торчал посреди гостиной, разглядывая вылинявшие обои с виноградными гроздьями и незабудками, позолоченные настенные часы (они стояли; Молчуны сразу невзлюбили часовщиков, и ныне отыскать в городе исправные часы было непросто), блеклые фотопортреты в рамочках, безвкусные эстампы, блюдечки в недрах рассохшегося буфета и фарфоровых кошек на плетёных салфетках — обычный ландшафт, расстилавшийся вокруг одинокой старости.

Так продолжалось довольно долго, пока я не сообразил, что старушка не может совладать с заклинившим ящиком, а обида не позволяет ей обратиться ко мне за помощью. Обрадованный тем, что могу как-то загладить свою оплошность, я подскочил к комоду и, пробормотав с наивозможнейшей любезностью: «Разрешите», взялся за витую бронзовую ручку. На миг показалось, что тётушка пытается помешать оказать ей помощь, но я уже тянул ящик на себя, и он, утробно скрипнув, выдвинулся почти до упора.

— Ч-чёрт... — выдохнул я, напрочь позабыв о галантности. — Что это?!

Дно ящика устлало открытки, на которых плыли и плыли навстречу водопадам дощатые дома, и у каждой открытки правый нижний уголок был слегда надорван. Вероятно, вследствие неаккуратного вскрытия конверта.

— Спасибо, — сказала хозяйка. В её благодарности тепла было не более, чем в леднике мясницкой, увешанном освежёванными бело-лиловыми тушами. — Покойной ночи.

Более не было сказано ни слова.

В абсолютной тишине я пересёк гостиную и попал в полумрак прихожей. Я не оборачивался, но знал, что тётя Джейн молча смотрит мне в спину.

И лишь когда, шаркая, точно старик, по истёртому ковру, я поднялся по лестнице, ведущей в мою комнату, она разомкнула тонкие губы.

— Наверное, это проклятие, — сказала она. — Мы тут все — прокляты.

* * *

Затворив дверь, я зажёл настольную лампу под зелёным абажуром и, стремясь поскорее затушевать в памяти нелепый и пугающий разговор, принялся за остальные материалы по делу Шмида.

Второй листок — без подписи и отличным от фаржева почерком, торопливым и небрежным, однако довольно разборчивым, — сообщал о последних встречах несчастного.

Так, накануне вечером у него побывал господин С., наследника которого учитель подтягивал по физике. Вышеназванный господин показал, что, пользуясь оказией, решил занести учителю деньги за последние уроки. Сумма, указанная господином С., была найдена при повторном обыске дома. Записано верно со слов госпожи Марпл.

Эта же госпожа показывала, что покойный слыл человеком нелюдимым, не склонным доверять свои мысли и чувства даже благожелательно настроенным к нему людям, несмотря на многократные предложения последних разделить с ними свои заботы. Он был вдов — жена, которую он «безумно любил» (почему-то казалось, что без этой фразы неведомая госпожа Марпл протокол не подписала бы), умерла в начале мая пятого года Нашествия.

Заметка на полях: *«Годовщина ровно за неделю до убийства».*

Уже четверо, подумал я. Почтальон, садовник, господин С. И эта госпожа Марпл... правда, под большим вопросом.

Я рассеянно перевернул страницу.

«*Кёстнер, Фидель, господин С. Госпожа Марпл (?)*», — было написано на обороте.

Мне стало нехорошо, и я торопливо ухватил следующий листок.

Он жаловался, что бумаги учителя, якобы сданные в архив, утеряны. Внизу была приписка: *«Проверить факт сдачи!!!»* Еще ниже: *«Дежурный по архиву факт подтвердил. Ничего не понимаю...»*

Пятый лист целиком занимали два рисунка. Первый из них представлял цепочку сомкнутых дуг, опирающихся на горизонтальную ось. Похоже на спину муляжной гусеницы, подумал я. Или на циклоиду — линию, описываемую точкой на катящемся колесе... вроде бы так.

Второй рисунок состоял из похожих дуг, но их смежные края не соприкасались, как на первом эскизе, а пересекались, образуя петли.

Белиберда какая-то, подумал я.

На обратной стороне листа сообщалось, что это копия одного из пропавших чертежей Шмида, воспроизведённая по памяти дежурным по архиву лейтенантом Пуаро. Комментарий ниже привлёк моё внимание: *«Первое —*

циклоида. Траектория точки на ободке колеса. Второе — неграмотно начерченная циклоида. Наверное, нерадивый ученик старался».

Наверное, согласился я с неведомым предтечею. На колесе нет точек, движущихся против направления общего движения. И ещё я подумал, что по закону подлости важные документы обречены пропадать безвозвратно, в то время как всякий хлам — вроде этого вот упражнения — долговечнее пирамид.

«Сегодня имел честь познакомиться с господином комиссаром. Он пригласил к себе, любезно предложил колченогий стул с торчащей из сиденья пружиною, после чего поинтересовался ходом расследования. Хвастаться особо нечем, в чём я и сознался. Выложил всё как есть. Сказал, что фактов много, но они столь противоречивы, что, наверное, я скоро утону в их омуте. Напоследок рассказал историю с окурком, обнаруженным под окном убитого: как, проявив инициативу, я весь день обходил табачные лавки, объясняя их владельцам, что нам — инспектору Хэмпу и мне, его помощнику, — важно определить круг любителей марки «WSC». Торговцы жаловались, что клиентов на этот сорт практически нет. А вечером инспектор, выслушав мой доклад, процедил углом рта (другой у него вечно занят сигарой), что иного результата и быть не могло, поскольку курить подобную отраву способен лишь один человек в городе: вульгарный толстокожий полисмен вроде него. Он извлёк жёванный окурочек изо рта и сунул мне под нос. Много болтаешь, добавил ещё инспектор.

Комиссар вежливо хихикнул над этим анекдотом, после чего пожелал мне удачи, пожал руку, и мы расстались. Честно говоря, так и не понял, зачем меня вызывали. Ладонь комиссара неприятно мягкая и влажная. Ещё не понравилась его приторная улыбка, бегающий взгляд и преувеличенно бравый тон. С такими манерами, сдаётся мне, принято ободрять безнадежно больных...»

Фактов ему много, подумал я раздражённо. А тут хоть бы что-нибудь, кроме стопки занюханных листочков...

Следующая страница была обугленной, будто выхваченной в последний миг из камина. Дело вообще производило странное впечатление: одни его листы — чистые и гладкие, как и положено бумагам в образцовом комиссариате; другие — мятые и затёртые, с выцветшими чернилами, а то и пожелтевшие — точно прошедшие в архиве годы и годы. Или вот, пожалуйста, обгорелой к тому же.

«Беседовал с Фаржем.

Приватности не получилось — и Нейлэнд, и Гастингс были тут же. И Броньолус, конечно. У этого типа нюх на чужие секреты — крысиный. Фарж отвечал неохотно; ничего к тому, что написал в рапорте, не добавил. Тут Броньолус, как бы между прочим, упомянул про «пальчики» на ноже. Фарж вышел из себя и закричал, что никаких отпечатков не было, что нечего выставлять его идиотом. Констебль, хихикая, гнул своё. Хвастал своей отличной памятью. Она у него действительно своеобразная, за неделю службы я оценил. Крепкая на чужие промахи. Злая. Ему по душе напоминать ближним об их огрехах. Он зовёт это принципиальностью и всем уже осточертел. В конце концов оба детектива вступились за Фаржа, но тут мнения их разделились. Нейлэнд утверждал, что нож, кажется, был чистый, а Гастингс — что Фарж всё-таки снял отпе-

чатки... кажется. Уверенности не доставало ни тому, ни другому. Броньолус хихикал. Тогда я спросил, где сам нож. Какой нож? — удивился Фарж. Все четверо уставились на меня. Изумление их казалось неподдельным. Подумалось: или они меня ловко дурачат, или кто-то из нас сошёл с ума. Я схватил рапорт, чтобы зачитать вслух соответствующий пассаж и... и не нашёл его. Орудие убийства — говорилось в отчёте, что я держал в руках, — не обнаружено. Как же так?! Ведь я готов ручаться, что...»

Остаток записи давным-давно стал пеплом.

Так-так, думал я, отыскивая рапорт Фаржа. Так-так... вот!

Лист был как новенький, но я нисколько б не удивился, если бы он вдруг рассыпался у меня в пальцах. Я заметил, что держу его за самые уголки, точно пропитанное ядом послание:

«Убитый... за дверью... с ножом в глазу...»

Пальцы мои дрогнули — как когда-то, — и рапорт, скользнув по ледяной, будто чужой, коленке, свалился под стол. Утром подниму, решил я, беря очередной лист дела о несчастном учителе. Предпоследний.

Читать его было сложно. Почерк явно был прежний, однако буквы належали друг на друга, словно писалось второпях или в сильнейшем волнении. По себе знаю: когда возбуждён, у меня тоже буквы прыгают.

«Так дальше невозможно. Впечатление, что каждый из окружающих что-то знает, или предполагает, или слышал краем уха, но вместе с тем никто не может сообщить мне ничего внятного. Или не хочет?! Комиссар сочувствует, инспектор торопит (он ЯВНО что-то подозревает, но из него и клещами лишнего слова не вытянешь!), а мне абсолютно не за что зацепиться. Улики будто нарочно подобраны так, чтобы противоречить друг другу. Какой-то заговор молчания... поневоле станешь параноиком. Что ж, попробуем безумные идеи...»

Про инспектора — это он в точку, подумал я. Кстати, не помню, чтобы тот курил. Бросил? Неделью назад? Не верю. Видал я заядлых курильщиков, недавно отлучённых от зелья, видал...

«Кому помешал учитель? Чем? Никто не может сказать... кроме, похоже, меня. Когда-то Шмид пытался описать траектории движения во времени пришельцев. (О-о, кое-что и я, оказывается, знаю!) Допустим, он не оставил попыток и доныне. Допустим, у него что-то получилось... какая-то формула или график. Кому эта самая формула могла прийти не по нраву? Не отпрыску господина С., точно...»

А ведь верно! — спохватился я, испытывая одновременно симпатию к своему предшественнику и досаду, что не додумался сам. А ведь мне было легче. Я ведь слышал о Шмиде, и давным-давно.

«Вероятно, убийца — Молчун. Возможно, последний на Земле. Не знаю, как он уцелел, да это и не важно. Важно, что он может возвращаться назад в прошлое (не в любой момент, и не в любую его точку однако) и как-то путать следствие. Уничтожать или подтасовывать улики, например. Во всяком случае, такое предположение объясняет весь этот бардак с...»

Тут, видимо, неведомый детектив надолго задумался — на листе красовалась жирная, многократно обведённая пером восьмёрка, лежащая на боку.

Знак бесконечности.

Я отыскал лист номер пять, с рисунками. Теперь, когда я смотрел на них другими глазами, они представлялись мне тем, чем были на самом деле: не потугами нерадивого ученика, но попыткой учителя — с помощью известных ему моделей — вычислить темпоральный маршрут чужака. Время как диск. Колесо, на котором мир катится из прошлого в будущее...

Кстати, вдруг вспомнил я, фрагмент выступающей части железнодорожного колёса, так называемая реборда, в определённый момент времени движется против направления состава. Наивно, согласен. Суть времени вряд ли по зубам столь примитивным построениям... они ближе к нелепым *perpetuum mobile* с перекачивающимися (в идеале — вечно!) шариками, чем к истинной природе мироздания. И отставной учитель ближе к какому-нибудь безвестному средневековому чудаку, наивно мечтавшему — посреди зловонной и тусклой эпохи — распахнуть своим изобретением границы познания, чем к нашему современнику: блестящему и благоухающему отцу газовой камеры, например.

Однако вечный двигатель в конце концов заработал.

Однако Шмид перешёл дорогу пришельцу...

Я помотал головой.

«В свете этой теории убийцу следует искать как среди знакомых старика, так и всех, причастных к расследованию. Итак, что мы имеем?..»

Я подвинулся поближе к лампе.

«Подозреваемые:

почтальон Кёстнер,

садовник Фидель,

господин С.,

госпожа Марпл (?),

лейтенант Пуаро,

констебль Броньолус,

помощник инспектора Фарж,

детектив Нейлэнд,

детектив Гастингс,

инспектор Хэмн (???),

господин комиссар.

Всё?»

Мне тоже казалось, что список не полон. Вертелось в голове некое обстоятельство, которое — я чувствовал — необходимо вспомнить и учесть... но оно маячило где-то с краю и не вспоминалось, и изводило, точно зубная боль. Я зевнул.

«Если графики Шмида хоть сколько-то верны, то теоретически определить Молчуна просто. Его время всегда (почти) течёт или быстрее, или медленнее нашего. Скорее всего, визуально этого не определить — Молчун умеет имитировать скорость обычного человека. Зато, например, часы возле него либо отстают, либо спешат. Но толку-то — в этом проклятом городке нет ни пары годных часов. Даже мои сломались...»

И мои, добавил я. Пятнадцать лет служили верой и правдой, а на днях — встали.

«Есть мысль: шарики...»

Что ещё за шарики?! Раздражённый тем, что коллега оборвал письмо на самом интересном месте, я жадно схватил последний листок.

«1: ПК, СФ, ИХ, и М выше КБ, ПИФ, ЛП и ГС.

2: ПК, КБ, ГК и ДГ равны СФ, ПИФ, ЛП и ДН.

3: ГК, КБ, ДГ, ИХ ниже СФ, ПИФ, ДН и М».

Жирная черта. Три восклицательных знака.

Больше на листе ничего не было.

И листов больше не было.

Такой вот облом.

* * *

...тут не бывает дня — всегда ночь, и Луна равнодушно, будто некий внеземной наблюдатель, давным-давно мёртвый к тому же, глядит сквозь узкую прореху в сизых тучах на зубцы городской стены и тёмные, молчаливые, без единого проблеска и звука здания, в безмолвии своём и мраке кажущимися не более чем сдвинутыми вместе декорациями забытого спектакля: такие же пустые и ненужные, всем надоевшие, пыльные; идеально подходящие для того, чтобы снова и снова становиться сценою бессмысленных жестоких убийств, каковые и вершатся с пугающей регулярностью, давая повод одутловатым бородавчатым горожанам негодовать, гневно пуча глаз, на бездействие магистрата и полиции, выпускать пар и тоску, поднакопившиеся за век жизни без солнца и без неба с утренними птахами; а между тем полиция не бездействует: всякий раз ловит и предаёт убийцу правосудию, несмотря на то, что стражей порядка лишь двое — инспектор и его помощник (полицейским никто не желает быть, но затем кто-то уступает увещаниям, апелляциям к чувству долга и, главное, какой-то печальной фатальности, пропитавшей здесь сам воздух); суд — всегда справедлив и суров — приговаривает убийцу к вечности в одиночной камере, поскольку каждая жизнь священна, и жизнь душегуба не исключение, а жертву всё равно не воскресить; и горожане расходятся по своим тёмным жилищам, довольные триумфом закона и гордые собственным милосердием за чужой счёт, а следом выпускают (ибо в городе нет тюрьмы) и осуждённого: злобного типа с жесткой, как шерсть, шевелюрой, покатым лбом и внушающими трепет надбровными дугами, который, выждав немного (обычно — до ближайшего воскресенья) удобный момент, кроваво мстит поймавшему его инспектору; осиротевшую должность автоматически наследует помощник и, выбрав себе подручного, отправляется ловить преступника — *percat mundus et fiat justitia!* — а это непросто, так как злодей осторожен и изощрён, со сверхестественным нюхом на опасность, он не только внешне похож на зверя; но сыщики упорны и рано или поздно одерживают верх, добро побеждает! — а потом зло насмешливо берёт реванш, и вчерашний помощник уже в роли инспектора начинает всё сначала, сначала, сначала... и вот уже помощник, только что узнавший о гибели своего шефа — я...

* * *

Аж шею заломило от такой вести. И плечи. Я поднял голову и обнаружил, что уснул за столом, на листах дела. Немудрено, что снится всякая чушь. Уже рассвело, и горящая лампа на фоне оконного переплёта, за которым серело утро, была как сюрреалистический этюд, набивший оскомину своей оригинальностью. Хотелось чего-то обыденного, пресного. Морщась от боли в затёкших суставах, я побрёл в ванную комнату.

Вернувшись, я бегло пролистал дело, втайне надеясь, что изложенное в нём мне тоже приснилось. Увы, всё было на месте. Кроме рапорта Фаржа.

Я вспомнил, что ночью он упал под стол. Я нагнулся.

Между половицами и стеной зияла щель пальца в два шириною; рапорт застрял там. Я осторожно выудил его. Очень хотелось смять и ткнуть его обратно, но вместо этого, повинувшись внезапному порыву, я просунул в щель ладонь и, обдирая костяшки, извлёк оттуда сплюснутый кусочек свинца в латунной рубашке. Сердце заколотилось как дизель, у которого на пике мощности вдруг срезало муфту. Не надо было быть специалистом в баллистике, чтобы догадаться об изначальной форме и сути металлической горошины. Я аккуратно положил находку в карман.

Подавая завтрак, тётушка Джейн была на редкость молчалива. В необычно пустой — без привычных сетований на суставы, погоду и цены — гостинной стук чашек и звяканье ложечек были почти осязаемы, материальны, и я не знал, как завести разговор о своей находке. Случаются такие, похожие на тянучки паузы, в которые любое слово мнится невыносимо фальшивым, как фистула в государственном гимне. Наконец когда тётушка склонилась с кофейником над моей чашкой, я молча разжал кулак над блюдцем. Горошина тонко звякнула о фарфор. Тётушка Джейн отставила кофейник, невозмутимо добавила сливки и выпрямилась.

— У меня приличный дом, молодой человек, — молвила она чопорно. — И мои постояльцы *были* сплошь приличные люди. Здесь никогда не палили из револьвера.

Она взяла салфетку и старательно убрала лужицу кофе вокруг чашки.

Я промолчал, отметив про себя, что сейчас инспектор мог бы быть доволен своим подопечным, сумевшим без единого слова получить ответ. Знать бы ещё — на какой вопрос...

* * *

Утро я провёл, то и дело выглядывая в коридор. Надо было уточнить кое-что у старожилков — но без Броньолуса с его праведностью. Среди всех своих пороков тот имел, тем не менее, одно несомненное достоинство: принципиальное неприятие табака. Потому в курительной комнате был шанс поговорить с кем-либо из детективов наедине.

Им оказался Гастингс. Подражая какому-то своему эталону сыщика, он курил изысканную чёрную трубку, донце которой, давным-давно прогоревшее, было замещено монетой.

— Послушайте, — спросил я, — а что за парень служил здесь раньше?

Гастингс важно пыхнул ароматным дымом.

— Тут многие служили, — изрёк он. — Всех не упомнишь. Придут, покрутятся малость и увольняются, сообразив, что дело не для них. Сыск — это тебе не пиф-паф, приятель. Тут главное — кропотливый интеллектуальный труд. Дедукция. Нестандартное мышление. Умение переиграть преступника чёрными. Не всякому дано...

Пуф-пуф-пуф.

— Меня интересует предыдущий помощник инспектора, — уточнил я.

Гастингс округлил глаза и поперхнулся. Затем, изо всех сил стараясь не выглядеть поспешным, выколотил трубку в бронзовую пепельницу трубку, сунул её в нагрудный карман.

— Насколько помню, у инспектора не было помощников, — бормотал он, двигаясь бочком к выходу. — Зачем ему?

Я посторонился. Он взялся за ручку двери. Разговор был окончен. Я чувствовал себя неловко, будто какой-нибудь terrible, коему недвусмысленно дали понять, сколь его поведение enfant. С другой стороны, решил я, хуже уже не будет...

— Погодите!

Гастингс замер.

— Ещё один вопрос. Всего один. Абсолютно нейтральный. Какие сигары предпочитает инспектор?

Затылок детектива дёрнулся.

— Забыл, — сказал он, не оборачиваясь. — Инспектор не курит уж несколько лет...

Он вышел, плотно затворив за собой дверь. Я же сел на широкий мраморный подоконник и стал глядеть на мокрую листву внутреннего двора. Здание комиссариата имело П-образную форму, и одна его стена — абсолютно глухая, без единого оконца — была сплошь покрыта щербинами. Красный кирпич её будто исклёвали стальные клювы неведомых хищных птиц. Некстати вспомнился констебль, хихикавший на днях, что вот раньше, во время Нашествия и сразу после него, не было проблем с исполнением приговоров, хи-хи. Какие странные люди порою вершат правосудие, подумал я. Тут же припомнился и ночной кошмар, и неясная, ещё бесформенная, но уже отчётливо безумная версия случившегося... случающегося навалилась, стиснула сердце мерзкой холодной лапицей. Мне стало жутко. Я прижался щекой к холодному влажному стеклу. Господи, воззвал я. Неужели моё предположение — хоть на йоту — правда? Господи?!!

Как отреагировал Господь, догадаться не трудно.

* * *

Я вернулся в свою каморку, уселся за стол и начал перебирать сакральные листки, пытаясь с их помощью определить то, что не удалось ночью: личност последнего подозреваемого. Надо было чем-то занять мозги, вымести из них ту смутную страшную картинку, что привиделась в курительной. Да и утро, как известно, вечера мудренее... увы, не сегодняшнее. За час тупого си-

дения я уяснил лишь, что подозреваемый — с большой долей вероятности — это М, упоминаемый в последнем листе дела. Прочие одиннадцать аббревиатур легко поддаются расшифровке: СФ — садовник Фидель, ГК — господин комиссар и так далее; все из списка подозреваемых, и таинственный М в их числе. Логично. Блестяще. Гастингс с дедукцией удаляются в тень.

Но кто он, этот М?

И кто же всё-таки убийца?!

Каким образом мой предшественник вычислил его (а ведь вычислил, судя по восклицательным знакам в конце письма)? Какие-то шарики... я напруг память, ища ассоциации, но ничего не выудил, кроме полузабытой задачки из журнала.

Что случилось с самим предшественником? Он стрелял в моей комнате или... или в него стреляли? Кто? Хозяйка говорит — из револьвера. Кстати, мне оружие ещё не выдали, непорядок...

Я запихнул листки за пазуху и отправился искать лейтенанта Пуаро, добродушного толстяка с круглым лицом и завитыми вверх усами, заведовавшего хозяйственными делами комиссариата.

Лейтенант в каптёрке читал местную газету.

— Смотри, что пишут, — возмущённо сказал он, заведя меня. — Что пришельцы, мол, и никакие были не пришельцы вовсе, а ар-те-факты, вброшенные в сопредельную вселенную. К нам то есть. Это как же понимать?

Он развернул газету. Я пробежал глазами маленькую заметку, за которой — на всё пространство печатного листа — тянулся шлейф негодующих откликов.

— Так и понимать, — сказал я. — Предвидя собственную гибель и желая спасти хотя бы свои научные и художественные достижения, та цивилизация послала их нам. Аналоги своих книг, симфоний, картин, скульптур... Как подарок. Как свой прощальный поклон, если угодно. В память о себе...

Со временем не востребовавшие артефакты обветшали и обратились в прах.

Автором заметки был некто Бертольд Шмид.

— Хорош подарочек, — надул губы лейтенант.

Я дёрнул плечом.

— Откуда им было знать парадоксы нашего восприятия прекрасного? Например, сколько народу мы извели во славу того, кто завещал нам возлюбить ближнего? Мы сами-то со счёту сбились.

Лейтенант задумался.

— И то верно. Но всё равно обидно... выходит, мною столько лет какой-то глиняный горшок из музея понукал?!

— Это только гипотеза о внезапной смерти Молчунов, — сказал я. — Но даже если она и верна, можно иначе на это взглянуть. Мол, мы бережно хранили в себе предметы чужой культуры.

Как могли, добавил я мысленно.

— Тогда ладно, — смирился лейтенант.

Я спросил его о табельном оружии.

— Не положено.

— Почему?

— Потому что, — сказал лейтенант доверительно, — на весь комиссариат осталось всего два годных револьвера. У инспектора и констебля. Даже я, — он хлопнул по пустой кобуре, — свой потерял.

— Жаль, — сказал я.

— Да ладно, всё равно ствол был изношен... Слушай, скоро же годовщина Освобождения! Пиво, аттракционы... вечером фейерверк. Я записал тебя постовым на карусель. Ничего хитрого: будешь рассаживать народ так, чтобы вес обеих лодок был примерно равный. Для баланса, понятно? Чтобы ось не раскачивало.

— Карусель? — переспросил я. — Когда?

— В это воскресенье. Не знал? Странно, мне казалось, что у нас был разговор, будто ты сам просил... Спутал, наверное.

Я распрощался с добродушным лейтенантом и вернулся к себе. Инспектор уже ждал меня.

Я отдал ему ночную находку. Пока, наморщив лоб, он изучал улику никому не ведомого преступления, я жаловался, что совсем запутался.

— К лету вряд ли управлюсь, — закончил я.

Инспектор отложил пулю и внимательно посмотрел на меня. Хмыкнул.

— Навестим-ка твоего предшественника, — неожиданно предложил он.

— А?.. — не понял я.

Но инспектор уже покидал мою служебную клетушку.

* * *

— И садовник здесь, — пробурчал инспектор, возвращая мне листок со списком подозреваемых. — Конечно. Какой же детектив — без садовника?..

Мы двинулись по аллее с пирамидальными тополями. Тут недалеко, пообещал инспектор.

— Мне ваша ирония непонятна, — сказал я. — Я, например, склонен оправдать ту женщину, госпожу Марпл, но никак не садовника. Насколько я понимаю, она уже в годах, и вряд ли у неё достанет сил вонзить нож в чело-века...

— Брось, — сказал инспектор. — У тебя просто практики нет. За свою карьеру я встречал старушек, способных взобраться по водосточной трубе, спуститься через дымоход в запертую комнату, убить, расчленив труп, съесть печень врага и уйти тем же путём. Тут, главное, мотив. Ты знаешь мотив?

— А кто она, госпожа Марпл? — спросил я.

— Твоя домохозяйка. В прошлом — внештатный осведомитель первого ранга, между прочим.

— Беру свои слова обратно, — сказал я. Действительно, опыта и знания людей мне доставало.

— Ты должен подозревать всех, — сказал инспектор.

— И вас?

— Особенно — меня, — сказал он, проигнорировав мой сарказм. — Зря ты мне показал бумаги.

— Почему? — удивился я.

— Потому что я сам себе не доверяю, — сказал инспектор, засовывая руки поглубже в карманы. — Видишь ли, после того, как выпускаешь в свой мозг нечто — добровольно или против воли, неважно, — ты уже не вправе ручаться за себя. Кто знает, что за изменения произвело оно в структуре твоей личности? Возможно, ты уже и не ты вовсе, а так, некий футляр, вообразивший себя тобой...

Некоторое время мы шагали молча. Справа текла река. Впереди, обнесённый сложенной из камней стеной, виднелся какой-то парк — мокрые зелёные кроны над серой полоской ограды.

— Мне кажется, мой предшественник знает убийцу, — попытался я отвлечь инспектора от невесёлых дум.

Безуспешно.

— Он здесь живёт? Шикарное место. Он что, клад нашёл, а? Что ж, человек, способный купить такое просторное имение, может позволить себе оставить работу в полиции... — мне тоже надо было отвлечься от тревожных мыслей, вот я и нёс чепуху, вопреки острому ощущению, что развязка близка, жуткая развязка. Подобная слепота и покорность обстоятельствам при существа, говорят, осуждённым на казнь, многие из которых — до самого конца, вопреки разуму — надеются своей покладистостью заслужить снисхождение палача. Глупо, но, увы, я их понимал.

— Осталось узнать у него имя убийцы, вернуться и арестовать...

— Пришли, — сказал инспектор, входя под гипсовую арку.

Я шагнул следом и очутился на кладбище.

Чуда — из тех, что ждёт, сунув в песок голову, пресловутый страус, — не произошло.

Шеренги разномастных надгробий выстроились между деревьев, точно изготовившиеся к атаке войско. Сбоку, возле домика с лопатами, граблями и прочим инструментом, кладбищенский сторож возился с заступом. Он поклонился издали.

Котелок инспектора мелькнул за мраморными и бронзовыми изваяниями и пропал. Я заторопился следом и, конечно, заблудился. Величавые лица равнодушно взирали на меня выпученными слепыми глазами, вычурные эпитафии угнетали пошлостью, и я перевёл дух, оказавшись, наконец, среди могил поскромнее — под вытесанными из дешёвого камня плитами, на которых едва умещались фамилия и пара дат. Здесь я вновь увидел инспектора: с непокрытой головой он стоял в дальнем углу кладбища спиной ко мне. Кажется, он не заметил, как я подошёл. В левой руке он держал котелок, правая по-прежнему была в кармане. Я вытянув шею, пытаюсь прочесть имя того, о ком столько думал в последнее время.

— Как его звали? — спросил я. На надгробии не было ни строчки.

Инспектор вздрогнул.

— Не знаю, — сказал он. — Какой-то бродяга без документов... но иногда

мерещится, что я хорошо его знал, что мы работали вместе... что он даже был моим помощником...

Инспектор помотал головой.

— Вы сказали, карусельщик спутал меня с ним, — сказал я. Теперь, в отсутствии пространства для трусливых надежд, голова моя варила как положено. — Что он натворил?

— Едва не устроил аварию... — инспектор говорил с паузами, точно пробуя свои воспоминания на достоверность. Так пересказывают сны. — Следил за посадкой, регулировал противовесы... сам вызвался. Хвастал, что знаком с техникой... как и ты. Вот. А потом не углядел... одна лодка поднялась гораздо выше другой, карусель закачалась, женщины завизжали... Он сказал, что ошибся. Что будет внимательнее. Ладно. Второй раз всё прошло нормально. А потом снова одна лодка взлетела выше другой, карусель начала раскачиваться так, что лопнули подшипники. Пришлось закрыть аттракцион.

Инспектор вздохнул.

— Я на него здорово осерчал, но он что-то мне объяснил, что-то важное... но вот что — не помню, хоть убей...

— Он указал вам убийцу, — сказал я. — Но схватить того не успели: он улизнул в прошлое и убил вашего помощника сразу после того, как тот вошёл в город. Помощник ведь был не местный, верно?

— Откуда ты?..

— Позже. Вы ведь были тогда на карусели. Во второй лодке находились садовник, Фарж, Нейлэнд и ещё кто-то. Вспомните, кто это был.

Инспектор смахнул котелком пот со лба.

— Некто М, — подсказал я.

— Могильщик... — сказал инспектор неуверенно.

Мы разом оглянулись.

Сторож стоял метрах в десяти; кромка заступа, что держал он в руках, блестела, как бритва. Конечно, сторож, подумал я. Обычно нелюдимый учитель разоткровенничался с ним о своих изысканиях, когда посещал могилу жены, и, вот, результат... В следующий миг сторож двинулся на нас — по-карикатурному проворно, точно персонаж фильма тех давних лет, когда кинокамера ещё не поспевала за актёром. Его глаза полыхали... окаменевший, я наконец-то увидел взгляд Молчуна. Разноцветные спирали вокруг зрачков, а над ними блеск стали... Откуда-то издалека раздался глухой хлопок. Ещё один...

Смертоносная лопата вонзилась в землю в каком-то метре от моих башмаков.

* * *

— Он рассаживал подозреваемых так, чтобы вычислить Молчуна, — сказал я. — Из двенадцати человек он за три хода определил того, чьё время отличается от нашего с вами.

— Всё равно мог бы поаккуратнее, — буркнул инспектор, хмуро разглядывая разорванный пороховыми газами карман. — Зачем карусель-то ломать?

— Не мог, — возразил я. — Колебания карусели возникали не из-за веса пассажиров, а из-за того, что время в одной лодке текло медленнее, чем в другой. Следовательно, и линейные скорости, и центростремительные ускорения, и описываемые лодками радиусы были различны. Мне достаточно было запомнить разницу в высоте подъёма лодок и...

— Тебе? — переспросил инспектор.

— Ну да. Разоблачив Молчуна, я погиб от его же руки ещё до того, как поступил на службу к вам. Но убив меня однажды, Молчун и сам попал во временную петлю (втянув в неё весь город) и был обречён раз за разом повторять своё злодейство. Я — новый — вступал в петлю сразу после смерти предшественника, тогда как вы жили и старели всегда в одной и той же неделе. Не знаю, почему так получилось. Может, в большом мире мне суждено дело, которое никто не исполнит, кроме меня, а?

— Эх, молодёжь, — фыркнул инспектор. — Всё вам мнится, что вы рождены для великих дел. Ничего, годы и это лечат.

— В любом случае я не собираюсь оставаться здесь навсегда, — сказал я. Если инспектор прав, то следовало спешить, пока годы не истрепали мою самоуверенность.

— Интересно, а сколько их было — петель? — спросил инспектор.

Я раздвинул живую изгородь, и мы увидели ряды и ряды одинаковых бессловных памятников; они тянулись до самой реки, похожей отсюда на изумрудную ленточку.

— Ого! — сказал инспектор.

— Наверное, за каждый мой день в горах, — промямлил я.

Хотя, конечно, их было гораздо меньше.

Мы вернулись к остановке.

Дождь иссяк. Серая пелена облаков медленно сползала к горизонту, обнажая яркое синее небо; её пышный край сверкал, как гряда далёких заснеженных вершин.

— Хмурая нынче весна, — сказал я.

— Двойка тебе за наблюдательность, — сказал инспектор. — Уже осень. Я как понял, что ты путаешь времена года, так и решил сказать тебе о предшественнике. Теперь ясно, почему никто его толком не помнит. Трудно запомнить будущее...

Подкатил дребезжащий трамвай. Мы вошли в него, и печальный кондуктор вдруг улыбнулся мне, как старому доброму знакомому.

АЛЕКСАНДР САЛЬНИКОВ

ПЧЁЛЫ

1

Ребенок, рожденный в любви

— ТЫ УВЕРЕНА, ХЛО? — ЭДВАРД С ТРУДОМ ОТОРВАЛ взгляд от ее гладкого лобка. Мысли путались, дыхание сбивалось. Он сглотнул липкий ком, отдышался. — Я сделаю. Но ты уверена?

В ее глазах было столько решимости, сколько Эдвард не видел за все тридцать лет жизни.

— Я не люблю его, Эдди. Понимаешь? Не люблю мужа. — Зеленые радужки подернулись мутной пеленой. — Думала, что полюблю...

Эдвард нахмурился и отвел глаза. Взгляд заскользил по операционному столику с инструментами, пробежался по сенсорной панели медбота и врезался в кругляш блестящего пластика.

— У тебя срок одиннадцать недель. Одиннадцать, — глухо сказал Эдвард. Ему страстно захотелось схватить со стола диск, швырнуть на пол и топтать до тех пор, пока не рассыплется в мириады осколков, в пыль, в атомы пластик, хранящий на поверхности самое страшное творение человечества — программу аборта. Написанную им, доктором Эдвардом Мартигоном младшим.

— Когда-то ты обещал сделать все, что я попрошу, — Хлоя взяла его за руку. Кожу обдало нежностью даже через латекс хирургической перчатки. — Я не люблю мужа, — как заклинание повторила Хлоя, и нежность превратилась в обычное тепло. — А ведь только ребенок, рожденный в любви...

— Не надо, — оборвал Эдвард. — Я сделаю это.

Медбот не принял диск — он вырвал его из пальцев, проглотил, как уродливая хромированная жаба зазевавшегося пластикового кузнечика. Едва слышно жужжа, машина зависла над Хлоей. Выпростала из нутра сегментный отросток и ткнула в пульсирующую вену. Дыхание Хлои стало глубже.

— Фаза один закончена, — отрапортовала жаба. — Приступить к фазе два?

— Помилуй меня, Боже, — прошептал Эдвард. Перекрестился и как можно увереннее приказал. — К фазе два приступить.

Бот пиликнул, запуская остаток программы. Описал дугу, завис меж широко расставленных коленей Хлои.

И рухнул.

В операционной погас свет. Земля задрожала, воздух наполнился низким утробным рыком, принимающим до диафрагмы даже здесь, под землей. Усиленный киловаттами голос прогремел:

— Доктор Эдвард Мартигон младший! Хлоя Элеонора Леховски! С вами говорит детектив Чанг! Дом окружен! Выходите с поднятыми руками! У вас девяносто секунд! В случае неповиновения мы применим силу!

В наступившей тишине крик Хлои ободрал натянутые нервы:

— Ты! Как ты мог? Ты предал меня!

В подсобке поднатужились и загудели аварийные генераторы. Свет ударил по глазам.

— Сара, помоги! — Эдвард придавил беснующуюся Хлою к креслу. — Малыш, это не я! Слышишь? Это не я! — Слова вылетали испуганными птицами.

Пока медсестра затягивала на ногах и руках петли, он лихорадочно соображал. Никто из прислуги выдать не мог: Эдвард заказывал их лично. Значит, полицию привел талантливый детектив Чанг, а может, и безымянный талантливый инженер, вложивший в медбот сигнальный маячок как раз на такой случай. На случай, если найдется талантливый хирург, который решится...

Талантливый хирург.

В ту же секунду ему стало удивительно покойно.

— Успокойся, — Эдвард крепко сжал заплаканное лицо в ладонях. — Я сделаю операцию вручную.

Хлоя тоненько всхлипнула, но промолчала.

— Джозеф! — Дверь отворилась, и в операционную заглянул охранник. — Нас будет штурмовать полиция, — надавив на «будет», ответил на молчаливый вопрос Эдвард. — Сколько у меня времени?

— Десять, девять, восемь, — подал голос детектив.

Джозеф глянул на убитый электромагнитным импульсом медбот:

— Дверь и ставни им не открыть. Будут резать.

— Два, один! Время вышло!

— Трехдюймовая сталь — это примерно минут шесть, семь, — закончил Джозеф.

— Мне нужно больше, — Эдвард швырнул инструменты в древний сушильный шкаф. — Столько, сколько сможешь обеспечить.

Джозеф понимающе кивнул:

— Сара?

Та вопросительно глянула на Эдварда.

— Ты нужнее мне там, наверху.

— Для меня было честью работать с вами, доктор, — медсестра подобрала упавший со столика скальпель.

— Прощайте, господин Мартигон, — охранник вытянул из чехла шокер и заспешил вверх по лестнице. — Джозеф! Джозеф! Сара! Занять оборону в холле!

«Занять оборону!» — Горько улыбнулся Эдвард, запирая засов. Если охранники сделаны из того же теста, что и полицейские штурмовики, то у садовника, повара и медсестры шансы устоять были нулевые. Да и что могут сделать шокер и скальпель против автоматов? Даже если к ним придут на подмогу секатор и кухонный нож.

— Ты готова? — Эдвард посмотрел поверх накинутого на колени фартука на бледное лицо Хлои. Она мелко закивала.

Эдвард глубоко вдохнул и ввел зеркало.

Руки работали сами собой. В голове крутились строчки из запрещенной книги, взятой тайком еще в детстве из библиотеки деда.

«Ухватить пулевыми щипцами и подтянуть ко входу...» «Раскрыть канал путем последовательного введения расширителей разного диаметра...»

Когда вырезанная стальная дверь грохнула, разбивая в щепу антикварный ореховый паркет холла, настал черед абортганга.

Кровь барабанила по перепонкам, заглушала стрекотание автоматов и надсадные крики.

— Осталось совсем чуть-чуть, Хло, — облизал пересохшие губы Эдвард. — Еще немного.

Тяжелые ботинки затоптали по лестнице. Над закрытым засовом засияла оранжевая искра и, брызгая желтыми огоньками на кафельный пол операционной, поползла вниз.

«Для профилактики резус-сенсибилизации необходимо внутримышечно ввести антирезусный иммуноглобулин...»

Эдвард вдавил по хромированному боку медбота. Сунул в замятую щель окровавленный абортганг и скovyрнул панель. Надрезать кончик ампулы не стал — стекло хрустнуло на зубах.

— Вот и все, — сплюнул осколки Эдвард и дрожащими пальцами начал набирать маслянистую жидкость в шприц.

Удар был такой силы, что дверь, казалось, лопнула. Эдвард ввел иглу в плечо Хлои.

— Да у вас тут прямо бункер, — в голосе Чанга мелькнуло восхищение. — Хлоя Элеонора Леховски, вы арестованы за отказ от материнства и убийство плода! Доктор Эдвард Мартигон младший, вы арестованы за убийство плода, соучастие в отказе от материнства, — Чанг перевел дух, — и сопротивление полиции!

— Джентльмены, — не оглядываясь, сказал Эдвард, — покиньте операционную.

Маслянистая жидкость слишком медленно покидала шприц.

— Не упорствуйте, — гнев в голосе детектива стал похож на туго свитый канат.

Эдвард выжал до упора поршень, выдернул иглу. Хлоя приоткрыла глаза и по щекам ее побежали новые слезы.

Под клацанье затворов Эдвард медленно обернулся:

— А вы успели заменить свинец на транквилизаторы? — Скуластое лицо Чанга побледнело, и высокий сухопарый детектив стал похож на натянутый канат. — Вы же профи, офицер. Мы оба знаем, что будет, если ваши Джозефы наломают дров. — Эдвард заметил, как Чанг покосился на штурмовиков, как поджал мясистые губы. Заметил и понял, что угадал. Сердце гулко бухнуло, надпочечники выстрелили так, что заныла селезенка. — Кстати, где врачи? — решил дожимать Эдвард. — В мобиле? Ай-й-й, детектив, что теперь скажут о вашей компетентности? — покачал он головой. — Я требую, чтобы два акушера сопровождали женщину от этого места вплоть до зала суда.

Чанг выругался сквозь зубы и запросил связь с мобилем.

Эдварда вдруг заполнила усталость и безразличие. Он не испытал никаких чувств, когда шел по разгромленному дому, переступая через тела прислуги, когда садился в аэромобиль полиции, когда видел, как грузят в соседнюю машину закутанную в простыни Хлою. Внутри Эдварда было пусто и тихо. Только перед самой посадкой он вдруг вспомнил пятно на ореховом паркете, натекавшее из-под повара Джозефа. Вспомнил и удивился. Кровь была такой же красной, как и у него, Эдварда. Видимо, в агентстве перестали экономить на гемоглобине.

2

Бриллиантовая дорога

Ольга Дегтярева перевернула страницу:

— Голод, болезни и страх обрушились на поселенцев. Холодными ночами они рыдали, охваченные тьмой, и сетовали на судьбу. И тогда капитан «Ковчега» Скворцов собрал уцелевших при посадке поэтов и музыкантов, художников и артистов, ученых и инженеров и произнес: «Братья и сестры! Здесь, вдали от заблудшей родины, судьба посылает нам еще одно испытание. Некому защитить нас, некому обогреть и накормить. Я не могу приказывать вам, братья и сестры, но я прошу. Пусть выйдут вперед те, кто готов отдать всего себя ради спасения человечества!» Так говорил капитан Скворцов, и слова его тронули каждое сердце.

Артем заерзал и ухватил ее пальчиками за рукав.

— Что, мой хороший?

— Я хочу нарисовать капитана Скворцова. Я уже все придумал, мам! Он стоит перед командой, одетый в космолаты. За ним поднимается второе солнце и отражается в обшивке «Ковчега». И если правильно смешать краски, то получится гармоничный переход к трем окружностям. Композиционно я выстрою это так, — Ольга сдвинула брови и прищурилась на сидящую напротив Сару. Та на секунду оторвалась от вязания и пожала плечами. — Мам, ты меня слушаешь?

— Конечно.

— Так вот, я выстрою это так, будто капитан стоит на фоне нашего флага. Здорово?

— Очень хорошо, — Ольга еще раз запоздало пожалела, что пошла у мужа на поводу, когда заказывала Сару. Образование — это замечательно, но у мальчика должно быть детство. Она ткнула мизинцем в четверку и тройку на панели ежедневника, и на экране привычно загорелось: «Напомнить няне ограничить чтение спецлитературы». — У тебя выйдет прекрасная картина.

— Давай, мам. Сейчас будет мое любимое место.

Ольга украдкой улыбнулась и продолжила:

— И тогда шагнули вперед семеро, но только двое оказались лучшими. Двое могли за ночь впитать азы любого ремесла. Двое хранили в себе код умения постигать. И имя им...

— Сара и Джозеф! — Подхватил мальчик.

В дверь кабинета деликатно постучали.

— Входи, Джозеф, — отложила книгу Ольга.

— Ваша честь, до начала заседания десять минут, — помощник поставил на столик поднос. Аромат капучино зашекотал ноздри. Ольга тоскливо посмотрела на лежащий подле чашки микролибер. — Дело категории А, — перехватил взгляд Джозеф и откланялся.

— Вот что, Темка, — Ольга отстранилась от сына и погладила его по щеке. — Я сейчас немножко поработаю, а ты пойдешь к себе. А когда я закончу, мы посмотрим твои наброски. Угу?

— Угу, — буркнул мальчик. Но потом обнял мать и прошептал, — возвращайся скорей.

— Я недолго, — улыбнулась Ольга. — Сара, «История Сан-Сити для детей» Вильяма Толстого. Страница семьдесят четыре. Второй абзац. Если я задержусь, повторите с Артемом заповеди.

Няня кивнула, аккуратно смотала клубок, воткнула в него спицы и сунула рукоделие в угол кресла:

— Много дней и ночей трудились ученые над телами Сары и Джозефа, — взяла она мальчика за руку. — И настал час, и явились миру они — опора человечества. И теперь все мы помним и чтим Сару и Джозефа. Сильных и смелых людей, отдавших самое себя ради спасения, ради блага и процветания Города Солнца.

— Сара, а у вас с Джозефом могут быть детки? — донеслось уже из коридора.

— Что ты, милый, — рассмеялась няня, — нас забирают из агентства.

Ольга вставила в ухо микролибер и взяла чашку. Набрала полные легкие кофейного аромата и едва слышно произнесла:

— Начали.

— Дело номер сто пятнадцать, категория А, — тут же отозвался приятный баритон. — Подсудимая Хлоя Элеонора Леховски обвиняется...

Микролибер с материалами явно составлял профессионал. Обычная нервозность отступила — дела категории А считались самыми простыми для принятия решений. Пульс было ускорился, когда прозвучало имя подсудимого, но после того, как баритон доложил, что Мартигон старший ходатайствует о высшей мере наказания, сбавил темп. А уж когда прозвучало имя прокурора — Габриель Рональд Бутси — Ольга и вовсе расслабилась.

Габриель Бутси снискал славу талантливого прокурора в двадцать пять. Его скандальное: «Мне хочется вышибить мозги каждой вымирающей панды, которая не желает трахаться ради спасения своего вида» потрясло присяжных настолько, что судье даже не нужно было высказывать свое мнение — двенадцать голосов были единодушны. Тот процесс над двумя лесбиянками, обвиняемыми в заведомом отказе от материнства, и эксцентричная речь прокурора вошли в новейшие учебники Права. Коллегам по цеху не пришлось по вкусу свалившаяся на Габриеля слава — его тут же обвинили в антигуманизме, но Ушлый Бутси вывернулся, сославшись на прямое цитирование классика. А уж когда Совет и правда обнаружил в золотых списках

некоего Паланика и роман «Бойцовский клуб», за реабилитированным Габриелем Бутси окончательно закрепились репутация лучшего прокурора.

Пока либер зачитывал список присяжных, Ольга допила кофе, потянулась и посмотрела на таймер. Часы показывали, что в шкафу ее уже ждет черная мантия, а в кабинете — резное кресло судьи, плазменная панель визора и флаг Сан-Сити, драпирующий одну из шести стен.

Ольга скинула власяницу и раскрыла шкаф.

Мантия нравилась Ольге с детства. Хотя она и не шла к ее эбеновой коже, но ощущение холодного шелка на обнаженном теле давало столько убежденности, заставляло подниматься подбородок и так приятно щекотало где-то в районе солнечного сплетения, что казалось — любое решение можно принять, ни на секунду не засомневавшись. Так было всегда. Не подвела мантия и этот раз — откуда-то изнутри накатила волна уверенности, захлестнула, накрыла с головой настолько, что босые ступни даже не почувствовали боли от рассыпанных по полу коридора, ведущего в кабинет, фианитов.

— Следуя постулату справедливости, адвокатом назначен Леопольд Франтишек Кац, — закончил баритон.

Вдоль позвоночника побежали ледяные муравьи. Постулат справедливости, один из трех краугольных камней, на которых держался Сан-Сити, заставил Леопольда Каца оторваться от созерцания исигуми и прийти в зал суда. Каца, который мог бы сыграть Гамлета, если бы не был рожден талантливым адвокатом. Ольга осенила себя треугольником и, усевшись в кресло, сказала:

— Гуманизм. Талант. Справедливость. Судья Ольга Марианна Дегтярева. Экран визора вспыхнул. Трансляция началась.

Одетый в терракотовое пристав встрепенулся:

— Всем встать! Суд в эфире!

— Прошу садиться, — кивнула Ольга и в душе порадовалась, что на том конце телемоста голос ее прогремел сталью.

3

Опьянение кислородом

Больше всего Леопольд Франтишек Кац не любил две вещи: ураганы и процессы категории А.

Дела о потомстве он невзлюбил с самого начала карьеры. Люди, отказывающиеся рожать себе подобных, подбрасывать хворост надежды в едва тлеющий костер жизни на этой планете, вызывали у Леопольда неприязнь. Именно она заставила талантливого адвоката оставить практику в неполные шестьдесят, уехать за город и заняться самосозерцанием. Уйти на самом гребне славы, купить дикую землю в пригороде и выстроить сад камней.

Там, за триста миль от защищенных территорий, Леопольд познакомился с ураганами. С ураганами, которые срываю крыши с беседок, потрошат розовые кусты, слизывают шершавым языком любовно просеянный песок,

поливают тяжелыми струями и превращают в лужу грязи его, его — Леопольда Каца — сад камней.

Ураганы были сильным противником, но он не привык сдаваться.

Гений непризнанного инженера, пожелавшего остаться неизвестным, и четверть миллиона благодарностей, заработанных непосильным трудом, родили на свет силовой купол, питающийся азотом. Потраченных сбережений было не жаль. Купол являл собой само совершенство: лиловый окрас, перетекающий в бирюзовую палитру при втором восходе, надежная защита и насыщенный, пьянящий кислородом воздух — все это делало приобретение Каца не только выгодным, но и воистину удачным. Купол не мог только одного — глушить входящие сигналы. Он не защитил адвоката от звонка Председателя Совета. Купол не смог победить постулата справедливости.

Подкупольный воздух не дал Леопольду принять правильное решение, кислородное опьянение — сказать верные слова в щель видеофона. Перманентное кислородное опьянение и еще, пожалуй, то, что прокурором назначили выскочку Бутси.

— Всем встать! Суд в эфире!

Леопольд нехотя встал. Не сводя глаз с сурового лица судьи, он украдкой сунул руку в карман. Пока пристав зачитывал обстоятельства дела, Кац старался не смотреть на нахально улыбающегося Бутси, на его свежевживленные зубы, на его васильковый галстук.

Кац старался не смотреть. Он катал по ладони камень мудрости, прихваченный наудачу из сада. Шершавая пемза легонько царапала кожу, и это расслабляло.

Когда с прелюдией было покончено, пристав возвестил:

— Процесс «Народ против Леховски и Мартигона младшего» прошу считать открытым.

— Спасибо, — холодно улыбнулась судья. — Слово истцу.

Высочка в васильковом галстуке поднялся. Леопольд прикрыл веки.

Легкий шорох прокатился по залу суда. Все ждали, с чего начнет скандальный прокурор.

Он выдержал паузу и начал: в своей манере, напористо, смело, не здороваясь:

— Я бы хотел вести параллельное обвинение. Считаю, что бремя греха подсудимых должно равно лечь на их плечи. Разделять ответственность в данной ситуации несправедливо.

От неожиданности Кац открыл глаза.

— Ответчик не возражает? — судья напряглась. Это было видно даже через экран визора.

— Протестую, ваша честь, — осклабился Леопольд. — И каждому возрастет по делам его. И даже тяжесть преступления не может перевесить постулат справедливости.

— Протест принят, — сжала зубы судья. Ее тонкие ноздри дрогнули. Желваки под темной кожей заходили ходуном.

Голос Бутси словно намазывал маслом свежую булку:

— Мы собрались здесь, чтобы решить судьбу двух людей, сотворивших страшное преступление. Двух людей, — Бутси широким жестом указал на скамью подсудимых, — превратившихся в нелюдей. Нелюдей, способных убить нерожденное дитя. Дитя, которое никогда уже не станет талантливым врачом! Ваша честь, я готов предоставить выводы экспертов о генетической предрасположенности плода, — Бутси победно поднял вверх руку с зажатым в пальцах микродиском. В свете софитов он вспыхнул ограненным алмазом.

Судья коротко кивнула. Прокурор не стал тянуть время:

— Пристав, обнародуйте данные, — протянул он диск мужчине в терракотовом. Пока на экране строился график вероятностей, Бутси продолжал. — И эти нелюди вступили в сговор, чтобы лишить жизни того, кто так нужен обществу. Они договорились убить человека. Не дать появиться на свет таланту, одному из нас, дамы и господа! Тому, кто мог бы стать вашим зятем, отцом ваших внуков, дедом правнуков!

Выточенная из черного дерева женщина произнесла с экрана визора:

— Габриель Бутси, вы используете параллельное обвинение.

— Защита не возражает, — кивнул Леопольд. — Прошу занести в протокол. — Забродивший в крови кислород толкал на авантюры. Подсказывал, как тронуть присяжных, как одолеть выскочку в васьиковом галстуке.

Ушлый Бутси недоуменно посмотрел на Каца. На секунду его зрачки увеличились. Секунды хватило — пемза оцарапала до крови ладонь, и задремавшее чутье встрепенулось, выдало Леопольду правильное решение.

Бутси подтянул к кадыку узел галстука и откашлялся:

— Данное дело не стоит времени, потраченного на него. Мы могли бы использовать это время для создания и воспитания детей. На самопознание, на поиск прекрасного. На реализацию наших талантов. Вместо этого мы вынуждены сидеть здесь и решать, достойны ли высшей меры мать-убийца и убийца-врач. Нелюди, не давшие появиться на свет чудному мальчику, надежде и опоре Сан-Сити, — прокурор в охватившем его экстазе повернул голову к висящему на стене флагу. — Этот мальчик, — Бутси поборол душащий горло ком, — мог бы стать врачом. Тем, кто исцеляет от болезней, избавляет от страданий, продлевает жизнь. Какова ирония! Врач убил врача в утробе! Врач, который не мог не знать, что чувствует плод в одиннадцать недель. Который под аккомпанемент выстрелов и приказов зывающей остановить мракобесие полиции хладнокровно раздробил череп уворачивающегося от абортганга ребенку. Расчленил и вынул по частям из утробы полноправного гражданина Сан-Сити. Я думаю, дамы и господа, вердикт очевиден — высшая мера наказания. Обоим. — Бутси перевел дыхание. — Прошу считать мою речь заключительным аргументом со стороны истца.

Воздух в зале суда застыл. Стал тонким и хрупким, словно речь прокурора высосала из него углекислоту и азот.

— Слово ответчику, — Талант судьи был выше всяких похвал: казалось, она смотрит с экрана в никуда, но каждый почувствовал ее взгляд. — Напоминаю, что суд принял параллельное ведение процесса.

«Он сам вырыл себе яму, Лео», — упоенно прошептал кислородный демон. — «На этом поле мы его и переиграем».

Леопольд Франтишек Кац поднялся.

— Ваша честь! Господа присяжные! Людям, сидящим на скамье подсудимых, конечно же, нет оправдания. Это понимает каждый из присутствующих. Я не пытаюсь обелить их, нет. Я не пытаюсь убедить вас, что в их действиях нет греха. Я только хочу напомнить вам о «Ковчеге»...

4

На завтрак, обед и ужин

На завтрак подали омлет.

Эдвард ковырнул вилкой желтоватую массу и замер. Все шесть стен разом щелкнули, приобрели глубину, и голос адвоката вновь наполнил столовую:

— Я хочу напомнить те смутные времена, когда тонкие и ранимые натуры оказались на краю бездны отчаяния. Что спасло пассажиров «Ковчег»? — Кац выдержал паузу. — Любовь к ближнему. Любовь и милосердие. — Пожилой адвокат закрыл глаза и начал проникновенно декламировать. — Сколь яростным бы ни был зверь, а все ж имеет сострадания каплю.

— Протестую, ваша честь, — камеры крупно показали прокурора. — Фраза вырвана из контекста. «Ее я не имею, поэтому не зверь я». Вильям Шекспир, «Ричард Третий».

— Протест принят, — кивнула судья.

— Очень кстати, что мой оппонент ориентируется в поэзии, — улыбка Каца излучала дружелюбие, но глаза стекленели неживым холодом. Еще в первый показ Эдвард поймал себя на мысли, что видел такие у находящихся под наркозом. — Тогда он наверняка читал что-либо из произведений Сисциллы Бонуа, — Кац указал на Хлою жестом, каким галантный кавалер представляет спутницу высшему свету. Среди присяжных раздались возгласы удивления. — Да, дамы и господа, Сисцилла Бонуа — псевдоним моей подопечной. Теперь вы понимаете, что толкнуло на преступление ту, чьи стихи доставляли наслаждение нашим душам, наполняли их светлым чувством. «Трепетанием крыла бабочки под сердцем...»

Эдвард глянул на сидящую напротив Хлою. Она не мигая смотрела на экран, губы бесшумно повторяли за адвокатом строки поэмы, принесшей ей известность.

— Мало кто знает о любви больше, чем она! Мало кто постиг любовь настолько, чтобы передать это сокровенное знание другим! — поставленный голос адвоката проникал в самое нутро. — Теперь вы понимаете, какой груз взвалила на плечи эта хрупкая женщина. Надела терновый венец осознанно, во имя чистоты нации, во имя таланта будущих поколений. Ведь только ребенок, рожденный в любви...

Тарелка глухо ударилась о стену, оставив желто-белые ошметки на подбородке адвоката. Хлоя опрометью бросилась из столовой.

— Протестую, ваша честь! Нарушено параллельное ведение процесса. Ответчик оправдывает лишь обвиняемую!

— Протест принят.

Эдвард заставил себя остаться на месте — ежедневные попытки заговорить рассыпались пеплом. С момента ареста Хло не удостоила его ни единым словом.

Сидевшая по левую руку Клара лениво глянула ей вслед и брезгливо поджала губы. Щелкнула пальцами, заказала Джозефу попкорн и вернулась к шоу. Глухонемой старик сосредоточенно вынимал из омлета кусочки бекона.

С потолка на Эдварда вновь смотрело перекошенное злобой лицо. Хирург-отец кричал на десятилетнего сына. С губ летела слюна, изо рта вырывались полные ненависти слова. Антикварный фильм о психе, мнящем себя врачом, назывался «Костоправ».

Эдвард старался не думать о том, что сейчас видит Хлоя на стенах и потолке своего гекса. Он закрыл глаза и повернулся на бок, положил на голову подушку. Сквозь нее прорывалось:

— Ты мне не сын! Ты всех нас позоришь!

В курином бульоне плавали гренки.

Раз — ложка погружается в подернутую разводами жидкость. Два — поднимается ко рту. Три — суп исчезает за сомкнутыми губами. Рука Хлои двигалась мерно, автоматически, как манипулятор робота-погрузчика. Пустые глаза смотрели сквозь Эдварда.

— Но ради чего? — не унимался адвокат. — Что двигало Мартигоном младшим? Что толкнуло помочь совершить преступление против человечества той, кого знал с детства: девочке из соседнего дома, игравшей с ним во дворе, девушке, сидевшей с ним за одной партой, женщине, обратившейся за помощью. Ответ очевиден — это любовь.

Эдвард глотал бульон и не чувствовал вкуса.

— Представьте на секунду, что в случае отказа обвиняемая могла найти другого врача. Того, кто соблазнился бы предложенными благодарностями. Мог ли один из самых талантливых хирургов Сан-Сити простить себя, если бы нечистый на руку врач провел операцию неудачно? — Кац помолчал и вернулся к параллельной защите. — Кому могла довериться Хлоя, решившись на преступление, поняв, что не питает к мужу искреннего чувства? Только ему — своему возлюбленному Эдварду. Любовь, дамы и господа. Вот причина, толкнувшая этих людей на преступление. Любовь окунула их в пучину грехопадения. Ваша честь! Дамы и господа присяжные! Я прошу назначить высшую меру наказания, — присяжные замерли. Тишина из зала суда перепрыгнула в столовую. Ее нарушал лишь хруст галет на зубах Клары. — Высшую меру наказания, — повто-

рил адвокат, выдержал паузу, наслаждаясь эффектом, и закончил, — с правом выбора.

— Как, твою мать, он это делает? — ухмыльнулась Клара. — Этот старый пердун умудрился растрогать даже меня! Пятый день уже смотрю и не могу понять, где он так хитро выворачивает правду наизнанку?

Хлоя отодвинула тарелку. Встала. Расправила плечи и покинула столовую. «Покинула» — было самым подходящим словом. Эдвард с тоской проводил взглядом прямую и ажурную, словно шпиль Дворца Совета, Хлою.

Глухонемой смотрел на него, не мигая. Из-под седых бровей в Эдварда вперились ярко-голубые глаза. В них на секунду вспыхнуло нечто непонятное, смесь интереса, понимания, радости и даже хитрости. Разобрать Эдвард не успел — глаза старика потухли.

Присяжные тронули клавиши на панели предпочтений.

— Решение принято, — сверилась со своим дисплеем судья. Тут же на экранах вспыхнула гистограмма. — Пять к семи. Вердикт в пользу ответчика.

— Какая, к хренам, любовь, — гоготнула Клара. — Просто подруга поняла, что мужики — это не ее. Они хороши, только когда их используешь. Надо будет пообщаться с ней за ужином.

Эдвард запил ярость апельсиновым соком.

На ужин Хлоя не вышла.

5

Мякиш и соты

К исходу второй недели Эдварду стали сниться кошмары. Заляпанный бурым кафель и окровавленная сталь инструментов. Автоматные очереди, рвущие свинцом тело Хлои.

Чаще всего снился ребенок.

Сшитый заново недоношенный ребенок.

Когда мальчик начал говорить, Эдвард решил больше не спать.

Утром он нашел комнату Хлои.

Она сидела на неубранной постели, одетая лишь в ночную рубашку. Давно не мытые волосы лежали на плечах нечесаной паклей. Хлоя сидела, опустив босые ноги на прорезиненный ковролин, и смотрела в стену.

Что транслировали в ее гексе, Эдвард не увидел. Едва он вошел, стены погасли, на потолке загорелись светильники, а из динамиков послышался ласковый женский голос:

— Гости Дома Искупления! Люди Сан-Сити искренне верят, что вы в самом ближайшем будущем вернетесь к полноценной жизни. Каждый человек имеет право на ошибку, гласит постулат гуманизма. И, следуя этому постулату, мы должны помочь вам вновь обрести свое предназначение. Повторяйте с нами. Вместе мы сможем снова наполнить ваши души светом. Заповедь первая — не убий...

— Здравствуй, Хло. — Женщина молчала. Она казалась забытой в комнате куклой. Эдвард присел рядом. — Ты не выходишь уже три дня. Я... Я боюсь за тебя.

Эдвард погладил кончиками пальцев ее шею. Сквозь бледную кожу позвонки выпирали чудовищно остро, словно хребет древней рептилии.

— Ты слышишь меня, Хло? Не молчи!

— Гость Эдвард, — в дверях возник Джозеф-охранник. Он держал поднос с завтраком. — Гости Хлое нужно поесть. Пройдите в столовую.

Эдвард тяжело поднялся, коснулся на прощание щеки Хлои и спросил:

— Когда ее последний раз осматривал врач?

— Врач осматривает гостей ежедневно. — Холодно ответил Джозеф. — Ее состояние не вызывает опасений.

Эдвард с чувством выругался и вышел.

Он приходил к ней снова и снова. Просил, умолял, кричал. Но Хлоя превратилась в набитую рисом тряпичную куклу.

Локти упирались в стол, лоб — в сведенные горстями ладони. Кофейный аромат поднимался от чашки и щекотал ноздри, но пробиться в легкие, забраться в истерзанный добровольной бессонницей мозг уже не мог. Сквозь шум в ушах пробирались набившие оскомину слова прокурора. От них не было избавления.

— Мякиш, — послышалось справа.

Эдвард встрепенулся и, когда черные мухи перестали кружить перед глазами, увидел улыбающегося глухонемого. Он сосредоточенно отрывал корку от оставшегося после завтрака хлеба.

Галлюцинации, подумалось Эдварду. Последствие длительной инсомнии.

— Мякиш, — произнес глухонемой. Эдвард уставился на старика. — Мякиш, — повторил он. — Просто удивительно, сколько возможностей таит этот податливый кусок свежего хлеба. Его можно мешать со слюной и лепить все, что придет на ум. Людей и животных, рыб и птиц. Зайди как-нибудь, я покажу тебе свой зоопарк. Триста иллюстраций «Занимательной Зоологии», триста фигурок, триста застывших кусочков мякиша.

— Вы скульптор? — только и смог выдавить Эдвард.

— Пропитанный слюной мякиш — прекрасное средство, чтобы побыть одному, — старик словно не услышал вопроса. — Можно залепить уши — и не слышать, залепить ноздри — и не дышать. Можно склеить ресницы — и остаться в темноте. Попробуй, Эдмон, — он разломил краюху и протянул Эдварду половину.

Эдвард неожиданно для себя ухватил кусок и сжал в кулаке. Пальцы погрузились в хлеб, мягкое забилося под ногти.

Старик улыбнулся и зашаркал к выходу.

— Я не Эдмон, — крикнул в спину сумасшедшему Эдвард.

На пороге старик обернулся:

— Ты узко мыслишь, — подмигнул глухонемой. — Начни с мякиша, Эдмон.

Оторвавшаяся на время от мелькавшего на стенах столовой судебного процесса Клара криво ухмыльнулась и с хрустом откусила от яблока.

— Кто он? — Феминистка молчала. — Кто этот псих? — рывкнул Эдвард и ухватил ее за ворот.

Та брезгливо, словно дохлого таракана, взяла Эдварда за рукав и с силой потянула:

— Руки убери, мужлан. — И лишь когда Эдвард разжал пальцы, ответил: — Когда я попала сюда, он называл себя аббатом Фариа.

«Залепить уши — и не слышать».

Эдвард украдкой сунул хлеб в карман и заспешил к Хлое.

Сбивчиво и путано шептал он о сегодняшнем происшествии. Жарко твердил об аббате и тишине. Настолько жарко, что когда мякиш лег в безвольную ладонь Хлои, ее пальцы сжались в кулак.

В ту ночь Эдвард позволил себе заснуть. Ему приснился Фариа. Он лепил человечка.

Старик навис над столиком и старательно раскатывал колбаску из мякиша. Лица видно не было: лишь сверкающая в ореоле седого пушка лысина, лохматая поперечина бровей да сизый нос, казавшийся при таком ракурсе еще мясистее.

Эдвард потоптался на пороге, кашлянул в кулак, но аббат не отвлекся от работы, даже когда незванный гость тронул его за плечо. В растерянности пришлось изучать стеллажи, расставленные вдоль трех из шести стен. «Занимательная Зоология» из засохших дрожжей, соли, муки и секрета слюнных желез.

Заготовленная речь расплзлась прогнившими нитками под натиском неловкой ситуации. Эдвард хотел сказать, что совет аббата спас его от голов прокурора, судьи, адвоката, от повторений шести заповедей, от реплик вегетарианки, феминистки и один-Бог-знает-кого-еще Клары; что Хлоя наконец-то начала появляться в столовой, что Эдвард перестал видеть кошмары и просыпаться на липких от пота простынях. Было что-то еще, что хотелось сказать, с жаром, с благодарностью в глазах, но он лишь негромко произнес:

— Я пришел поблагодарить.

— Она сломается, Эдмон. В ней нет стержня, — сказал вдруг старик. — Я видел это не раз. Период обработки виной сменяется бомбардировкой картинками на тему «как может быть чудесно, если начать все заново». Снова и снова. До тех пор, пока мысль о возможности выбора не превратится в навязчивую идею. Она сделает выбор, Эдмон, рано или поздно. За двадцать шесть лет я еще ни разу не ошибся.

— А вы? — слетел с языка Эдварда самый глупый вопрос из взорвавшегося в голове фейерверка.

— А у меня нет выбора, — просто ответил старик, — он не предусмотрен приговором. — Пальцы аббата рвали хлебный цилиндр на неравные доли. —

Они даже никогда не пытались вызвать во мне чувство вины — просто не дают записывать мысли. Это попытка для философа. Система построена на метаниях духа. Моему метаться некуда. Вот, к примеру, дух Клары — болен. У нее нет стержня — его заменил демон противоречия. Эта престарелая лесбиянка уже показывала тебе татуировки? — Эдвард вспомнил распахнутый халат и заповеди, выведенные синим на давно не знавших восстановления грудах. — Помню двух приверженцев сократской любви. Они опалили щетину на зубных щетках, заточили ее о кафель и в едином порыве вскрыли друг другу горло. Это был оригинальный вариант выбора, но суть от этого не изменилась. — Старик помолчал. — Зато из-за этих голубков здесь запретили все курительные принадлежности. Я требую мою послеобеденную трубку! — крикнул Фариа и подмигнул Эдварду. — Такое милое место. Любое слово тут же становится сигналом к действию. Присаживайся, мой мальчик, — указал аббат на кресло, сел напротив.

Пока появившийся Джозеф набивал табаком чашку, пока раскуривал, наполняя табачными облаками пространство комнаты, врач и философ молчали.

Когда охранник оставил их, аббат блаженно затаился.

— Прости мою болтовню, Эдмон, — отправил он тугую струю в потолок, — долгое молчание в этой тюрьме дурно на мне отразилось.

— В тюрьме? — вскинул бровь Эдвард. От знакомого по рифмованной лирике слова веяло безнадежностью.

Смех старика был похож на карканье.

— Люди перестали видеть суть вещей, — наконец-то смог произнести аббат. — Палач, заплечных дел мастер. И он же — специалист по допросу военнопленных. Суть от этого не меняется, но каковы оттенки? — не обращая внимания на недоумевающего Эдварда, старик принялся лепить из заготовок прямоугольники и квадраты.

Лавина непонятных слов накрыла Эдварда с головой. Он чувствовал, что происходит нечто важное, но разговор разлетелся стеклянным разноцветьем и не желал складываться в картинку.

Фариа выложил на стол первый ряд хлебных брусочков и сверился с иллюстрацией в книге, лежащей рядом.

— Оглядишься, Эдмон, что ты видишь? — вопрос был задан таким тоном, что Эдвард повиновался. — Там, где ты видишь комнату-гекс, я вижу тюремную камеру, — не дожидаясь ответа, продолжил старик. — То, что тебе напоминает бензольное кольцо, напоминает мне соту. К этой комнате примыкает такая же, к ней — ее точная копия, и вот — весь Сан-Сити превращается в улей. — Где-то далеко, там, где в голове Эдварда хранился курс новейшей истории, тренькнул колокольчик. — Улей, полный пчел. Ты знаком с энтомологией, Эдмон? Пчелиная матка, рабочие пчелы и трутни. — Колокольчик бешено зазвонил. — Трутни, которых кормят, поят, одевают и берегут, и все лишь для того, чтобы эти ничемные, захлебывающиеся своей значимостью насекомые могли спариваться. — Прогремел набат, и на Эдварда снизошло откровение. Старик, сидевший напротив, пыхтевший трубочкой и ка-

тающий мякиши, был Гортua Эль-Рефэйр. Философ-бунтарь. Философ-антихрист. Человек, чьи книги попадали в списки запрещенных еще до издания. — Оглянись, Эдмон, что видишь ты, кроме эгоистичного бытия трутня? Ничтожного насекомого, переставшего понимать суть вещей?

— Я помогаю людям, — Эдвард нахмурился. Слова давались с трудом. — Я делаю свою работу. Делаю ее хорошо.

— Ты упиваешься своей уникальностью! — Заорал старик. Его лицо вспыхнуло, губы скривились. — Тебе дела нет до пациентов — ты любишь результат! Раз в жизни сделал что-то не для себя — и тут же угодил за решетку!

— У вас все в порядке? — Голос возникшего из ниоткуда Джозефа был вежлив, но отливал сталью.

— Более чем, — пожал плечами аббат. Краска схлынула с его лица так же быстро, как появилась. — Вот, — ткнул он мундштуком в закрывшуюся дверь, — вот истинные пчелы. Они, а не мы, переставшие видеть.

Эдвард не нашел, что ответить. Безудержная чехарда мыслей давила на виски, раскалывала голову колокольным набатом.

Старик, крихтя, поднялся и прошуршал в угол, к стеллажу с книгами.

— Эдмон, мальчик мой, — почти ласково сказал он. — Возьми это, — книга в потрепанной обложке легла в руку. — Дом Искупления — чудесное место, — улыбнулся уголками губ Фариа. — Только здесь можно найти такую великолепную библиотеку.

Эдвард скользнул взглядом по корешку и вздрогнул. Вместо ожидаемого труда Эль-Рефэйра «Последнее роение Города Солнца» вытертая позолота гласила «Граф Монте-Кристо» Дюма.

— Чтение, Эдмон, питает душу. Только читать нужно внимательно, — во взгляде старика мелькнула безумная искра. — И тогда, быть может, ты увидишь суть. Читай внимательно, читай между строк, — Фариа медленно опустился в кресло и прикрыл глаза. Трубка давно погасла, но он не вынимал ее изо рта. — Ступай. Я устал, — голос аббата опустился до шепота, речь превратилась в бормотание. — Перестали видеть. Ступай.

Старик замолчал. Опустил голову. Трубка костяшкой домино стукнула о ручку кресла и мягко упала на резину пола.

На непослушных ногах Эдвард поплелся в свой гекс.

6

Суть вещей

— Они так и не поймали меня, — хвастал старик. Он сидел подбоченясь, будто не на пластиковом стуле, а в кресле Председателя Совета. В руке он держал вылепленную из хлеба трубку. Мундштук муляжа описывал дуги в такт словам. — Все их талантливые детективы и тренированные полис-Джозефы даже близко не подошли к моему убежищу.

Эдвард слушал вполуха. Последнее время Хлое стало хуже. С каждым днем она истончалась, блекла, словно сентябрьские дожди стирали краску с

выброшенной на свалку акварели. Теперь она напоминала уже карандашный набросок прежней Хлои, жалкую ее копию. Единственным ярким мазком оставались глаза. Болезненно блестящие, внимательно разглядывающие в пустоте нечто такое, отчего Эдварду делалось жутко.

— Я сдался сам, — торжественно заявил аббат. Эдвард молчал, погруженный в свои мысли. Фариа пожевал губами и продолжил. — Мой организм предал меня. Старое тело уже было готово отказать, а этого я допустить не мог. Ценой свободы я получил возможность... — старик осекся и пристально посмотрел на Эдварда. Нахмурился и, словно кидая пробный камень, сказал. — А ты знаешь, Эдмон, что наш Председатель был старшим помощником у капитана Скворцова?

— Да, — невпопад вставил Эдвард, — медицина достигла небывалых высот, — по инерции успел произнести он, прежде чем осознал слова аббата. — Старпомом? На «Ковчеге»?

— Эдмон! — захрипел Фариа. Навалившийся гнев перекрыл ему горло. — Какого черта? Я уже битый час несу всякую ересь, а ты киваешь и даже не слышишь меня! Ты прочел книгу?

Из старика вырвалось столько энергии, что Эдварду неумолимо захотелось оправдаться:

— Я осилил уже половину. Довольно забавная вещь. Несколько наивно, но в целом...

— Не корчи из себя критика! — Заорал Фариа. — Время работает против тебя! Видит Бог, если ты не прочтешь ее к утру, я приду и удавлю тебя подушкой! А теперь пошел вон! — Аббат схватил со стола вазу с виноградом и швырнул в Эдварда. Тот вскочил, опрокинув стул, и попятился — Фариа уже тянулся за кувшином с лимонадом. — Вон! Видеть тебя не хочу!

Давя подошвами ягоды, Эдвард бросился прочь. Вслед ему несло:

— Читай, Эдмон, читай от корки до корки! От заголовка до оглавления!

За окном шел дождь. Капли били по стеклу, барабанили по черепичной крыше. Мягкий шелест вливался в комнату через динамики, создавая звук вокруг. Приглушенный свет обволакивал предметы, размывал контуры. Хлоя на фоне широкого французского окна, спроецированного на стену гексона, казалась дымчатой феей.

Когда Эдвард вошел в комнату, она даже не обернулась. Он подошел сзади. Обнял ее за плечи. Прижался губами к волосам.

Пахло ландышем.

По стеклу змеились прозрачные струи.

За пеленой дождя угадывалось бескрайнее поле.

Ветер тревожил одинокое дерево.

В клетке сучьев бился канарейкой ярко-желтый лист.

Единственный лист.

— Под моим сердцем больше не трепещут бабочки, — сказала она. — Я сделала выбор.

Он почувствовал, как гулко ударилось ее сердце под его ладонью.

— Вернешься домой? — больше всего на свете ему хотелось услышать «да».

— Нет.

Слово «эвтаназия» упало на пол. Покатилось хрустальной вазой и так и не найдя твердого препятствия, поднатужилось и лопнуло глухим хлопком само собой.

Клетка распахнулась. Ветер выхватил желтую птицу, смял, закрутил и швырнул за пелену дождя.

— Когда? — спросил он.

— Мобиль придет завтра в полдень, — сказала она. — Не провожай.

— Я поеду с тобой.

Ветер тревожил одинокое дерево. Дерево без листвы.

— Дурак, — сказала она.

— Да, — согласился он и ушел.

— Да, — повторила она.

От последнего желания Эдвард отказался.

Залитый холодным ксеноновым светом гексон напоминал операционную, пустую и стерильную. Так же пусто и мертво было и внутри Эдварда. Думать не хотелось, хотелось лечь, закрыть глаза и очнуться от вежливого голоса Джозефа, приглашающего на борт мобиля. Но сон не шел.

Эдвард раскрыл книгу и начал скользить взглядом по строкам. Граф-самозванец продолжал мстить, но история его мести проходила мимо Эдварда. Имена и события мешались и путались, главы распадались на абзацы, те — на предложения, и дальше — на слова. Взгляд Эдварда медленно полз по ним и вдруг споткнулся.

Слово «спасение» было подчеркнуто чем-то острым.

— *Читай внимательно, мой мальчик, читай между строк*, — от шепота аббата заложило уши. — *От заголовка до оглавления!*

Еще не веря, Эдвард открыл роман сначала.

Из сотен тысяч слов Фариа выбрал двадцать: «Эдмон мальчик если осмелиться бежать жить свобода счастье путь спасение есть для узнику тайна убежище остров прошу тебя будь умный».

— *Они так и не поймали меня... даже близко не подошли к моему убежищу.*

Эдвард еще раз пролистал книгу, но послание не стало понятнее — к безымянному острову не вела ни одна подсказка. Он заглянул в оглавление. Из номеров страниц были выбраны 5 6 3 5 4 4 0 1 8 2 2.

В ту ночь Эдвард так и не заснул.

— Я пришел проститься. Мы уходим.

Аббат не мигая смотрел на Эдварда. Его лицо было похоже на маску. Он ждал.

— Спасибо, — Эдвард протянул книгу старику. — Очень поучительно.

— Ты прочел ее всю? — голос Фариа дрогнул.

— Даже содержание, — улыбнулся Эдвард. — Я, правда, не совсем уловил суть.

— В этом нет ничего зазорного, мой мальчик, — расцвел старик. — Люди разучились видеть суть вещей. Будь добр, Эдмон, посмотри сюда, — аббат указал кончиком мякишной трубки на стол. Там полукругом были разложены хлебные прямоугольники и квадраты. Вышло похоже? — Книга, лежащая на столе, была раскрыта на цветной вкладке. Мелкий шрифт под рисунком пояснял — «Аэробот. Панель управления». — По-моему, получилось, — продолжал Фариа. — Вот канал связи, вот навигатор. Автопилот. Ручное управление. Это радар. Бортовой маяк. — Эдварду вдруг стало трудно дышать. Он понял, что не может одолеть дрожь в руках. — А вот это мне особенно удалось — сенсорные настройки. Север, восток, широта, долгота, — тонкие пальцы порхали над кусочками засохшего мякиша. — Градусы, минуты, секунды. Жаль, ты не увидишь всю кабину, — сокрушенно вздохнул старик. — Месяца два — и я вылеплю настоящий штурвал.

Эдвард задержал дыхание. По перепонкам заколотили кувалды.

— Я не хочу отпускать тебя без подарка, Эдмон, — донеслось сквозь грохот. — Ты был интересным собеседником. Вот, — Фариа вложил в руку Эдварду муляж трубки, — я сделал ее, когда из-за тех мужеложцев у меня отобрали настоящую.

Эдвард сжал кулак и почувствовал, как в кожу сквозь мокрый хлеб вливается острое.

Над океаном поднималось второе солнце.

Краем глаза Эдвард видел блики, танцующие на волнах, но насладиться зрелищем уже не мог. Адреналин отчаянно боролся с миорелаксантом. Силы были неравны — тело отказывалось подчиняться.

Эдвард уронил голову, едва не касаясь лбом штурвала. На соседнем кресле перочинным ножиком сложилась Хлоя. В проходе лежал мертвый пилот.

Все, что теперь мог Эдвард — это смотреть и думать. Он смотрел, как вязкой нитью тянется слюна изо рта к забрызганным красным штанам, как мелко вибрирует замаранная зубная щетка у его правого ботинка. Как отражается в густеющей луже рдяного желтое солнце.

Испуганное лицо Хлои за стеклом кабины. Напряженная спина охранника, пульсирующая яремная вена под заточенной щетиной. Клацанье автоматных затворов. Тугие удары дротиков в грудь заложника. Боль в плече. Пять долгих шагов до мобиля. Толчки в спину, огонь в бедре. Открытая дверь. Пластик оперения из шеи Хло.

Твердый ответ пилота Джозефа и удивление в глазах перед смертью.

Эдвард вдруг поймал себя на мысли, что думает о плазмозаменителе, как о крови, а о себе, как об убийце. Что впервые с сотворения мира трутень убил пчелу. Что где-то внутри уважение к погибшему смешивается с чувством вины.

— *Он встал на твоём пути к счастью, Эдмон,* — в дрему прокрался голос аббата. — *Такова цена.*

— Я введу в навигатор аэрокара ноли. Это будет его последний полет. Красивый. Как у падающей звезды.

— *Дань пчелиному мужеству? Я в тебе не ошибся.*

Голос старика угас, и Эдвард окончательно погрузился во мрак.

Первое, что он почувствовал, были мягкие губы Хлои. Его Хлои.

7

Стать пчелой

— Я никогда не думала, что воздух может быть таким, — Хлоя замешкалась, подбирая нужное слово.

— Вкусным? — Эдвард отломил от апельсина дольку и положил ей в рот. Хлоя кивнула.

Эдвард потянулся, набрал полные легкие терпкого, крепко насыщенного имбирем и корицей воздуха и улыбнулся. Теплый бриз обдувал обнаженное тело Хлои, и оттого соски ее напряглись и выглядели теперь сладкими коричневыми ягодами дикой вишни. Эдвард с трудом оторвал взгляд от ее груди и заглянул в подернутые пеленой глаза.

— Иди ко мне, — позвал он, чувствуя, как снова просыпается желание.

Хлоя томно поднялась с кресла-качалки и прижалась к Эдварду. Ее губы пахли цитрусом.

Он взял ее на руки, опустил на дощатый пол террасы и лег сверху. Она обхватила его ногами и притянула к себе.

Член Большого Совета от медицины доктор Эдвард Мартигон откинулся в кресле и потер переносицу.

— Прекратить трансляцию, — негромкий приказ стер с экрана картинку переплетенных в экстазе тел. — Вызов Председателя Совета, — тихо произнес доктор и приосанился.

Заставка набора сменилась изображением кабинета, обставленного массивной дубовой мебелью. Из динамиков слышалось благозвучие струнно-смычковых и клавино-корда. В него органично вплеталось женское бельканто. Мартигон узнал ариозо Франчески из оперы «Добродетель против любви» Алессандро Скарлатти.

Бывший старший помощник капитана Скворцова сидел за широким столом. Глаза его были прикрыты. Кончики пальцев барабанили в такт по полированной столешнице.

Мартигон деликатно дождался окончания коды и начал:

— Господин Председатель, скрещивание входит в заключительную фазу. Вероятность семьдесят, семьдесят два процента. Если повысит кон-

центрацию эндорфинов и афродизиаков на треть, то показатели могут достичь...

— Не стоит, — не поднимая век, перебил тот. — Вам ли не знать, что ребенок, рожденный в любви, имеет куда больше шансов стать гением. Безо всякой вашей химии.

Мартигон скривился, но возражать не стал. Неожиданно в правом верхнем углу экрана замигал сигнал вызова по второй линии.

— У меня есть для вас подарок, — продолжил доктор, пытаясь не обращать внимания на навязчивый маячок. — Я провел анализ предрасположенности. У мальчика будут великолепные слуховые данные, у девочки — вокальные.

— Это чудесно, — расплылся в улыбке Председатель. — Прекрасная работа, доктор Мартигон. Вы как всегда на высоте.

Доктор скромно промолчал.

Председатель прервал сеанс, не прощаясь.

Мартигон сжал зубы и зло ткнул пальцем в сенсорную панель.

— Я требую свой микролибер и три комплекта чипов! — Гортua Эль-Рефэйр выдохнул в камеру дым.

— Здравствуй, Гортua, — устало сказал Мартигон.

— Здоровья вы мне уже отвалили, — не вынимая трубки изо рта, процедил философ. — Где мой микролибер?

— Я держу слово. К вечеру тебе привезут все, что нужно, — Эдвард Мартигон задумчиво теребил кончик уса. Медленно поднял голову и уколол взглядом собеседника. — Скажи мне, Гортua, как такой бунтарь, как ты, на старости лет умудрился стать Иудой?

— Иудой? — криво усмехнулся Эль-Рефэйр. — Ты ошибаешься, Эдвард. Я стал пчелой.

ЯРОСЛАВ ВЕРОВ

БОЕВОЙ АЛФАВИТ

АРКИМ ЛЕТНИМ ДНЕМ СТУДЕНТ РЕПКИН ОТКРЫЛ дверь букинистического магазинчика.

Звякнул колокольчик, изнутри дохнуло прохладой, Репкин направился к прилавку.

Продавец скептически глянул на щуплого молодого человека и спросил:

— Чем интересуемся?

— Мне бы фантастику, что-нибудь боевое.

— Понимаю, — с неким сочувствием кивнул букинист. — Извините, ничего боевого не держим, времена сами знаете, какие. Вегетарианские времена.

— Как? — воскликнул студент. — И у вас тоже?!

Репкин вздохнул. Сокрушенно оглядел сумрачные стеллажи.

— Что же мне читать тогда? Целый год вегетарианствую. Совсем уж не вмоготу!

— Что, до тошноты дошло? — со знанием дела уточнил продавец.

— Нет еще. Но тоскливо очень.

— Что ж, — букинист бросил еще один скептический взгляд. — Таким я вас не отпущу. Фантастики, — он понизил голос, — сейчас нет.

И профессионально убедительным тоном веско прибавил:

— Но есть специальная литература.

— Специальная? — в глазах Репкина вспыхнул интерес. — Неужели военная?

Букинист сдержанно улыбнулся, повернулся к стеллажу и нажал скрытую кнопку — заблокировал вход в магазин. Одна из полок ушла в стену. В образовавшейся нише возник увесистый том.

— Пожалуйста, — протянул букинист книгу. — «Боевой алфавит воина-десантника». Имейте в виду, юноша — инкунабула.

— Но позвольте! Это том на букву «Т». А есть остальные?

— Прошу прощения, молодой человек. Больше тома в одни руки давать не положено.

— Кем это не положено?

— Это — секретная информация. Так берете или нет?

— Дорого, наверное?

— На специальную литературу — специальные расценки. Три тысячи бое-эквивалентов. Считайте, что получили книгу в прокат.

Со свертком подмышкой студент покинул лавку.

Вечером студент Репкин, весь день оттягивавший сладостный момент, раскрыл вождественный том энциклопедии и с удивлением обнаружил, что весь он посвящён устройству, под названием «Телескоп боевой, многофунк-

циональный». Но не успел Репкин прочесть первую волнующую фразу: «Воин-десантник! По получении Боевого телескопа внимательно ознакомься с настоящей инструкцией!», — как грянул звонок в дверь.

— Кого там черт несет? — возмутился Репкин

В дверях стоял посыльный. У ног его была большая коробка.

— Вы получатель тома на букву «Т»?

— Я.

— Это вам. Распишитесь.

Репкин расписался и втащил коробку в прихожую. Вскрыл. В коробке обнаружилось: Боевой телескоп защитного цвета, кресло к Боевому телескопу, набор инструментов для юстировки и набор тряпочек и щеточек для прочистки оптики, комплект камуфляжной формы воина-десантника с лычками сержанта, медпакет и патрон-талисман на кожаном шнурке.

«Ну что, сначала — форму. Для примерки».

Надев форму, студент Репкин ощутил себя полноценным воином-десантником в чине сержанта. Привычными движениями разгладил складки на кителе, затянул ремень, лихо заломил берет с кокардой в виде золотой буквы «Т» в обрамлении изящных крылышек. Попрыгал, проверяя подгонку снаряжения. Во фляге булькало.

Сержант Репкин снял флягу и проследовал на кухню. Своротил крышку, заправил флягу водой под самое горлышко. Теперь полный порядок, ни звенит, ни булькает. Теперь к Боевому телескопу!

Установив телескоп на штатив, согласно инструкции подсоединил к нему кресло, включил генератор бесперебойного питания. Открыл окно, внимательно оглядел звездное небо — как будто все спокойно. Можно приступать!

Сержант Репкин занял место в боевом кресле и, тщательно пристегнувшись, припал к окуляру Боевого телескопа. Тоненько взвыли гидроприводы, запищал гирокомпас стабилизации. Репкин завращал маховичком ручного наведения.

В окуляре мелькали цифры: азимут... угол места... дальность... потенциальная опасность...

Боевой телескоп искал цель, шарил по галактикам и межгалактическим скоплениям. Наконец раздался щелчок окончания поиска и наведения. Боевой телескоп смотрел прямо на цель.

Там, конечно, больная планета. На ней, конечно, все время война... Там Боевой телескоп и будет в самый раз!

Сержант вдавил красную кнопку. Пуск!

Он стоял навтыляжку перед седоусым генералом. Генерал смотрел прямо в глаза. Твердым волевым взглядом заматеревшего в боях старого дуралея.

— Здесь команду я! — излагал генерал. — Я команду вверенным мне подразделением «Боевой Алфавит» на основании Боевого мандата на литере «М»!

Сержант только сейчас заметил, что на бархатном берете генерала веско блестит золотая буква «М», в обрамлении широко раскинутых орлиных крыльев.

Генерал поглядел отеческим, верным взглядом отца-командира и спросил:

— Что у тебя, сынок?

— Боевой телескоп, товарищ генерал! — лихо отрапортовал сержант.

— Так введи его скорее в сражение, солдат!

Генерал кивнул человеку в мышиного цвета кителе и вовсе не десантской фуражке, на кокарде которой блестела «Б», почему-то в обрамлении рельсов, и вышел из штаба.

— Пойдемте-ка, — просто сказал тот и направился к противоположным дверям.

Двери вели в небольшой тамбур.

— Сюда, — показал человек в кителе мышиного цвета и открыл следующую дверь.

— А куда же мой Боевой телескоп?

— Это потом.

Они прошли в следующее помещение, такое же узкое и длинное.

— Вот-с, молодой человек. Поздравляю с прибытием на мой бронепоезд «Бушующий», — просто, без аффектации произнес человек в кителе. — Я, как вы понимаете, являюсь начальником бронепоезда.

«Так вот куда я попал — на бронепоезд! — подумал сержант. — Теперь все становится ясным!»

— Мне, — продолжал начальник бронепоезда, — как вы догадываетесь, вышла командировка на букву «Б». Считаю своим долгом сообщить, что хотя я формально и состою в рядах боевого подразделения десантников, но боевой единицей себя не числю. Я человек штатский и прошу вас иметь это в виду. Все эти военные штучки — не по мне. Если что такое услышу от вас — ссажу с бронепоезда немедленно! И генерал вам не поможет, мне генерал не указ! Уяснили это, надеюсь?

— Так точно!..

— Что-о? — тихо, но весьма зловеще переспросил начальник бронепоезда.

— Прошу прощения, господин, э-э, командир...

— Как-как?

— Начальник бронепоезда «Бушующий»!

— Это уже лучше. Что ж. Ваш генерал желает, чтоб вы скорее включились в боевые действия. Это непорядок. А непорядка на моем бронепоезде я терпеть не намерен. Так-то-с. Пройдите-ка, молодой человек, к начальнику столовой, встаньте на довольствие. Как вы понимаете, буква «Д» досталась ему. Столовая вместе с кухней у нас там, — начальник показал рукой на противоположную дверь вагона. — Как у вас, военных, говорится — подальше от командования, поближе к кухне. Ну, а как подкрепиться и утрясете все с начальником столовой, тогда я вам больше не хозяин. Тогда уж все вопросы к генералу. Вы меня понимаете?

— Так точ... Э-э, понимаю, господин начальник!

— Что ж, желаю успехов, молодой человек. И вот что еще, это прошу запомнить хорошенько: на моем бронепоезде полагается вести себя по возможности спокойно, без суеты, не сеять панику и не ругаться матом, не по-

вышать голоса, после отбоя по вагонам не бегать, не гадить в сортире где попало, а также не царапать и не пачкать панели и двери. Запомнили? А теперь можете ступить, удачи.

Сержант, миновав пару вагонов, — каптерку и расположение личного состава — прибыл в столовую. Здесь его встретил улыбчивый старшина в огромном крапчатом берете с такой же огромной буквой «Д» на нем. Бурые и зеленые пятна защитного комбинезона не в состоянии были замаскировать огромного старшинского пуза.

— О! Никак пополнение?

— Да вот, начальник бронепоезда послал.

— Что? Что такое? — лицо старшины вмиг побагровело. — Почему не по уставу докладываешь, сержант? Почему честь не отдаешь? Припух, салабон? А ну, выйди и войди как положено. И отдай честь дедушке-старшине со всем усердием! Двигай, давай.

Служба есть служба. Сержант вновь зашел в столовую и, молодецки козырнув, отчеканил:

— Товарищ старшина, сержант на букву «Т», по приказанию начальника бронепоезда прибыл в ваше распоряжение!

— Какого еще начальника? Все начальники умерли на гребаной гражданке, сержант. Понял? А в боевом десанте есть командиры и есть подчиненные.

— Так точно! — молодецки рявкнул сержант.

— Ну? И какого лешего он тебя сюда послал?

— Встать на довольствие!

— Эк, какой ты резвый. Сразу видно — салабон. Ты пойдй повоюй, пускай тебе твой командир боевую задачу поставит. А вот как пробьет время обеда — явишься в столовую, в общем строю. Понял? Тогда тебя и на довольствие поставим.

— Так точно, товарищ старшина, понял!

— Ну вот. А сейчас ты это... Раз уж явился — давай, двигай на кухню, можешь повару начистить картошки. Вперед. А то совсем исчахнет над своим котлом, чмо.

Сержант проследовал на кухню. Унылый, щуплый повар в мешком висящем комбинезоне вялыми движениями большого черпака помешивал в варочном котле похлебку.

— А мне достался черпак Боевой, — грустно глядя на бравое лицо сержанта, то ли сообщил, то ли пожаловался он.

Два часа пролетели незаметно — за чисткой картофана служба летит сирым голубем. Несколько оживившийся в присутствии сержанта повар рассказал пару слащавых, совсем не боевых анекдотов, спел одну довольно нудную, но с игривым текстом песню про родной дом и невесту тетю Бетю; успел поведать историю своей жизни, впрочем такую же недостопримечательную как и песня.

— Ну вот, хоть сегодня картошка на обед будет, — сообщил повар под конец, глядя на три ведра начиненной картошки.

— Что ж, я тогда пойду.

— Куда? — с тоскою в голосе заинтересовался повар.

— Да сам теперь не знаю...

— Тогда никуда не ходи. Зачем?

— Как же так? Что мне, у тебя на кухне оставаться?

— Оставайся, оставайся! — со странной ласковостью в голосе стал уговаривать повар.

— Что же я буду здесь делать? — удивился сержант.

— А чистить картошку...

Стремительным движением сержант покинул кухню.

И вынесло его на открытую платформу, высоко обложенную по периметру мешками с песком и накрытую сверху зеленой маскировочной сетью. На платформе помещалось одинокое семидесятипятимиллиметровое орудие. Рядом с орудием сучал на табуретке коренастый веснушчатый десантник в тельняшке, попыхивал сигареткой.

— Садись, сержант, — заговорил коренастый и вынул из кармана брюк мятую пачку. — На, кури. Новенький?

— Новенький, — доверительно сообщил Репкин, присаживаясь на мешок с песком.

— Я, между прочим, лейтенант. Командир этого Боевого орудия. Да сиди, это я так. Ты кто будешь?

— Боевой Телескоп.

— Жаль, что не Танк. Вот, раньше, до тебя, Танк был. Хлопец ничего был, свой парень. Тоже лейтенант. В песках накрылся, когда трезубы лавиной пошли. И танк у него хороший был, орудие сто пятьдесят миллиметров — это я понимаю. Ну, а что твой телескоп?

— Телескоп способен обнаружить и идентифицировать любую цель на любых расстояниях вплоть до оптического горизонта Вселенной, — процитировал на память из «Инструкции...» сержант Репкин.

Лейтенант загасил бычок о станину орудия и заинтересованным, улыбочивым взглядом посмотрел на сержанта.

— Ну-ка, ну-ка. А сквозь дымовую завесу берет?

— Так точно, берет, раз плюнуть, — Репкин сплюнул. — И через дымовую завесу, и через диффузную космическую материю, и через звездные скопления — все берет.

Артиллерист аж крикнул и потер руки:

— Теперь повоюем, сержант. А то гад завесу сверху пустит, и ну огнем поливать.

— Кто?

— Предположительно — летающий хищник. Но возможно, и летательный аппарат противника неизвестной конструкции. Ровно в шесть налетает и до сумерек лупит. Вчера два хвостовых вагона спалил. Так что давай, тащи свой телескоп — будем его, гада, бить.

— Дело в том, что я его потерял. Приземлился на парашюте на крышу штабного вагона. Нормально. Генералу представился...

— А это зря. К генералу и близко подходить нельзя. Он как бойца уви-

дит — так посылает в пекло. О танке я тебе уже рассказывал. А вот спроси, почему у нас зенитки нет. Она же здесь, у меня на платформе стояла. Тоже хлопец нормальный был. Умел прямой наводкой, на глазок в самое яблочко. Ему что воздушная цель, что наземная — все пофиг, в клочья разносил. Эх... Ты, поэтому, в столовую не ходи. Если почифантишь захочешь — прямо к повару, он отсыплет. Или лучше — к каптерщику. Скажешь, я прислал. А в столовую — ни ногой: генерал сцапает. Любит старикан проверять, как бойцы-десантники питаются.

— А что же старшина? Генерал его не трогает?

— Старшина? Это пузо с раками? Для генерала самогон гонит. И салаг таких, как ты, на обед поставляет. Генерала от вегетарианства воротит.

— Кхе-х-хм, — закашлялся Репкин.

— Что, тоже из-за вегетарианства сюда? То-то, будешь знать, герой.

— Ну а как тут вообще? Ну, в смысле обстановка?

— А что обстановка? Война. Я ж тебе говорю. Вон, в песках трезубы донимали. Из песков убрались. Теперь «летающая крепость» огнем плюет. Ты вот что. Ты сейчас к каптеру иди. Там твой телескоп, больше негде: наверняка, командир бронепоезда уже успел заныкать в каптерку. Иди. Да смотри, помни про генерала!

Где каптерка, Репкин уже знал. Переговоры с каптером на букву «Щ» были недолги, тот за телескоп особо держаться не стал. А когда услышал, что сержанта послал лейтенант, то вовсе смягчился и выдал впридачу к телескопу сухой паек — галеты и банку консервов с паштетом из лягушачьих лапок. Напоследок даже просветил:

— Ты эта, сразу после отбоя в расположение не заходи — там генерал порядок проверяет, а если не генерал, то старшина подянку кинет.

— Так старшина вечернюю поверку производит. Куда ж от него денешься?

— И на поверку не ходи, Телескоп. Ты, вон, телескоп получил — вот под телескопом и кантуйся, понял? Когда ты с телескопом — ни одна сволочь до тебя не доклемаётся, усек?

— Спасибо, Щетка, за мной не заржавеет.

— Ты эта, в телескоп дашь зыркнуть?

— Само собой, братан, — сержант уже ощущал себя вполне своим парнем.

Щеткой каптерщик был из-за своей Боевой щетки. Щетка — первое утешение солдата. С помощью многофункциональной Боевой щетки возможно было: начистить до образцового блеска сапоги, почистить обмундирование, надраить бляху, пуговицы и кокарду, а также, при помощи насадки — зубы; кроме того имелось особое приспособление для протирки очков, на случай, если боец-десантник оказался очкариком; специальная насадка с жесткой щетиной предназначалась для отдраивания унитаза, рукомойников, кафельной плитки и полов.

Репкин сгреб в охапку телескоп, взвалил на плечи кресло телетранспортиции и потащился обратно на платформу. Лейтенант при виде телескопа оживился — моментально прикинул, где разместить новую боевую единицу и распорядился:

— Сюда ставь. Вот так, чуток левее. Так годится.

Репкин подсоединил все, как требовала «Инструкция...» и, довольный, хотел было стрелкнуть у лейтенанта закурить. Но тут взвыли сирены, и с неба стало опускаться черное и жирное дымовое образование.

— Ах ты, черт, раньше начал, гад. Ну теперь держись, сержант — с воздуха прикрытия не имеем. Давай — или под бронь драпать, или сражаться.

Сержант не слушал артиллериста: он растерянно уставился в наплывающее облако дыма. Вдруг оттуда пальнуло длиннющей струей жидкого огня. Ударило где-то в стороне.

— Решай, сержант! — прямо над ухом заорал артиллерист.

Ноги понесли Репкина в распахнутую гермодверь броневагона.

— Эх, значит не повоюем, — лейтенант стремительно сиганул следом.

В броневагоне подсобралась кое-какая компания. Были там трое рядовых: уже знакомый Репкину каптерщик Щетка и двое с литерами «К» и «П», а также тонкоусый младший лейтенант на букву «Р». Рядовые азартно резались в «палку», славную карточную игру бойцов-десантников, как водится, на щелчки по носу. Младший лейтенант сидел рядом, скущаясь следил за игрой.

— Здоров, Радар! — крикнул ему лейтенант. — Что, на радаре все тоже?

— Известно что — помехи у нас на радаре. Изволь видеть: три активные помехи по линии полотна, одна на втором и две на третьем ярусах. Кроме того, имеем пассивные помехи — на всех ярусах. И никуда не делось, конечно, Огромное Продолговатое Пятно, вероятно, противник — прямо над нами. Двигается кругами, скорость пять оборотов в минуту, очень стабильно. В общем... — тут бронепоезд тряхнуло, в амбразуры ударило дробью каменного крошева, поднятого огненной струей с железнодорожной насыпи; завоняло копотью. — Ага, гад, почти попал. Так что, Орудие, картина обычная. Когда ж ты его, лешего, сбивать будешь?

— Теперь уж скоро. Вот, — лейтенант дружески хлопнул по плечу сержанта Репкина, — теперь располагаем телескопом! Дрейфит пока что, ну да ничего. Как пороху нюхает, так, глядишь — завалим. А, братишка?

Репкин хотел было ответить что-то бодрое, в том плане, что он ничуть не дрейфит, а проявляет разумную осторожность. Но тут попало в соседний броневаягон — бронепоезд скрежетно ухнул. Всех повалило на пол. Веером разлетелись карты.

— Мать твою в душу, — заругались рядовые, — такую игру пересрал, волчара.

Привычный к подобным встряскам младший лейтенант лишь снисходительно глянул, мол, что с них возьмешь.

Со стороны пострадавшего вагона с лязгом распахнулась дверь тамбура. В клубах дыма, перепачканный с ног до головы жирной копотью, в броневаягон ввалился генерал. И заорал:

— Мать вашу так и переэдак! Прохлаждаетесь, раздолбай?! А ну, сколько вас сюда набилось?! Ага! Целых шесть боевых литер, мать вашу перетак! Почему не отражаем воздушную атаку противника?! Я к вам говорю, лейтенант!

— Невозможно обнаружить противника, товарищ генерал! Противник пускает маскировку в виде дымовой завесы!

— Мать твою так, так и еще раз так! На борту бронепоезда имеется радар, а ты мне тут про маскировку заливаешь! Под трибунал пойдешь у меня, мерзавец! Товарищ младший лейтенант, почему не обеспечиваем обнаружение противника?

— Противник массированно применяет все виды помех, товарищ генерал!

— Что? И ты под трибунал захотел? Аппаратура должна служить нам, а не противнику! И ей для этого предоставлены все возможности и соответствующие тактико-технические характеристики! Я тебя в рядовые, мерзавец, на очки — все до одного языком вылижешь! Ты мне кровью срать будешь, так тебя в душу и так!

Бабах! Всех опять швырнуло на пол. Поднялся генерал несколько остывши. Хмуро оглядел подчиненных и ткнул пальцем в Репкина:

— Сержант, назначаю тебя старшим разведгруппы. Вы двое — поступаете в его распоряжение, — сообщил он литерам «К» и «П». — Приказываю: высадиться на высоте двести сорок семь, в квадрате одиннадцать бэ. Оттуда наблюдать воздушную обстановку. По возможности определить точные координаты цели и доложить лейтенанту. Ответственным за операцию и огневое прикрытие разведгруппы назначаю тебя, лейтенант. Уяснил, лейтенант?

— Так точно, товарищ генерал.

— Вопросы?

Репкин промолчал. Вопрос задал каптерщик:

— Да как же они, эта, на двести сорок седьмую выберутся, товарищ генерал? Вокруг одни болота, и ничего кроме болот там нет. А в болотах, сами знаете — кикиморы. Потопят их.

— Рядовой на литеру «Щ», где ваш боевой пост?

— Дело известное — в каптерке, где ж еще.

— В каптерку бегом марш!

Каптерщик рысью кинулся вон. Генерал веско уставился на литеру «П»:

— Ты кто?

— Боевой порошок, товарищ генерал! Порошок стиральный, для постирки обмундирования и помывки личного состава!

— Не то. А ты кто? — генерал уставился на литеру «К».

— Боевая катапульта, товарищ генерал!

— Ага! Приказываю: для заброски разведгруппы на высоту воспользоваться Боевой катапульти! Заброску осуществить литере «К». Операцию начать немедленно! Бегом!

Троих десантников вместе с лейтенантом сорвало с места. В броневагоне остались генерал и младший лейтенант. Последний сосредоточенно наблюдал за экраном осциллографа и усиленно вращал верньеры.

— А ты чем занимаешься?

— Наблюдаю, товарищ генерал!

— Хор-р-рошо, десантник. Продолжайте наблюдение. Особое внимание уделите сектору действия разведгруппы.

Катапульта находилась в броневагоне с раздвижным потолком.

— Вот она самая, — предъявил лейтенанту боевую машину рядовой на букву «К».

— Из нее людей хоть можно послать, боец? — спросил тот.

— В положении «боезаряд» — все, кроме людей, вплоть до ядерного фугаса. А вот когда в положении «десантное катапультирование» — тогда конечно, товарищ лейтенант.

— Что ж, мужики, будем прощаться, — повернулся к разведгруппе лейтенант. — Аптечку вам предоставить не могу. Была у нас, сержант, Аптечка, санинструктор.

— Мертвого поднимала, — вставил Порошок и улыбнулся, вспомнив что-то приятное. — Теперь вместо нее Автомат — генеральский вагон сторожит. А в санитарном вагоне теперь Операционная. Тоже баба ничего. Но ее с собой не возьмешь...

— Ладно, мужики, берите винтовки, парашюты и... Катапульта, смотри, не промахнись.

— Так это ж катапульта, у нее прицела нет — наведение плюс-минус триста, накрывает площадь в десять квадратных...

Конечно, они угодили в болото. Перепачканные тиной, насквозь мокрые выбрались на ближайший холм. Бронепоезд отсюда казался тонкой ниточкой, над ней висело плотное дымовое образование, из которого время от времени брызгало огнем.

У Репкина от перегрузки пошла носом кровь. Он лег на траву и зажал нос ладонью. Кровь струйками бежала между пальцев, и он принялся размазывать её по щекам. Порошок же, по-видимому, нечувствительный к перегрузкам, что-то деловито выгребал из карманов.

— Эх, так твою и так — размок! — пожаловался он. Репкин не ответил, продолжая размазывать по лицу кровь. — Порошок, говорю, размок. Я его в карманах держал, а он и размок, туды его... Полковник, чмо, весь порошок запер в тыловой вагон. Вчера его змей спалил. Я, конечно, вещмешок порошка заныкал. Старшина эту нычку не найдет. И в карманы вот набрал. Ты чего молчишь, Телескоп?

Только тут Порошок глянул на сержанта:

— Ого! Смотри, как тебя раскровавило. Еще и войны не было, а уже того... Я сейчас тебе грязи с болота наложу — может полегчает.

То ли грязь помогла, то ли организм сам справился, но кровотечение прекратилось. Репкин осторожно сел. Порошок протянул ему в ладонях зеленоватую пенистую жижи:

— Давай, Телескоп, надо нам натереться до пены. Может, кикиморы тогда не учуют, потому как порошок этот, написано, от всех видов противника маскирует, когда, значит, в виде пены. А пену он держит часов пять. Вишь размок — надо натереться, а то вытечет и все, пиши пропало. Кикиморы полезут, как стемнеет, они света не выносят. Нам бы до луны продержаться. А как луна сядет, так другая выйдет, а там и рассвет. Тогда, значит, и двинем. До бронепоезда километров пять. Оно болото, но ничего, дойдем. Жаль, сейчас не успеем.

Они усердно взбили друг на друге пену. Пена вспухала плотным резиновым слоем, а потом осела, и оба оказались покрыты тонкой, лаково отблескивающей пленкой.

Порошок махнул рукой, показывая на склон холма. Там они в кустарнике и залегли.

На болотах царила тишина. Только со стороны железной дороги время от времени ухало — воздушный противник методично долбил по бронепоезду. Маленькое солнце стояло неподвижно и, казалось, вовсе не собиралось уходить за горизонт.

— Ты не смотри на солнце, сержант, — заговорил Порошок. — Тут весь закат — десять минут. Скоро уже. Попали мы с тобой, сержант. Ты не сердись, ты хоть и сержант, а все равно салабон. А я уже на бронепоезде полгода. Столько ребят в этой войне легло, а я, видишь, живой. Ты меня слушай, может и прорвемся.

Репкин повернулся набок:

— Слышишь, Порошок, а из-за чего война?

— О том нам не докладывают. Завербовался, так воюй.

— Порошок, а ты что, вербовался?

— Жена, подлюка, бросила, с корешем спуталась. Злой я тогда был. Света не видел. А тут иду, глядь — написано: «Набор добровольцев». Захожу. «Куда берете?», — спрашиваю. В горячие точки, говорят. Вот он я — берите. Глянули они в мой файл — вы, говорят, не военнообязанный, в регулярные части вас взять нельзя. Я озлился, стал их матом крыть. А можно, говорят, в литерное подразделение. Имеется вакансия на букву «П». Я-то думал — пулемет. До меня, как раз, Пулемет был. А тут порошок...

— Смотри, — перебил Репкин, — вон он летит!

От дымового образования отделилась черная точка и, набирая высоту, стала исчезать из поля зрения. Порошок приложил ладонь козырьком ко лбу:

— Ага, точно — дракон. Я ж им говорил. А они — «летательный аппарат», так их.

Репкин разомлел. Неведомые кикиморы казались сейчас ему чем-то несерьезным, сказочным. Ну повалязят, ну и что? И Порошок держится спокойно — чего волноваться? Переночуем, а там видно будет. О смерти Репкин не думал, он ее никак не предполагал.

Порошок толкнул Репкина в бок:

— Слышь, сержант, давай порубаем? У тебя есть?

— Нет, нету. А, постой, мне же Щетка тут дал.

— Хороший парень Щетка. Хоть на этого чмыря горбатится, а все равно. Достали сухпай, стали жевать.

— Порошок, — спросил Репкин, — а чего у нас такой странный начальник бронепоезда?

— Это ты о полковнике? Чмо — он и есть чмо. Приказал Щетке пошить ему цивильный костюм. И генералу мозги засрал так, что тот не трогает. Ясное дело, без него не будет бронепоезда, а без бронепоезда генералу здесь сразу хана.

— А генерал что за человек? Странный он какой-то...

— Людоед он, а не странный. Понял? Людей жрет — пошлет, как нас, и с концами. Уже при мне литеры, кто не при начальстве и не при кухне, по третьему разу пошли. До тебя, Телескоп, был Танк, а до Танка — этот, как его, цыган — Тачанка.

Репкину сделалось нехорошо.

— А с заданий возвращаются?

— Всякие чудеса бывают. Ты, главное, раньше времени не сри, понял?

— Ну, а отказаться от задания? Или самого послать, навести винтовку и пускай идет?

— Салабон — вот ты кто. Нельзя, у него же мандат. Мандат так устроен, что послушаться нельзя, к тому же у мандата и право на трибунал, а это — расстрел на месте, генерал стреляет собственноручно. Сказал — пальнул.

— Тогда почему бы его тихо не нейтрализовать, чтобы не успел отдать приказ или там вякнуть, и отстрелить из катапульты, запереть в штабе? — в Репкине просыпался студент.

— Дурак, против мандата даже перднуть не успеешь. Были умники, не думай.

Репкин замолчал, задумавшись о мистических свойствах мандата. «Интересно, — подумал он, — генерал, что — по жизни такой злой, или это его мандат таким делает?» Затем стал думать о невероятных свойствах прочих боевых единиц на этом бронепоезде. И опять спросил:

— Слышь, Порошок, а почему поезд стоит? С воздуха расстреливают, если бы ехал — попасть было бы труднее, а?

— Передислоцироваться? Полковник, бывает, устраивает цирк. А так — не любит.

— А генерал что, не может приказать?

— Я тебе вот что скажу, Телескоп, этого никто не знает, кроме меня, потому как в локомотив никому ходу нет, кроме чмыря этого. А я побывал... И в самой рубке был. Бронепоезд, он может не только по рельсам. У него и воздушная подушка, и режим плавания и погружения, и в мягкий грунт зарывается на десять метров. Летает он, понял? И не только в небе. Там было еще написано — «режим орбитального маневрирования». Вот и говорю — чмо наш полковник.

— А ведь полковник не дурак, — сообразил Репкин. — Он и себя сохранить хочет и остальных. Узнай генерал, что бронепоезд универсален — он бы его в такое пекло загнал, что всем нам каюк! А так, что — дракон? Так он броневаронам до одного места.

Порошок молча достал непромокаемый пакетик, вытащил сигареты и спички. Закурил. Репкин жадно глянул на курево, но попросить почему-то постеснялся. А стал развивать мысль:

— Точно. Потому он все и подгребает, чтобы генерал это в бою не использовал. Мой телескоп в каптерку отправил. Нет, он больше нашего понимает...

Порошок этого разговора не поддержал и Репкин замолк.

А солнце уже покраснело и стало опускаться, отвесно и ходко. Как обещал Порошок, закат много времени не занял: упало за горизонт — и все погрузилось во мрак.

— Цыц, салага, молчи, — прошипел Порошок и поспешно загасил чинарик. На болоте, метрах в двухстах вспыхнули вдруг зеленоватые огоньки. Репкин вжался что есть мочи в землю, хотел зажмуриться, но отвести взгляда от огоньков не смог. Огоньков было немного — пять или шесть. Они полукольцом окружали холм — значит и с тылу тоже заходят.

Огоньки приближались. Репкин с ужасом разглядел темные человекоподобные силуэты, озаряемые изнутри каким-то свечением. Фигуры замерли на краю болота, держа что-то в вытянутых руках. Внезапно шесть плазменных струй ударили в подножие холма. Валявшийся там парашют враз вспыхнул и исчез. Загорелся кустарник.

И Репкин понял, что это за фигуры.

— Звездная пехота! — шепотом выкрикнул он и тут же получил от Порошка удар кулаком по затылку.

Да, это могла быть только звездная пехота — именно о такой он читал в одной древней, давно запрещённой фантастической книге. Зеленым светом мерцали оптические преобразователи на забралах шлемов, а призрачное сияние излучали серебристые обручи генераторов защитного поля на локтевых и коленных суставах панцирь-скафандров. За спиной у каждого — реактивный ранец, в руках, разумеется, плазмоганы. «Конец», — понял Репкин.

Но кикиморы никаких наступательных действий больше не предприняли. Напротив, отступили в глубь болот, даже огоньки погасли.

— Не учуяли. Порошок работает, — зашептал Порошок в ухо Репкину. — Если лейтенант их засек, сейчас из орудия ударит.

— По этим? Из пушки? — истерически зашептал в ответ Репкин. — Да ты знаешь, кто это? У них же защитное поле!

— Если аннигиляционным саданет, то всему их полю жопа. Правда, и наш холм сроет. Они ж не знают, что мы здесь, что аннигиляционным не саданет. Поэтому, суки, затаились. Эх, скорее бы луна...

Но с бронепоезда выстрелила не пушка, а катапульта — осветительным. Полыхающий светом шар завис над болотом и медленно спарашютировал в воду.

А вскоре и луна не заставила себя ждать. Она была на удивление большая и яркая. Казалось, что наступает рассвет.

— Все, теперь они больше не сунутся. Я ж говорил, сержант, прорвемся. Теперь отбой тревоги. Можно курить.

На этот раз Репкин сигарету попросил и затянулся с неожиданным для себя удовольствием. В голове звенело, тело казалось совсем легким. Вот оно, тело, на месте — жив-целехонек.

После второй сигареты к Репкину вернулась прежняя живость мысли. И он размечтался:

— А хорошо бы с помощью моего телескопа обратно домой вернуться. Теперь я знаю, что буду с телескопом делать. Землю он вмиг найдет, если ее как цель задать. Проложит курс — и бронепоезд по курсу полетит. Что ему, в самом деле...

Порошок хмыкнул.

— До задницы твой телескоп. На бронепоезде, вон, даже хроноагрегат имеется. Где они того Хроника держат, не знаю. Засекречен. Это Щетка рассказывал, мол, прибыл такой, вместо Химики. На агрегате этом обратно вернуться можно, в прошлое. Или в будущее сигануть. Только что там ловить, в будущем?

Порошок послунывил палец и выставил вверх.

— Ветер, бляха-муха. Не натянуло бы...

Небо быстро затягивало тяжелыми чешуйчатыми тучами. Они раз за разом наплывали на луну. А потом задуло сильнее и откуда-то из-за дальних холмов пришла непроницаемая пелена. Стало темно.

На болоте вновь появились огоньки. Теперь они приближались быстрее. Репкин понял — это по его душу.

— Все, порошок весь вышел, — сообщил Порошок и лязгнул затвором винтовки. — Рассредоточимся, брат. Эй, оглох, что ли? Разбегаемся, говорю.

Порошок быстро полез вверх по склону. А Репкин ничего не стал делать.

С бронепоезда прилетел осветительный шар, хлопнул парашют. Но шар, не успев даже вспыхнуть, испарился в луче плазмогана. Тогда бухнула семидесятипятимиллиметровка лейтенанта. Рвануло прямо среди кикимор, но ни один из огоньков не погас. Еще бухнуло — и все вокруг холма вспыхнуло малиновым пламенем: лейтенант попробовал водореагентный термитный фугас. Но как только пламя утихло, звездная пехота взяла холм в кольцо.

С вершины холма раздался отчаянный крик «нате-суки!», хлопнул выстрел винтовки, и враз вся трава на вершине вспыхнула; от ярких плазменных разрядов Репкин на мгновение ослеп. «Порошок!» — взвыл он отчаянно.

И вдруг вспомнил, что так быть не может, не бывает. С ним так быть не должно, нет, ведь он студент, обыкновенный хлюпик...

— Это ошибка! — завопил он и на карачках ринулся куда-то сквозь кустарник. Остановился — пехотинцы никуда не делись, застыли на прежних местах. — Я не десантник! Я Репкин! Стойте! Я студент! Я домой хочу! Не стреляйте, пожалуйста!

Звездные пехотинцы постояли, может быть, даже послушали, а потом пальнули плазмой...

Двигать бронепоезд решено было на закате второй, тусклой в сравнении с первой, луны. За полчаса до начала операции генерал зачитал боевой приказ личному составу, выстроившемуся вдоль насыпи. Прозвучала команда «по вагонам!», из тормозных колодок с шипением ударили струи сжатого воздуха. Бойцы Алфавита засуетились, замелькали фонарики, застучали каблучки.

В это время на траву перед штабным вагоном опустился парашютист.

— Кто таков, сынок? — отеческим баритоном осведомился генерал, как только тот освободился от строп.

— Боевой прожектор, товарищ генерал!

— Ну-ка, доложи, что за хреновина?

— Устройство, генерирующее электромагнитное излучение любой заданной частоты, мощности и когерентности! — лихо отрапортовал новобранец.

Генерал аж прижмурился от удовольствия.

— Так скорее введи его в бой, солдат! Даю вводную — Боевой бронепоезд готовится к передислокации. По пути следования возможна засада противника. Приказываю — осуществить разведку на пять километров вдоль железнодорожного полотна! Бронепоезд пойдет следом малой тягой. Исполни свой долг, солдат!

Душным летним вечером дверь квартиры, снимаемой студентом Репкиным, открыл человек в черной ветровке, темных очках и армейских берцах. С хозяйской бесцеремонностью хлопнул дверью. Словно был здесь не в первый раз, прошел в комнату, отпер нижний ящик компьютерного стола и вытащил стопку документов. Паспорт, свидетельство о рождении, аттестат и прочее. Снял боковую панель компьютера и, вывинтив жесткий диск, небрежно сунул вслед за документами в карман ветровки. А затем бережно поднял со стола том «Боевого алфавита» на букву «Т» и, спрятав его в черный пластиковый пакет, покинул квартиру и канул в сумерки. Больше не было здесь, на Земле, никакого студента-сержанта Репкина, а может быть, не было его никогда, как не было ни чудесного телескопа, ни загадочной воюющей планеты, ни подразделения с нелепым названием Боевой Алфавит. Да ведь и правда, разве могло такое быть на самом деле? Ведь Земля — процветающая планета, где давно уже царят мир и покой, и где о войнах и битвах можно узнать только из древних книжек.

г. Донецк, Славянский Мир

СЕРГЕЙ КАРЛИК

АКТИВАТОР

ЮДИ — ОНИ РАЗНЫЕ. ВОТ БЫЛ У МЕНЯ ДРУГ СЕРЕГА. Фиг его знает, как он стал менеджером. Ну не топ, конечно, а простым. Вроде работали мы с ним когда-то на заводе, слесарями. Вдруг раз, и он уже чем-то там торгует в мелкой фирме. И зарабатывает! Может потому что не пьёт. Он никогда не пил, в обед мы в домино сидим, играем, ну и киряем. А он в уголке книжки читает. Не подумайте чего, не учебники ни фига, так, фантастику вся-

кую.

Мне он ещё тогда говорил:

— Миша! Заканчивай пить! До добра тебя это не доведёт!

Ну, Серёгу его способности тоже до добра не довели. Впрочем, после его лекций я и впрямь на некоторое время брался за ум. Это сейчас я знаю, в чём там было дело. А тогда...

После дефолта, когда на заводе сократили всех, кроме начальства, Серега пропал куда-то и всплыл в моём жизненном пространстве где-то через год. Если честно, дружба наша держится исключительно на его усилиях. Не приглаай он их регулярно, не было бы ничего. Вон в соседнем подъезде Саша живёт. У меня на свадьбе свидетелем был. Так вот я даже и не знаю что с ним сейчас. Нет желания общаться с ним. Серёга же если не появлялся долго, то прям беспокойно становилось на душе, потому как друг он, и интересно с ним.

Ну, в общем, позвонил он мне через год и в гости напросился. Ну, мы ж живём рядом, работали вместе, врагами не были. Пришёл, мы с ним за жизнь поговорили, выяснилось, что работает он менеджером в фирме. Когда он мне свою зарплату назвал, я удивился. По тем временам, когда сто баксов могли семью обеспечить, у него очень приличная зарплата выходила. Завидно даже стало! Ну и, в общем, стал он к нам иногда захаживать. Раз в месяц так, иногда чаще, иногда реже. Но не забывал. Ну и я к нему пару раз заходил, выручал его по мелочи. Старую мебель там выкинуть, краны поменять... помогал, в общем. Потому как у Серёги руки-то, если честно, не из того места растут. Мозги у него что надо, а вот руки... Ну да ладно.

Как-то зашёл ко мне и говорит:

— Прикинь, Миш! Предлагают мне новую работу.

Я здорово удивился. Серёга-то уж к тому времени столько денег в месяц получал, сколько мы с моей Светкой в квартал. И чтобы его новой работой соблазнить, это надо было высокую ставку сделать, не ходи к гадалке.

Оказалось, однако, что это не работа, а приработок. Работать по субботам. С десяти до трёх. Но, зная Серёгу, можно сразу сказать, что там на деньги и

посулы не поскупились, потому как по субботам Серёга привык спать до трёх часов дня.

Ну, мы с ним побеседовали, и пошёл он домой. Как раз там у него новая подруга появилась, он на подъёме был и вообще...

Через неделю, то есть через непривычно короткий отрезок времени он появился снова. Был чем-то немного озабочен, объяснить, в чём дело, никак не мог. На новой работе ничегошеньки не делал, только журналы, по его словам, читал, картинки рассматривал. Причём на работе, на этой, у него рабочее место было оформлено гораздо круче, чем в той фирме, где он трудился менеджером. Ну, то есть во всех отношениях, стол больше, компьютер лучше и прочее. Вплоть до того, что мобильный какой-то крутой дали. Он даже мобильник этот достал и показал мне.

Ну фиг его знает, тогда меня в первый раз переклинило. Мобильник был крутой, он даже не во всех его функциях тогда разбирался. Но у меня-то вообще не было никакого! И вдруг я понял, что мне нужен мобильный телефон, и только тогда об этом подумал, и он вдруг вытаскивает из кармана свою старую трубу и отдаёт мне со словами:

— На Миш, мне-то он уже ни к чему, а тебе пригодится.

Хм. Щедро конечно, я тогда этот мобильник жене отдал, она давно уж мечтала, а тут халява. Вот теперь вспоминаю, что очень продуктивный был потом период жизни у меня. Дело в том, что вот Серёга посидел, чаю попил и свалил, а мне вдруг загорелось тоже мобильный себе купить. И вот обычно я по пятницам пью, а тут вдруг интерес пропал, это ж зря потраченные деньги! Ну и, в общем, купил я себе трубу. А потом и Артёмке, ему уж девять лет стукнуло и в общем он обижаться стал, что мы его из школы встречаем, в школу провожаем. Да! Ему тоже на день варения трубу.

Ну и тут через пару месяцев появляется Серёга. Как всегда, без приглашения и, как всегда, вовремя. Как раз жена блины с мясом приготовила. Как знала! Серёга любит блины, которые она готовит. Холостяк!

Знаете, как выглядят люди довольные жизнью? Рожа раскормленная, только что щёки не на плечах. Костюм-тройка, на пальце гайка из золота. Весь в понтах, в общем. Ну я-то знаю, что завидовать ему мне нечего. Но про трубы ему стал рассказывать и про то, что за два месяца я только три раза напился. Ну и вот я ему рассказываю, а сам смотрю, Серёга меня слушает и у него работа ума идёт неслабая. Прямо пыжится весь, и видно, что вот хочет сказать. А не может. Потом так спросил:

— Значит, говоришь, всем мобильники купил.

— Ну да! — отвечаю. — Сейчас вот телевизор бы новый купить.

Слово за слово и договорились, что я у него за копейки его старый куплю, он себе тоже новый собрался купить. Ну его старый круче любого нового, который я мог себе позволить. Договорились, в общем.

Но ушёл он от меня недовольный чем-то. Даже расстроенный. Ну да фиг его знает, какие у человека тараканы.

Эх! Прошло, в общем, ещё пара месяцев. У меня всё как обычно, единственно телевизор теперь появился, ну, сын на танцы начал ходить. Это Светка его записала, сам-то он хочет карате, да только здоровьем слаб оказался, не разрешил ему врач. Серёга нам сказал, что без развития будет только ре-

грессия. То есть, не будет развиваться Артемий, значит, будет деградировать.. Ну, в общем, танцы и недорого и спортивно. Ну, и с девочками пообщаться.....Тоже, в общем, учёба своеобразная.

Ну, а у меня никакого развития. Работаю, пью по пятницам.

И тут вдруг появляется Серёга. В субботу утром... А у меня в субботу утром похмелье. То есть плохо мне и любой хрен с горы, даже если друг, всё равно лишний.

Но этому разве докажешь чего. Я ему дверь открыл, и чайник ставить пошёл. Понтов у него на первый взгляд поубавилось, но только на первый взгляд. Гайку заменил на тоненькое колечко с камешком. Только камешек так мерцает в лучах утреннего солнца, что сразу ясно — колечко стоит десяти прошлых гаек.

И вот на кухне за чаем стал он меня про зарплату спрашивать, сколько да чего... Никогда не спрашивал, а тут вдруг взялся. Ну, я ему сказал, он удивился так, будто в Москве все менеджеры, и все получают по полторы штуки. Я, прям, почувствовал себя единственным слесарем на всю Москву. Так ему и сказал. Так он ржал, как лошадь минут пять.

— Миша! — говорит. — Если бы это было так, то ты бы был востребован и зарабатывал бы лучше всех!

Ну, логично.

— А вообще, — продолжает. — В Москве сейчас и слесари прилично зарабатывают. Работать просто надо, а не пить!

Ушёл он потом, а я вдруг чего-то задумался. Действительно, ведь ничего кроме завода своего, и не вижу. А может теперь на других заводах больше платят. Да и работаю я так се, особо не надрываюсь.

Впрочем, был у меня период, когда я вкалывал, как папа Карло. Это когда Серёгу угораздило замещать два месяца бригадира. И.О. он был так сказать. Ему эта синекура не по воле доброй досталась, попросили его, сказали, что нарядов больше закроют. Так он, помнится, приволок нам план по деталям и расчёт за них. И говорит:

— Надо сделать вот всё это, а потом получите за это вот столько. Сделайте мне план и, после этого пейте сколько влезет.

Странно, но мы все ему поверили как отцу родному. Это притом, что мы с Серегой, если честно, сопляки тогда совсем были, а полбригады у нас было мужиков лет сорока с двумя-тремя отсидками за мелочёвку. В общем, мы ему план сделали за две недели, после чего пошла такая жизнь, кто в домино режется весь день, кто на станках по хозяйству сооружает. Петли там дверные, ножи для резки хлеба. Серёга на это посмотрел, подумал и сочинил нам халтуру. Тогда ещё гремела перестройка, ничего нигде не было. И мы начали делать крысоловки.

Это было очень верное решение! На нашем заводе много народу работает, тысяча тридцать, так вот крыс при этом было наверное несколько миллионов. Они до того обнаглели, что шныряли под ногами даже днём. А уж когда станки отключали, так вообще начинали бегать стаями. Ума не приложу, чем они питались. У нас там было только железо вокруг и масло... и бетон.

Всё! Мне они как-то карман спецовки ночью прогрызли, и червонец в нём. В общем, слесаря клепали крысоловки, а Серёга торговал ими. Барыга из него вышел знатный! А ещё токарей заставил гантели крутить, у нас металл тогда под ногами бесхозный тоннами валялся, ну и выходило, конечно, дешевле, чем в магазине, раза эдак в три. Охрану, я помню, купил он с потрохами. Ещё помню, карданы для педалей в барабанные установки валяли... Эх! Как мы тогда не спились на фиг, не знаю. Вот наверное Серёга нас удерживал. Своим примером...

Халява кончилась в следующем месяце, когда ему начальство план дало в три раза больший, а деньги на зарплату те же. Он, ясен перец, всех наверху послал, и к своим строгальным станкам вернулся, а мы всей бригадой ударились в запой! Пить нам тогда было на что, даже не смотря на то, что всю зарплату до копейки жёны отбирали. Вот они гадали-то, откуда у нас бабки. На работу, помню, вышло три человека. Эх, проехали...

Как-то Артёмке решили животинку купить. Ну и поехали значит на Птичий. Ну, и в общем суббота, жарко, мы уже у входа на рынок... И вдруг я вижу Серёгу! Торгующего квасом! Мама родная, неужто на квасе можно так зарабатывать? Стоит он, квасом торгует, очередь к нему. Я Артёме денег дал, он на рынок, а я в очередь за исконно русским напитком. Как очередь подошла моя, Серж мне квасу наливает и говорит:

— Привет, Миша!

Ну я ему:

— Привет, Серёжа. Это так ты подрабатываешь по субботам.

А он мне ни капли не смущаясь:

— Я по всякому подрабатываю, давай вечером зайду.

— Давай!

Тут Артемий подошёл. С крысой! Ну, и мы пошли клетку под неё искать.

Вечером он пришёл, Светка по этому поводу наварила и натушила столько, мы потом неделю это всё ели. А Серёга, ясен пень, от всего понемногу откусил, всё что понравилось похвалил, и между делом так:

— Я, Миша, когда устроился подрабатывать?

— Ну, зимой.

— А зимой квасом торгуют?

— Нет!

— Ну, вот врубайся, подрабатываю я не торговлей квасом.

— А чёго ж ты там делал?

— Теорию проверял. Точнее, мы проверяли ещё раз одну мою теорию.

Эх! И начал он мне рассказывать. Оказывается, в тот день у рынка было предостаточно точек с квасом. Аж четыре штуки их было, и квас к ним подвозили по мере потребности. Но! Серёга сам выбрал место и за то время, пока остальные продавцы продали по одному баку, он продал четыре. Потом он поменялся местом с самым неудачливым из продавцов. Так вот его, Серёгин, результат ну ни как не изменился. Совсем. А теория такова, такой парень, как он, может торговать чем угодно и где угодно, и будет нормально зарабатывать.

Ну, я, конечно, спросил его. Чем он такой особенный, так он сразу вроде как сдулся и напустил на себя вид такой таинственный. Ну вроде как он агент 007, а я типа сошка мелкая, и знать мне ничего не надо. Меньше знаешь, крепче спишь. Так прям и сказал.

Ну, мы с ним за жизнь ещё побухтели, и он так промежду прочим спрашивает меня:

— Спортom-то не думал заняться?

Ну какой спорт в мои годы?

— А какие твои годы? Вот увидишь, Мих, месяца не пройдёт, будешь на велике кататься, рассекать вместе с Артемием.

Ага! Велосипед денег стоит! А у меня лишних нет. Он только посмеялся.

— Будешь, — говорит, — рассекать и всё тут.

Ну, в общем, проехали...

Где-то значит, через пару дней включаю телевизор, а там кучи китайцев рассекают по городам своим на велосипедах. Что-то там такое было про здоровый образ жизни. Ну, потом как-то в новостях показали, как президент наш мотает педали по утрам вокруг Кремля. Вот делать нечего людям! Потом Светка вдруг стала рассказывать, как у них на работе какой-то там тётке велотренажёр подарили. Помню, сразу везде дофига велосипедов появилось. Всяких, на любой вкус. Дорогих и дешёвых, с одним приводом и с двумя. Потом по дешёвке, ну абсолютно случайно, мы Артёмке велик приобрели, правда, не фанат он был этого дела, у него вечно старшие мальчишки на улице хотели вел отобрать на пару кругов. Ну, и как-то пошли мы всей семьёй в лес гулять, благо мы на окраине живём, он у нас близко, дорогу перейти и всё. Мы вообще-то хотели шашлыки себе организовать, да только не вышло ничего. В лесу мы наткнулись на велосипедную трассу, да не простую, а со всякими там горками-поворотами. Мы стояли и смотрели, как мимо нас проносятся на бешеной скорости велосипедисты. И вдруг нам с Артёмкой так загорелось тоже попробовать, что мы прям обратно домой за великом ломанулись. Мы, конечно, не гонщики, грохнулись по разу на трамплине и успокоились. Но я тогда подумал, что вот неплохо бы приобрести нам нормальный велосипед, ну, чтоб с рессорами хорошими и переключателями скоростей. Ну, и вот только я подумал и голос сзади:

— Мих! Здорово!

Оглядываюсь. Да-а-а!!! У Серёги на лбу можно было в тот момент смело вешать табличку: «Охраняется государством»! Ну правда! Обычные простые люди не шляются по лесу с охраной. А эти мордовороты у него за спиной с лицами как у Терминатора ничем иным быть не могли.

Из лесу мы поехали в кафе. Велосипед наш засунули в багажник джипа. Серёга сразу так сказал, что джип не его, типа напрокат дали. Ага! И пяток мордоворотв в придачу!

Ладно...

Они там в кафе все отдельно, а мы с Серёгой отдельно. Светку с Тёмой тоже за отдельный стол посадили, им сразу мороженных-пирожных принесли. А мы с Серёгой по соку и по пиву.

— Смотрю, по велосипедам пробился? — спрашивает.

— Ну да. — Говорю. — Твоя правда.

— Да я не сомневался. — Помолчал, потом спрашивает. — Никогда ты не замечал за собой такое, вот есть у тебя вопрос, ты думаешь о проблеме, не знаешь, как решить задачу, потом вдруг раз. Открыл газету. А там ответ.

— Да не.

— А я вот замечал. Теперь у меня вот работа такая.

— Какая? Отвечать на вопросы? Решать проблему?

— Нет, создавать.

— Не понял, — говорю, — это как это?

— Ну, вот смотри, в прошлом году все катались на роликах, в этом году на велосипедах. Так?

— Ну, так. Это мода.

— Не совсем мода. Точнее мода, но это произошло потому, что те люди, которые были убеждены, что именно этим надо увлекаться повлияли на других людей, которым это было по фигуре. Но ведь был какой-то первый толчок. Посыл, который сдвинул горную лавину.

— Ну, возможно. Ты что ли двигаешь лавины?

— Ну не совсем. — Тут он напыжился весь. — Дело в том, что есть индивидуумы, которые организуют людей сознательно, а есть которые бессознательно. Тут большая разница. Дело в том, что те, которые сознательно, они организуют тех, кто доступен их прямому восприятию. Ну, например в театре актёры заставляют тебя сосредотачиваться на спектакле, действии, которое происходит на сцене. Понимаешь?

Я кивнул, вроде ясно мне.

— Ну вот! А есть люди, которые никого не организуют. Они просто хотят, сознательно хотят, и мир начинает подстраиваться под них. Например, я хотел нормально зарабатывать, пришёл на фирму и вдруг стал хорошо продавать. Мы тут проверили, я могу продавать что угодно, кому угодно, если уверен, что товар хороший.

— Это что ж получается, если ты, например, захочешь, чтобы я развёлся и будешь убеждён, что это правильно, так так оно и будет?

— Ну, типа. Или что тебе надо пару негритят усыновить.

Ну, мы посмеялись, и он продолжил:

— Вообще-то дело сложнее. Например, когда у меня проблемы в личной жизни, то я открываю газету и вижу некоторые ответы на свои вопросы. То есть кто-то незнакомый мне задаётся такими же вопросами. Если хочу купить дешёвую обувь хорошую, то значит, по пути мне попадается распродажа. Если хочу поехать на юг, то горящая путёвка сама собой всплывает. Я могу маркетинговое исследование не проводить, всё равно все самое хорошее и дешёвое моё! Или вот пример. Помнишь Клаву?

Ещё бы не помнить. Серёга с ней через инет познакомился. Она часто в Москве бывала проездом. Ну, они подружились. Однако она в Казахстане живёт, сын у неё там. Вроде как собиралась она в Москву, квартиру здесь хотела купить.

— Она переезжает к нам! В Москву! И знаешь, как срослось-то? Она СЛУЧАЙНО познакомилась через инет с мужиком одним, который занимается СТРОИТЕЛЬСТВОМ в Москве. И он ей продаёт квартиру задешево, потому что он ЕЁ БЫВШИЙ ОДНОКАШНИК!!! У неё даже есть его фотографии! Прикинь, мужик жил в Казахстане когда-то, лет эдак двадцать назад!

Я просто выпал в осадок.

— Это потому что ТЫ ТАК ЗАХОТЕЛ?

— Не совсем. Просто хотел чаще видеть.

— А если ты захочешь быстро разбогатеть, то в лотерею выиграешь?

— Нет! Это вероятно, но тут не божье провидение действует, а соединяются желания людей. Клава хочет свалить из Казахстана, так как к русским там плохое отношение. Я хочу чаще видеть её в Москве. Ну, а её новый знакомый, наверное, тоже маялся одиночеством, и думал о своей школе, когда за комп сел. Может он не единственный её однокашник здесь. Но ведь он РУКОВОДИТ В СТРОИТЕЛЬНОЙ ФИРМЕ!!!

— Обалдеть!

— Так что у меня скорее родственнички перемрут, чем я в лотерею выиграю. Ну, то есть, скажем, если у меня есть богатый родственник, и я хочу разбогатеть, то тогда найдётся желающий моего родственника завалить.

Я уж не помню, как мы тогда разошлись. Очнулся дома. Эх, крепко тогда мы с ним выпили!

Серёга мне тогда много рассказал. И про то, что есть такие люди, которые ищут таких, как он. Активаторов. То есть вот такой он человек. Если ему внушить что-то, объяснить, что это хорошо, и он по этому делу пробьётся, то тогда и все вокруг тоже начнут этим заниматься! Он активизирует и дальше как горная лавина.

Вообще получается опасная фигня. Он говорил, что, скорее всего, Гитлер был активатором. Сталин не был, у него активаторы были в окружении. Он влиял на них, а они потом на него и на всех остальных. Опасные люди! Например, идеи войн могут активизировать в массах, политические, религиозные. Всякие.

Прошло опять месяца эдак три, и приходит он опять ко мне без приглашения. Грустный.

— Мне сделали предложение, от которого я не могу отказаться. Конкуренты моей конторы хотят меня к себе. А мне неохота.

— Чего обещали?

— Обещали убить. — Буднично так сказал, будто про чашку кофе.

— Это зачем?

— Ну, как, я ж работаю на корпорацию. Она на наш рынок через десятки фирм продаёт всякие товары. Ну, а другие фирмы не могут толкать товар, потому что я перебиваю желания целого города. Подарят мне мобильник, все покупают машины этой фирмы. Дадут велосипед, у всех появляется желание купить велосипед. Доход обеспечен.

— А ты чего, такой единственный в своём роде?

— Не совсем, просто самый сильный. Я даже не могу жениться из-за этого. Когда я об этом думаю, все вокруг бросаются на поиски пары, и я остаюсь один. Прикинь!

— И поэтому тебя убьют?

— Ну да. Типа чтобы не мешал. Или вот к ним работать.

— Ну, иди.

— Не получится. Во-первых, меня тогда шлёпнут мои бывшие работодатели, во-вторых, я у этих работать не хочу, не нравится мне такой вот подход. Им же, получается, меня проще завалить, чем уговаривать, потому что корпорации дерутся, а мы у них как фигуры на шахматной доске. Только я же не пешка даже. Кого выгоднее убрать с доски, пешку или крупную фигуру? В общем, не поминай лихом.

— Подожди! — я даже заволновался от вновь пришедшей мне в голову мысли. — Получается, что ты сам считаешь, что тебя должны убить. Так?

— Так... — Глаза его расширились.

И вот только я хотел его утешить, осмеять его страхи, как вдруг лопнуло стекло оконное и разлетелось Серёгино лицо мокрыми красными ошмётками. Странно, что второй пули не было. Я сидел ни жив, ни мёртв. Минут пять сидел, потом бросился звонить.

Вместо милиции приехали какие-то ребята из ФСБ. Корочками потрясли, подписок всяких взяли. До вечера не давали Светке пол вымыть.

Эх...

Люди разные. Кому-то достаточно того, что они имеют, но это единицы. В основном все хотят больше, чем имеют, и гораздо больше, чем им нужно. А у некоторых изначально слишком много всего. Ну, не во всём, но в частностях. И тогда другие люди стремятся отобрать это. А если не отобрать, то хотя бы использовать. А если не получается, то хотя бы уничтожить. А я вот слесарь простой, и не было у меня ничего особенного. Вот только друг мой, Серега. Как краешек тайны, как человек из другой жизни.

Активатор.

ОЛЕГ ПОЛЬ

ЛАДОНЬ БУДДЫ

ВХОДА В СТОЛОВУЮ МНЕ НАВСТРЕЧУ ПОПАЛСЯ совершенно убитый Почкин.

— Саша! Привет...

— Что случилось? Запчасти?

— Угу. Модест так и уперся. Фонды, лимиты и разбазаривание.

Роман по уши в своем проекте. Иду на прием к Янусу, тот говорит

— разбирайтесь сами, вопрос в пределах вашей компетенции.

— И что будешь делать?

— Не знаю. Да гори оно синим пламенем.

В начале месяца окончательно вышел из строя демон Выход. Привести его в чувство, против обыкновения, не удалось. Саваоф Баалович, вызванный в качестве последнего средства, лишь пожал плечами и выдал заключение о необходимости капитального ремонта.

Но на пути прогресса несокрушимым барьером встал Камноедов. Узнав о стоимости материалов, он категорически отказался визировать заявку. Старичок Вход третью неделю трудился за двоих, заявка пылилась в канцелярии, а бедный Почкин безуспешно оббивал пороги институтского начальства.

Помочь ему было нечем. Хотя...

— Володя, есть идея. Давай список сюда, включим его в реестр расходных материалов ВЦ на апрель. Расходники Модест вообще не визирует.

— А разве так можно?

— А почему нет? Помогал же я переключать Входа в дуплексный режим, значит, ВЦ имеет отношение к проблеме. Не бойся, в Китежграде разбираться не будут: есть заявка — удовлетворяют.

Окрыленный, Володя помчался к себе.

Вскоре после обеда позвонил Ойра-Ойра и предложил заглянуть. «По срочному делу».

Со второй попытки я сотворил дубля, способного дежурить в машинном зале. Идти не хотелось; Роман наверняка уже знал о наших махинациях с заявкой, и меня ждал очередной разнос. Дружеский, но оттого не менее обидный.

Все оказалось не так. Роман с ходу ошарашил меня вопросом — не хочу ли я принять участие в новой экспедиции по подвалам НИИЧаВо? Нет, не библиотечные завалы, на сей раз — исследование Колеса Фортуны.

— Самый обычный исследовательский рейд, — вещал Роман, рассказывая по лаборатории. И заметь, никто до сих пор не додумался. Кстати, идею мне подсказал именно ты. Помнишь, у тебя в подвале дубль потерялся? Так и не нашли ведь. Кроме Колеса, деваться ему было просто некуда.

Напоминать, что дубля, в общем-то, никто и не искал, я не решился. Роман меня все равно не слушал.

— Заберемся как можно глубже. Осмотрим местность, сделаем прикидку радиуса, топографическую съемку... ну да, это для отчета. Главное, там же совершенно неизученная область. Сапоги-скороходы для всей группы уже наготове.

— Вся группа — это кто?

— Кроме нас, еще Витька, Корнеев. И Стелла, за лаборантку. Ну, так ты согласен?

Знает, хитрец, чем зацепить. Да и правда, засиделся я в четырех стенах. Сморщив для вида гримасу, я кивнул.

— Тогда готовься. Выход завтра, а сегодня в шесть — Ученый Совет.

* * *

— Мы для начала планируем простой исследовательский рейд. Колесо является однородным образованием; изучив один сектор, мы получим представление о строении Колеса в целом. Отдельно подчеркиваю, что попыток изучения Колеса не делал никто. Соответственно, полученные нами данные могут быть уникальными. Даже не могут быть, а непременно будут, — Роман излагал свои соображения уже с четверть часа и начал повторяться.

Особого интереса доклад не вызвал: большинство Совета откровенно скучало. Внимательно слушали разве что сотрудники отдела Линейного счастья, да еще Редькин. Киврин и Хунта с каменными лицами делали вид, что их вообще нет в зале. Мерлин мечтательно уставился в потолок. В углу один из Янусов что-то вполголоса объяснял другому. Я вдруг поймал себя на том, что не могу их различить. Пришлось приглядеться: объяснявший был в галстуке — значит, это А-Янус; У-Янус галстуки не жаловал.

— Не могу понять, — задал с места вопрос Магнус Редькин. — Исследовательский рейд — это, конечно, очень хорошо, но вот скажите: что вы рассчитываете там найти? Колесо и есть колесо. Плоская однородная поверхность. Ну да, никто туда не ходил. Но ведь осматривали! Осматривали обод, осматривали поверхность. Один коллега, не будем называть его по имени, даже пробовал расколоть Колесо!

Корнеев сделал вид, что не слышит. Магнус, переглянувшись с Луи Седловым, ведущим протокол, продолжил:

— Так вот, я не понимаю, зачем тратить время и ресурсы на заведомо никчемное мероприятие! Товарищ Ойра-Ойра, ответьте на этот простой вопрос. Зачем вам это надо?

Перед заседанием Совета Роман долго меня инструктировал. «Запомни, Саша, твоя задача на Совете — тихо сидеть и ни в коем случае не вступать в обсуждение. Ни в коем. Если понадобится рявкнуть во все горло, для этого всегда найдется лучшая, чем ты, кандидатура».

Я покосился на «кандидатуру». Нет, Витька продолжал притворяться собственным дублем. Ответил Роман:

— Зачем, спрашиваете? Именно затем. Все знают, что там ничего нет. Значит, должен найтись кто-то, кто этого не знает. Он обычно и делает открытие. Вот мы и рассчитываем получить результат.

— Рас-считываете? — раздался новый голос. Роман повернул голову:

— Федор Симеонович?!

— Здесь б-было бы вернее другое слово. Я бы сказ-зал, что получить результат Вы рискуете. Мы все забыли, что это не просто Колесо. Это Колесо Фортуны. И я, простите, всерьез оп-пасаюсь. Нарушения вероятностного поля — это Вам, батенька, не Юрьев день.

В-вы уверены, что результаты перекроют возможный нег-гативный эффект? Что лекарство, простите, не окажется хуже болезни?

— О каком Вы лекарстве, Федор Симеонович? — растерялся Роман.

— Теодор... — послышался тихий голос Кристобая Хозевича.

— Кристо, ты не согласен?

— Ты совершенно прав, Теодор, — Хунта даже не стал вставать с места. — Поэтому сегодня утром я советовался с Одиным. И знаешь, что он мне ска-зал? Что это все уже неважно.

Все затихли. После длиннейшей паузы голос подал У-Янус.

— Ну что же... В таком случае ставлю на голосование формулировку: Состав экспедиции: Ойра-Ойра (руководитель), Корнеев, Привалов, Стелла — утвердить; Предложенную руководителем программу — утвердить. Саму экспедицию отложить на сутки; товарищу Хунте — за это время подготовить план страховочных мероприятий.

Кто за? Так, хорошо. Против? Нет. Воздержавшиеся? Ага, Мерлин.

На этом заседание Ученого Совета объявляю закрытым.

Я почувствовал себя идиотом. Роман с Виктором, похоже, были ошара-шены не меньше.

— Да, и еще, — Янус, оказывается, не закончил. — Луи Александрович, голубчик, фразу насчет лекарства, будьте любезны, из протокола вычеркните.

* * *

Скучно, подумал я, переступая с ноги на ногу. Под подошвами захрумкала снежная крупа. Признаться честно, променяв стены ВЦ на эту экспедицию, я ожидал чего-то более впечатляющего.

«Погодное явление — снегопад», так записали в журнал экспедиции, началось недавно и на какое-то время развлекло нашу компанию гипотезами о его происхождении. Сильно не спорили, но все сошлись на том, что если это нас сверху обсыпает, то, стало быть, там уже и не потолок вовсе, а самое натуральное небо, просто серое и от подвального бетона не отличимое. Впрочем, ровная поверхность давно осталась позади, здесь местность выглядела чуть ли не холмистой. А вдали даже виднелось что-то, похожее на лес.

Я попытался прикинуть в уме асимптотическую плоскость, вдоль которой потолок подвала уходил в бесконечность, и где мы могли её пересечь, чтобы попасть под открытое небо. Но все упиралось в период времени, необходимый для расчетов, а все часы остановились, еще когда группа взобралась на обод, а магистры убрали стену, открывая путь вглубь Колеса.

Сколько ни запрокидывали мы головы, ничего разглядеть не получалось. Снежинки иголками кололи в лицо, опускались на веки, застревали в ресницах и никак не смаргивались. Кругом было что-то мутное в свинцовых тонах с белыми мухами. Какой по счету была эта остановка, я уже не знал, а про-верить по журналу было лень.

— А может, слишком высоко, — вяло упрямылся Корнеев.

Сидя на корточках, он собирал образцы явления в пробирку. Стелла их надписывала и складывала в рюкзак. Роман просматривал окрестности в бинокль, отыскивавшийся среди лабораторного оборудования, которым нас снабдили в дорогу.

— Это тебе не подвал с книгами. Атмосферное явление наличествует, — так же вяло отвечал Ойра-Ойра.

Я снова потоптался на месте. Вдохнул. Делать было решительно нечего. В ночь подготовки я спросил Романа, зачем ему понадобился на Колесо программист, он только отмахнулся, мол, что-нибудь придумаем, главное чтобы совет пустил экспедицию. Пока же моей обязанностью было тащить рюкзак с пробирками, амперметрами, калькуляторами (их было два!) и прочей техникой. В этом были и свои плюсы — под рюкзаком мне было определенно теплее, чем остальным.

— Вы магистры или так, погулять вышли? — не выдержал я. — Взяли б да наколдовали что-нибудь теплое. Вон, Стелла мерзнет.

— Снег тут ненадолго, — фыркнул Роман, не отрываясь от бинокля.

— Потребности надо удовлетворять, — прогнусавил я голосом Выбегалло. И тут же прикусил язык, вспомнив следующую фразу.

Корнеев, не отрываясь от образцов, сотворил пуховый платок и накинул его Стелле на плечи.

— Разумным существам свойственно страдать от холода, — раздался подозрительно знакомый голос. — Холод, по заверениям Фритьофа Нансена — единственная вещь, к которой привыкнуть нельзя. Несмотря на это, ему самому не были препятствием такие холода, по сравнению с которыми этот мокрый снежок — всего лишь комнатная температура. Возвращаясь к разумным существам, замечу, что стремление к познанию зачастую заводит их в такие дебри, из которых можно выбраться только точно зная, куда, как и каким образом им придется идти.

Я пригляделся к камню, от которого слышался голос.

— Говорун?!

Где-то за спиной сдавленно ойкнула Стелла.

Справившись с шоком, я представил Клопу своих спутников. Обратного представления не потребовалось — события в Тъмускорпиони были хорошо знакомы и Витьке, и Роману.

— Ты как здесь оказался?

— Пешком. Подобный способ передвижения не представляет здесь никаких сложностей. Весь вопрос в том, чтобы верно выбрать направление, в зависимости от того, куда ты хочешь попасть, особенно с учетом того, что визуальные наблюдения тут не всегда верно отражают суть дела. Но если

отвлечься от трансцендентальных рассуждений на тему транспортных задач, то правильнее всего будет без преувеличения сказать, что меня за вами послали.

— Кто послал?

— Ну, это смотря какой ответ вас устроит больше всего. Затевая рискованное предприятие, никогда заранее не знаешь, каким окажется результат, устроит ли он тебя, и куда ты, в конце концов, попадешь — в место, где окажутся ответы на все вопросы, в глубокую яму, на ковер к товарищу Вунюкову, на дружескую вечеринку со спиртным и девушками, на очередной экзамен, на кладбище или попросту к себе домой.

Разглагольствуя, Говорун успел перебраться на плечо к Ойре-Ойре. Повинуясь его мудрым указаниям, мы как-то очень быстро миновали зону снега. Слякоть под ногами сменилась сухой землей, затем травой. В какой-то момент Клоп выдал Роману: «Магистр, поверни-ка грань». Роман, судя по всему, его прекрасно понял. Еще через пару шагов перед нашими глазами возникла небольшая садовая беседка с парой столиков и несколькими креслами внутри.

В одном из кресел сидел и спокойно курил трубку тот, кого мы никак не ожидали здесь увидеть.

Лавр Федотович Вунюков.

Собственной персоной.

* * *

— Но я желаю знать, что все это значит! Чья-то дурацкая шутка? — Роман задумчиво вертел умклайдет между большим, указательным и средним пальцами.

— Вовсе нет, молодой человек. Вы слишком торопитесь, — Лавр Федотович сейчас вовсе не был похож на тупого и чванливого Вунюкова, некогда изгнанного из Тъмускорпиони. Ему удавались одновременно два архиважных дела — чистить хитрым приборчиком свою трубку, и исчерпывающе отвечать на вопросы Романа. Ухитряясь при этом ничего не прояснять.

— Хорошо, начнем с самого начала. Не надо больше о сотворении мира, прошу вас. Скажите просто — где мы сейчас находимся?

— Здесь, — Вунюков указал в пол черенком трубки.

— Ладно. А что это за место? Колесо Фортуны или уже что-то иное?

— И да, и нет.

— Лавр Федотович, вы над нами издеваетесь?

— Я же сказал, юноша, не торопитесь. Вам не приходит в голову, что я просто не в силах вам это объяснить? Хотя бы из-за отсутствия у меня специального образования. Представьте, как это будет выглядеть: я, человек пожилой и уже не очень здоровый, пытаюсь растолковать троим, нет, четверым научным работникам то, что сам не очень хорошо понимаю, — Вунюков завертел трубку в пальцах, явно пародируя Романа. — Но мы попробуем. Вы готовы слушать?

— Я весь внимание.

Роман нащупал лопатками спинку кресла и расслабился, кротко уставившись на Лавра Федотовича.

— Хорошо. Тогда на минутку прервемся. Как там успехи у ваших товарищей?

Я повернул голову в сторону Корнеева со Стеллой. Роману пришлось бы вывернуть шею на все сто восемьдесят; вместо этого он повел умклайдетом и развернулся вместе с креслом.

— Витя, как там?

— Никак, — буркнул Корнеев, не отрываясь от рюкзака. — Связи нет, никакой. Глухой барьер, я такие ставить не умею.

— Попробуй еще.

— А я что делаю?! Это просто черная дыра какая-то.

Корнеев оборвал фразу, и вернулся к прерванному занятию. Стелла вообще старалась на нас не смотреть.

— Это вам факт номер раз, — нотки в голосе Вунюкова стали напоминать мурлыканье сытого кота. Роман развернулся обратно; его собеседник продолжил:

— Факт номер два. Если вы сейчас отправитесь обратно по своим следам, даже с учетом поправки на вращение, вы никуда не придете. Будете проверять? Лучше поверьте на слово, это сэкономит нам уйму времени. Здесь не только нет дорог, здесь и направления, гм, неравнозначны.

— Анизотропное пространство? — решил уточнить Роман.

Происходящее нравилось мне все меньше и меньше. Не дав Вунюкову ответить, я решил прояснить более важный момент:

— Так что же это получается? Мы теперь не сможем вернуться обратно?

Вунюков хитро прищурился, теребя ус черенком трубки:

— Тем путем, которым пришли — наверняка не сможете. Другим же... Думаю, вернуться — не проблема, но вот с вами, Александр, мы вряд ли еще когда-нибудь встретимся. Так что пользуйтесь моментом, мой юный друг.

— Саша, это успеется, — Роман не хотел упускать инициативу. — Лавр Федотович, так что же эти факты означают? Здесь что, в самом деле черная дыра, или просто другой мир?

— Вот именно, что не другой. Объект, который вы привыкли именовать Колесом Фортуны, на самом деле колесом не является. И к фортуне прямого отношения не имеет. Здесь — не фортуна и не вероятности, здесь... Нет, лучше не так. Роман, вы знакомы с основными положениями буддизма?

— В общих чертах.

— Тогда вы должны знать коан о том, что весь мир покоится на ладони Будды. Нет-нет, не надо понимать фразу буквально. Нет никакого Будды (Роман хмыкнул) и уж тем более никакой ладони. Но если вы согласитесь считать Колесо такой ладонью — условно, конечно, — мы сильно приблизимся к истине.

В подтверждение своих слов Вунюков протянул к Роману руку ладонью вверх. На ладони лиловел круглый пролежень. Трудовая мозоль от печати? Не иначе.

— Вас не насторожили оценки диаметра Колеса Фортуны, сравнимые с размером Метагалактики? Раз уж эта «ладонь» должна вместить в себя весь мир. То-то и оно.

Колесо — и есть наш мир. В иной, специфической проекции. Здесь иное пространство, иное время. Но это он, он самый.

У меня уже пошла кругом голова. Но Роман так легко сдаваться не хотел:

— Лавр Федотович, это всего лишь слова. Теория, пока не подтвержденная фактами.

Вунюков пожал плечами, снял трубку телефонного аппарата, и бросил в нее два слова: «Игорь, зайди».

— Если не ошибаюсь, на каком-то этапе вашей, простите, экспедиции вы брали пробы грунта. И сей отрок (тычок трубкой в сторону Корнеева) экспериментальным путем проверял температуру плавления. Так?

Роман кивнул.

— В «большом мире», назовем его так, через семь лет после вашей экспедиции отдельные личности тоже ставили эксперимент. Который закончился расплавлением тепловых элементов реактора, радиоактивным заражением местности и многочисленными жертвами.

Молодой человек в сером костюме, вероятно, тот самый Игорь, вкатил в беседку журнальный столик на колесах. На столике громоздились газетные подшивки.

— Вот, можете убедиться сами. Ищите апрель-май восемьдесят шестого.

Роман бросился листать подшивку. Я тоже ухватил себе часть; оказывается, там были и девяностые годы.

— Вам, Александр, советую заглянуть еще на семь лет позже. Вашему товарищу (его, кажется, зовут Виктор?) в пределах Колеса не стоило увлекаться созданием дублей. Даже в учебных целях.

И тем более — их уничтожением.

* * *

Ойра-Ойра отбросил в сторону подшивки.

— Лавр Федотович! Я прошу, нет, я требую! Объясните, какие у вас, да-да, у вас основания связывать все здесь описанное именно с нашими действиями?

Почему вы так уверены, что виной всему — мы?

— Роман, хотите правду? Теперь уже всю?

Напускная веселость Лавра Федотовича исчезла. Перед нами сидел старый и очень усталый человек.

— Что ж, вот вам правда. Я понятия не имею, где здесь причина, а где следствие. То ли катаклизмы случались из-за ваших действий здесь, то ли наоборот, вы поступали именно так, потому что вас вели внешние события. Но и то, и другое, скорее всего, как-то связано.

А самое главное — и вот это достоверно абсолютно, — я тут ни при чем. Это не я, это все вы. Сами.

Вунюков махнул трубкой куда-то в пространство.

— Не надо во всем обвинять меня и таких, как я. Это, поверьте, дурной тон. Тем более теперь, когда ни я, ни мне подобные ничем не можем быть вам опасны.

Впрочем, и полезны тоже. Скажите, когда вас отправляли в эту экспедицию, вам ведь выдали сопроводительный документ? Хотя бы маршрутный лист?

— Это подойдет? — Роман вынул из экспедиционного журнала копию протокола вчерашнего заседания.

— Отлично, — обрадовался Вунюков, принимая лист из рук Романа. — Перед тем, как мы расстанемся, хочу подчеркнуть одно. Запомните и передайте старшим товарищам: любые, повторяю, любые эксперименты с Колесом Фортуны чрезвычайно рискованны, а в некоторых случаях — чреваты необратимыми последствиями. Даже отбор механической энергии с края колеса.

Не прерывая монолог, Вунюков извлек из внутреннего кармана черный перьевой «Шеффер» и принялся черкать наискось по протоколу кривым размашистым почерком: «Экспедицию считать несостоявшейся».

— Вот так вот, — Лавр Федотович полюбовался на дело своих рук, аккуратно дунул на надпись и положил бумагу перед собой на столик.

— Непременно запомните!

Ладонь Вунюкова плавно пошла вниз. Перед тем, как она коснулась бумаги, я еще успел подумать: а где же, на самом деле, сейчас Большая Круглая Печать?

ИРИНА КОМИССАРОВА

ДОРОГА В НЕБЫВАН

ГИЛВИ ГОВОРИТ, ЧТО ВОТ-ВОТ ОПЯТЬ НАСТУПИТ ЗИМА. Зима — это когда холодно, и темноты гораздо больше, чем обычно. Холод нам не страшен, напоминая я, мы его не чувствуем, а вот темнота... это да...

Темноту мы не любим. Она здесь особая, страшная, душная. Густая, как смола. Она такой стала после того, как уехали наши, и день ото дня становится все плотнее и все прочнее.

— Маша, — просит Лялька тоненьким голосом, — давай сегодня зажжем свечку и не станем спать. Всю ночь, как в тот раз. Будем рассказывать истории, играть в «да и нет не говорите», и всякое такое. Ну, пожалуйста.

— Ляль, — отвечаю я. — Тот раз был в виде исключения, мы же договорились. Ты же знаешь, нам нельзя. Вдруг кто-нибудь увидит свет с улицы...

— Но ставни же закрыты, — возражает она тихонько.

— Все равно. — Опускает голову. — Вернутся наши, обнаружат, что свечей не хватает, заподозрят что-нибудь...

— Ага, вернутся, — хмыкает Огилви. Я делаю ему страшные глаза поверх опущенной Лялькиной головы. Нечего пугать ребенка.

Огилви виновато перебирает лапами.

— А вы включите лампу, — пытается он исправить положение, но выходит еще хуже.

— Света нет, — отвечаю я коротко. — Уже давно.

— Вон оно что, — тянет Огилви. — Ну, это не только у вас. Это во всем поселке. То-то я смотрю, ни огонька по ночам во всей округе. Будто вымерли все. Никогда такого раньше не бывало. Так что, может, в сам-деле, вымерли... Да и скатертью дорога.

Я прищуриваю глаз, кривлю губы и смотрю на Огилви, как на насекомое. Поскольку он и есть насекомое, мое презрение его не понимает.

— Пошел я, — говорит он деловито. — На зиму надо откормиться успеть. Мой вам совет: впадайте в спячку, как я. Весной встанете, как заново родитесь.

Не успеваю я моргнуть, его уже и след простыл.

— Маша, — говорит Лялька. — А давай, правда, в спячку. Проснемся — бац! — наши вернулись. И все опять, как раньше.

— А давай, — говорю я сердито, — уже немножечко придем в себя и перестанем жить паучьим умом. Тебе Огилви в следующий раз скажет, что нет ничего лучше, чем мух лопать, и ты сразу примешься паутину плести, так, что ли?

Лялька закусывает губу и хлопает ресницами. Я вздыхаю.

— Вот и рассказывай тебе истории, если они у тебя в одно ухо влетают, а в другое вылетают. Ну-ка, вспоминай про куклу, которая слишком любила спать. Что с ней произошло, а?

— Она стала неживой, — шепчет Лялька. — И никогда не ожила обратно.

— Правильно, — киваю я. — Так что ты мне это брось, пожалуйста.

— Маша, — взгляд у Ляльки становятся задумчивым и очень-очень грустным, — а что, если наши...

— Ой, — перебиваю я. — Я совсем забыла. У тебя же скоро день рождения! Лялька распахивает глазищи:

— Правда?

Неправда. Я понятия не имею, когда он у нее на самом деле. Я просто так испугалась вопроса, который она вот-вот собиралась задать, что выпалила первое, что пришло на ум.

— День рождения, — говорю я твердо. — Вот как раз и устроим праздник. И свечку зажжем, и спать всю ночь не будем, и вообще станем делать все, что взбредет в голову. Ну, как?

Она улыбается.

— Здорово.

Лялька красивая, как ангел. Или там, фея. Ума не приложу, как ее могли оставить. Я-то старая уродина, со мной все ясно, у меня в правой ноге сустав почти не поворачивается, и глаз один не закрывается, ну и в целом тоже... воображения не поражаю. Рядом с Лялькой я выгляжу бегемотом и страшилищем. Бегемот и фея. Такая вот парочка.

...Я все равно не верю, что наши уехали насовсем. Несмотря ни на что. Надо ждать себе спокойненько, говорю я, и не выдумывать ерунды. Приедут. Это их дом, их шкаф, их, вон, книжки. Их, в конце концов, куклы.

— Приедут, приедут, — бурчит Огилви. — Только лет через пятьдесят. И не ваши, а вовсе даже чужие. Очень им будут нужны старые книжки-игрушки.

«Чужие», повторяю я про себя и вздрагиваю.

— А то и никого больше здесь не появится, — подливает он масла в огонь. — Куда-то все разом сгинули. Заметила, какая по ночам тишина?

Тишина и в самом деле мертвая. Сидишь, смотришь в смоляную черноту прямо перед собой и вслушиваешься. Замираешь, цепенеешь — вслушиваешься. Как будто погружаешься в болото: жутко, гадко, а вырваться не можешь. И тут потихоньку начинают раздаваться звуки. Шуршание и топоток, топоток и шуршание, все увереннее, все ближе...

— Маша, — Лялькины пальчики вцепляются в мою руку.

— Не бойся, глупенькая. Они там, мы здесь. Стекло мы задвинули, щель заткнули. Еды у нас никакой тут нет, свечки тремя полками ниже. И до свечек-то не доберутся, а уж до нас — тем более.

Во мне пропадает великая актриса — голос не то что не дрожит, а наоборот, звучит в высшей степени бодро и бесстрашно. Мол, подумаешь, крысы, дело житейское. А ведь я боюсь их до обморока. И Лялька до обморока. Наверное, у кукол это врожденное.

Моя фальшивая бодрость срабатывает. Пальцы ослабляют хватку.

— Вот вернутся наши, — грозно объявляет Лялька, — и *эти* сразу уберутся. Правда?

Правда. Когда тут были наши, *этих* не было и следа. Это теперь: шуршание и топоток, топоток и шуршание. Громче и ближе ночь от ночи. А наших все нет и нет.

— Конечно, — говорю я. — Именно так и будет.

День рождения проходит вполне весело. Я дарю Ляльке ажурный воротничок, вырезанный из бумаги. (Да-да-да, нам нельзя, не я ли все уши прожужжала. Но в виде исключения — одного-то листочка точно не хватятся — он чистый, я проверила — короче, в виде исключения). Она приходит в такое восхищение, будто ей преподнесли не бумагу, а кружево, и немедленно надевает воротничок на шею. Я ощущаю себя мастерицей и талантищем, испытываю прилив вдохновения и начинаю придумывать всякие затеи, тормозить Ляльку, подшучивать над Огилви, который так растолстел, что стал похож на шарик с ножками. Он добродушно усмехается и качает головой.

— Кстати, девицы, — говорит он вдруг. — Я узнал, что вам надо делать.

— В смысле? — удивляюсь я.

— В том самом, — он многозначительно вращает глазами. Их у него восемь, так что многозначительность получается внушительной. Я морщусь. Опять он за свое. Такое было хорошее настроение...

— Вам надо в Небыван, — выдает он. — Страну потерянных вещей.

О Небыване я уже слышала раньше. Давно, когда наши еще были здесь, мне рассказывал о нем Утенок-за-бочкой. Он как раз потерялся. Лежал за огромной бочкой, наполненной дождевой водой, и очень тосковал. «Долго я тут не протяну, — сказал он. — Если не найдут до конца лета, буду пробираться в Небыван».

— Что за Страна? — интересуется Лялька.

— Подходящая страна, — принимается объяснять Огилви. — Туда переселяются такие, как вы... те, что остались без... все, у кого...

Ни за что не выкрутятся.

— ...возникли сложности, — завершает-таки он фразу.

— Что я, дуручка? — укоризненно говорит Лялька. — Раз «потерянных вещей», значит, переселяются потерянные вещи.

— Ну, в общем, да, — подтверждает Огилви. — Тем или иным образом.

— Мы не потерянные.

Огилви бросает на меня взгляд. Я молчу. На меня вдруг наваливается безразличие. В комнате все больше темнеет. Ну, скажи. Назови вещи своими именами. Потерянные, забытые, брошенные... От любого из этих слов темнота стукнется на толику больше, только и всего.

— Верно, — осторожно говорит паук. — Но у вас сложности. А в Небыване они исчезнут. Там светло и безопасно. Никого не нужно ждать. Каждый сам себе указ.

— Правда? — поворачивается ко мне Лялька.

Правда. Вот делайте со мной, что хотите — правда. «До конца лета», — сказал тогда Утенок. Когда я снова смогла оказаться снаружи, было начало осени. За бочкой Утенка не было. И я поняла: ушел. И почему-то накрепко поверила: есть Страна. Есть.

— Нет, — отзываюсь я. — Выдумки это.

Закидываю руки за голову и начинаю напевать, будто мне ни до чего нет дела.

— Ну-ну, — в голосе Огилви ясно слышится осуждение. — Ладно, девицы, хорошо тут с вами, но пора мне. Теперь уже до весны прощаюсь. Счастливо вам перезимовать.

— И тебе, — отвечаем мы.

Он уходит. Я зажигаю свечку и улыбаюсь имениннице:

— Как обещала.

— Знаешь, Маша, — говорит она, — не надо, я передумала. Погаси. Давай лучше ляжем спать.

— Лялочка, вставай. Ля-а-ля!

Она куксится:

— Еще чуть-чуть.

— Хватит.

Лялька нехотя садится. Прислушивается.

— Шуршат, — говорит она, передергиваясь.

Шуршат. Они все смелее и смелее. Разгуливают по комнатам совершенно по-хозяйски. Теперь уже и днем. Мы почти не отодвигаем стекло: боимся. Сидим на полке, притворяемся, что все в порядке, они там — мы здесь, и всякое такое. Вяло перебрасываемся словами. Зимует. Ровным счетом ничего не делаем, но Лялька все чаще жалуется на усталость. Это меня тревожит. Стараюсь ее занять, развлекаю всякими историями, придумываю новые игры. Стоит мне иссякнуть, Лялька тут же начинает клевать носом. Мне хочется плакать от отчаяния. Заболевает моя фея. Если так дальше пойдет дело, она начнет видеть сны. Рано или поздно ей приснится дверь, которую она непременно во сне откроет. И когда она войдет в эту дверь, все. «И никогда не ожила обратно...» А наши не приедут. Не приедут. Прав паук, а я дура.

И я принимаю решение.

Облизываю губы и откашливаюсь.

— Есть разговор.

Ляля обхватывает коленки руками и утыкает в них подбородок. Обозначает готовность.

— Помнишь, Огилви рассказывал про Небыван? — спрашиваю я.

Она вопросительно поднимает брови.

— Страну, где светло.

Вспоминает. Кивает:

— Которая выдумка.

— Я соврала, — заявляю я почти злобно. — Никакая это не выдумка. Небыван есть. И вторая новость: мы туда отправляемся.

К моему изумлению, Лялька не удивляется. И не сердится на меня за обман. И не возражает: мол, а как же наши. Она просто радуется. Расплывается в такой счастливой улыбке, что мне становится не по себе.

— Подожди, — говорю я испуганно. — Это еще не все. Попасть туда можно только одним способом. Через собственный страх.

Брови снова становятся вопросительными.

— Как тебе объяснить?.. Дорога в Небыван проходит через место, где живет твой самый большой страх. Где находится то, чего боишься больше всего на свете. Понимаешь?

Улыбка медленно сползает с лица. Понимает. Обнимает коленки еще крепче. Грызет губу.

— Ну и пусть, — говорит тихонько. — Они скоро сюда и сами доберутся.

Внутри у меня пусто-пусто. Три дня я пыталась придумать план. План придумался жалкий. Но я должна верить, что он сработает, иначе просто не найду в себе сил отодвинуть стекло и начать карабкаться вниз.

— Ну, — говорю я, ухмыляясь самым разудалым образом, — поехали. С орехами.

Бегемот я все-таки, а не великая актриса. Увидев мою кривую ухмылку, Лялька прерывисто вздыхает и неуверенно произносит:

— Все будет хорошо, Маша. Правда?

Ой, Ляль, конечно, неправда. Все истории на свете говорят о крысах только одно. Но думать об этом я запрещаю даже себе.

— Даже не сомневайся. Ты рассуди, зачем мы им сдались?

А Впрочем, лучше не рассуждай, не надо.

Проскочить незаметно — это лучший сценарий. Не такой уж невероятный, хм? Все-таки днем их меньше, все-таки у них и впрямь есть дела, все-таки нам просто может повезти. Но если не выйдет, не беда. Со всеми можно договориться, надо только найти нужный подход. Я постараюсь. Для налаживания контакта мы прихватили с собой приветственные дары: я волочу за собой связку из трех новехоньких свечей, еще одну свечку тянет Лялька.

Лаз мы находим быстро. Он в дальнем углу, за диваном, как я и предполагала. Не давая себе времени на раздумья, лезу. Первой. Внутри темно и тесно. И, мамочки мои, до чего же жутко. Я и не ожидала, что меня так скрутит. Если бы не Лялька, клянусь, я бы легла на землю и пронзительно завывала. Да если бы не Лялька, я бы не стала и пытаться искать дорогу через собственный страх. Я бы в нем сразу захлебнулась.

Проход расширяется и расширяется; скоро я уже могу выпрямиться в полный рост. Оборачиваюсь назад и шепчу в крошечный мрак:

— Ты как?

— Нормально, — еле слышно доносится в ответ.

— Бери меня за руку, а то потеряемся.

Интересно, кто из нас сильнее дрожит.

Шуршание и топоток. Сначала в отдалении, так что можно понадеяться, что это всего-навсего собственное трусливое воображение. Потом громче, безошибочней. Впереди. За спиной. Сбоку. Мы шагаем, шагаем, не чувствуя под собой ног, а шорохи сжимают нас в кольцо.

Страх прошмыгивает так близко, что от движения воздуха мои волосы шевелятся. В голове что-то щелкает, и я наконец осознаю, что кольцо вот-вот сомкнется. Резко останавливаюсь. Снимаю со спины коробок, переоборудованный в ранец. Чиркаю спичкой. «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...»

Умница Лялька не вскрикивает и не разражается слезами. Она только издает коротенький слабый писк и тут же снова умолкает. Наш страх смотрит на нас горящими красными глазами. Он многолик и огромен. Очень умен и очень хитер.

Все заготовленные слова растеряны по пути. Пытаюсь найти другие.

— Пожалуйста, — говорю я хрипло. — Пожалуйста.

Страх обнажает острые зубы. То ли скалитесь, то ли смеется. К его ногам медленно катится одинокая свечка. Приветственный дар от Ляльки.

— Ищешь проход в Потерянную Страну? — спрашивает меня Страх. — Он за моей спиной.

Я поднимаю спичку. Проход всего в нескольких шагах. Дайте нам их сделать. Нам очень надо.

— А зачем?

— О нас забыли, — говорю я без всяких обиняков. — Нас бросили, мы не нужны. А ненужные игрушки рано или поздно видят мертвый сон.

«И никогда не оживают обратно».

Я пододвигаю свою свечную вязанку навстречу красному взгляду. Он шурит.

— Хорошо, — говорит равнодушно наш страх. — Иди, если хочешь, ненужная кукла. Хочешь — вперед, а хочешь — обратно.

Конечно, вперед. С какой стати нам отправляться обратно?

— Ты вещь, потерявшая хозяина. Ты и есть та игрушка, что спит в темном углу пустого дома и давно уже не может проснуться. Все, что происходит с тобой — это сон, твой мертвый сон; он закончится, когда ты пройдешь через дверь за моей спиной. Никакой Потерянной Страны не существует.

Очередная спичка догорает, и я не спешу зажечь следующую. Лялька виснет на мне так тяжело, будто собирается вывернуть мою руку из шарнира.

— Маша, он ведь специально, да? Он ведь врет, правда? Ведь правда же???

Не знаю. Я не знаю, Ляль. Я знаю только две вещи. Во-первых: Небыван есть. И еще: опасно верить своему страху.

Но в любом случае назад я не пойду. Назад — это темнота и зима, ожидание и шорохи. И ангел, который день от дня становится все более неживым.

— Давай вернемся, — слезы падают на мою руку маленькими горячими каплями. — Если ты спишь, я тебя разбужу. И все будет хорошо.

Если я сплю, ангел, значит, ты мне только снишься и разбудить меня некому. Если я сплю и не могу проснуться, значит, мне не к кому возвращаться. И, в конце концов, кто знает, что там, за этой дверью, которая снится потерянным вещам и брошенным куклам? Не волшебная ли страна Небыван, путь в которую всегда проходит через самый большой страх?

Так и так выходит, дорогая Ляля, что идти нам надо вперед. Вытри нос и перестань плакать.

Громко чиркает спичка, в моих пальцах вспыхивает яркий тревожный огонек.

Хватай меня за пояс, Лялька, мне понадобятся обе руки.

Я поднимаю с полу свечку и подношу огонек к ней. И держа ее наперевес, как копьё, я делаю шаг вперед — стараясь не припадать на «плохую» ногу. И не думать. И не бояться.

Больше не бояться.

Ни красных глаз, ни темноты, ни того, что может ждать впереди.

Я толкаю дверь, и она с готовностью распахивается. Мы проходим в нее уверенно и бесстрашно, счастливо жмурясь и прикрывая рукой глаза от ослепительного небыванского света.

АНДРЕЙ НОВОСЁЛОВ

ДОСТАТОЧНО РАЗУМНЫЕ

— 4

ТО ВЫ ЗНАЕТЕ О РРХАМР-ОУШАМ? — спросил Мэтью Джаред, руководитель отдела кадров Комиссии по контактам. Он поставил галочку в списке и отложил ручку, подняв глаза на соискателя.

— Общеизвестные сведения, — осторожно ответил Саймон. — Единственная известная человечеству внеземная разумная раса — строго говоря, две расы. Они значительно опережают нас в развитии. У них есть дипломатическая база на Земле, в горах Памира. Они едят людей. Выборочно.

— В чём заключается выборочность? — спросил Джаред.

— Неизвестно, — сказал Саймон. — Семнадцать процентов вступивших в контакт людей выжили, им мы обязаны небывалым прогрессом нашей цивилизации за последние восемь лет. В целом, ррхамр-оушам настроены доброжелательно к людям. По крайней мере, с каждым из посланников они разговаривают уважительно и на равных, пока не решают его съесть.

— И, несмотря на это, вы хотите стать посланником?

— Я верю в свои семнадцать процентов, — улыбнулся Саймон.

— Вы полагаетесь на слепую удачу? — уточнил Джаред.

— Не совсем, — признался Саймон. — Я подверг анализу отчёты о судьбе моих предшественников. Думаю, что между их личными качествами и результатами есть корреляция. Если я прав, то мои личные шансы куда выше средних.

Джаред помолчал, перелистывая бумаги.

— Предварительно могу сказать, что вы нам подходите, — наконец отозвался он. — Но прежде чем предложить вам контракт, я хочу ознакомить вас с некоторыми деталями. Независимо от исхода нашего собеседования вы обязаны сохранить эти сведения в тайне. Вы согласны?.. Отлично. Распишитесь здесь... и здесь.

Джаред закрыл папку, сложил руки на животе и полуприкрыл глаза.

— Начнём с того, что ваш анализ правилен. Ррхамр-оушам едят нас избирательно, по статистически достоверным закономерностям. Чтобы понять их логику, следует обратиться к их истории.

Как вам известно, их предки эволюционировали на одной планете. Подобно нашим неандертальцам и кроманьонцам, они достигли разумности примерно в одно и то же время, но довольно долго развивались независимо, прежде чем столкнулись в конфликте за жизненные ресурсы. В нашем случае исход известен: кроманьонцы оказались удачливее, они частично истребили неандертальцев, а оставшихся ассимилировали.

Их случай был сложнее. Хищники ррхамр превосходили всеядных оу-

шам силой и свирепостью, но те брали хитростью и лучшей организацией. Возможности сторон были практически равны. Проведя многие тысячелетия в стычках, в итоге они пришли к необычному компромиссу. Вы внимательно следите за моими словами?

Саймон молча кивнул.

— Хорошо. Теперь слушайте, это ключевой момент. Всю свою историю мы были единственным разумным видом на планете. Запрет на каннибализм — когда он возник в ходе развития — оказался связан с определением разумности. Попросту говоря, большинство людей психологически не способны съесть того, с кем вели разумную беседу. Убить — да, вероятно, но не съесть. Даже если собеседник вовсе не похож на человека.

У ррхамр и оушам вышло иначе. Они слишком долго ели друг друга до примирения, да и после того не отказались от мясной диеты. Однако им пришлось уживаться — уже тысячи лет они заселяют общие города и сотрудничают во всех сферах жизни. Поэтому их принципы отличаются от наших. Ррхамр-оушам не могут есть тех, кого считают *достаточно разумными* по сравнению с собой. А *недостаточно разумных* — едят с удовольствием.

— Да, но... — начал Саймон и осёкся.

— Да, именно «но», — согласился Джаред. — Всё дело в том, как определять достаточность. В этом вопросе они не делают исключений. За время нашего контакта их представители неоднократно сменялись. В семи достоверных и двадцати двух вероятных случаях выбывших съели за *недостаточную разумность*.

Однако принципов оценки они не раскрывают. Мы можем опираться только на статистику. Они ценят способность к быстрому обучению и нешаблонное мышление. Они охотно прощают нам нехватку знаний — но отнюдь не отсутствие любопытства или склонность повторять одну и ту же ошибку дважды. Скептицизм и неприятие авторитетов характерны для двух третей выживших. И так далее. Уловили суть?

— Уловил, — согласился Саймон.

— Вам придётся импровизировать. В начале контакта некоторые политики пытались вести переговоры сами. Это было глупо, как мы теперь понимаем. Ррхамр-оушам подтвердили, что глупо. Затем посланников пытались ограничивать строгими инструкциями. Это, увы, тоже было глупо. Поэтому вы сами станете выбирать темы и направления беседы. В конечном итоге, это ваш личный риск стать обедом. Вам понятно? Вы согласны?

— Да, — сказал Саймон. — Да.

* * *

Саймон уже четвертую неделю пребывал на дипломатической базе пришельцев, и он нервничал. Для начала его ввели в штат миссии как ученика-стажёра. Этот статус ррхамр-оушам признавали. Саймон находился на переговорах как наблюдатель, не вступая в беседу и оставаясь в безопасности. Однако вечно это длиться не могло. Сегодня его очередь.

Он вспомнил вчерашний переход в активный состав и содрогнулся. Язык тела пришельцев был непонятен землянам — за исключением одного выражения. Когда ррхамр или оушам распахивал зубастую пасть в хищной ухмылке, всё становилось смертельно ясно даже без неперменной фразы: «*Это недостаточно разумно!*»

Группа Саймона вела переговоры об антигравитационной технологии. Пришельцы были согласны поделиться с землянами, однако требовали обосновать запрос и предоставить планы внедрения. С этим у людей не ладилось. За три недели группа потеряла пятерых. То, что цивилизованные пришельцы не пожирали посланников на месте, а лишь хватали их и уносили в разделочную, утешало слабо. Не радовала Саймона и редкая удача: он лично наблюдал, как в отвлечённом споре, едва ли доступном пониманию людей, оушам высказал своему напарнику-ррхамр ритуальную фразу и утащил того на кухню.

Саймон отчаянно не хотел становиться шестой жертвой.

Поэтому следовало думать.

Он и думал — весь вчерашний вечер, почти всю ночь и всё сегодняшнее утро. Думал и теперь, ведя в переговорной свою первую беседу за настольной игрой.

Прежде Саймон полагал, что человечество изобрело невероятное множество игр. До пришельцев, однако, людям было далеко. Настольная игра сопровождала любые переговоры, и за все восемь лет игры не повторялись. Можно было подумать, будто пришельцы изобретают правила на лету, однако изучение любой партии открывало многовековую историю, древние учебники и имена мастеров. Игры позволяли ррхамр-оушам выяснять интеллект собеседника, оставаясь в безопасности: проигрыш всегда можно было объяснить простой неудачей и так избежать съедения.

Люди даже не слишком уступали пришельцам. В среднем они выигрывали каждую третью партию. Саймону пока везло. Он потёр виски и продвинул свои разноцветные фишки по объёмной доске, одновременно разгадывая подтексты в речи собеседницы и отвечая своими собственными намёками.

— Как видите, мы заходим в тупик — во всех смыслах, — закончил он вступление. — Я собираюсь менять стратегию.

Оушам довольно заурчала, когда он заблокировал последнюю из её линий обороны. Этот новый человек пока вёл себя *достаточно разумно*.

* * *

— И это всё, что вы принесли? — Смит-Роджер, начальник отдела, колебался между удивлением и раздражением. — Я, конечно, готов сделать скидку на вашу первую миссию. Конечно, то, что вы выжили и даже кое-что получили от пришельцев — это плюс. Но напомню, что мы посылали вас за антигравитацией! Или хотя бы чем-нибудь равноценным. А это... — он пересыпал между пальцами кристаллы памяти.

— Это, уважаемый шеф, куда ценнее, — Саймон откинулся в кресле. Его не собирались тут съесть, поэтому он наслаждался безопасностью. — Позвольте изложить вам обстоятельства...

* * *

Все два дня до следующей беседы Саймон провёл в библиотеке ррхамр-оушам. Пришельцы ценили и поощряли любознательность.

Он изучал историю и обычаи двух рас. Судя по заметкам, эту секцию до него посещали многие из выживших посланников, и это обнадеживало.

Правило «неразумных съедают» лежало в основе культуры пришельцев. Они настолько привыкли при всякой возможности проявлять сообразительность, что создавали эти возможности на каждом шагу. Там, где люди стремились упростить и автоматизировать, пришельцы создавали дополнительные головоломки. Там, где люди унифицировали, ррхамр-оушам поощряли разнообразие. Они давали дуракам вдоволь шансов запутаться и убиться.

Саймон даже был готов с ними согласиться. Специально отобранные посланники — интеллектуальная элита человечества — думали настолько быстрее и глубже обычных людей, что те казались им смертельно скучными. Пожалуй, ещё не настолько, чтобы их есть... но общаться с абсолютным большинством сородичей, читать их книги и смотреть их фильмы было невозможно. И ведь они не были умственно отсталыми от рождения! Такими их воспитали.

С каждой страницей он всё ближе подходил к решению.

* * *

— Таким образом, шеф, — Саймон подтолкнул к собеседнику кристалл с подробным отчётом, — по моей рекомендации пришельцы планируют расширить своё присутствие на Земле до свободного перемещения по планете. Я сумел уговорить их отложить эту акцию на восемнадцать земных лет, чтобы дать нам время подготовиться. Они с пониманием отнеслись к нашим затруднениям и даже предложили помощь в реформах. Поэтому школьные учебники и методики, которые я доставил — наиболее ценное приобретение на текущий момент.

Он замолчал и полюбовался покрасневшим лицом Смита-Роджера. Тот отлично понимал, какую неподъёмную задачу перевоспитания человечества предстоит решить — и что пути к отступлению нет. Люди в их нынешнем состоянии доведут ррхамр-оушам до смерти от обжорства.

— Это... — шеф, наконец, совладал с дыханием, — это даже нельзя назвать дипломатическим провалом! Это... предательство человечества! Вас князя с особой жестокостью!

— Вряд ли. Как отражено в отчёте, уважаемый ррхамр встретил моё предложение комментарием: «Наконец-то вы догадались, что действительно нужно вашей цивилизации! Я начинаю верить, что вы можете быть *достаточно разумны...*» А я теперь возглавляю группу подготовки к масштабному

посещению Земли пришельцами. Так что трогать меня, — Саймон постарался правильно обнажить зубы в ухмылке, — было бы *крайне глупо*!

* * *

Возвращаясь на дипломатическую базу с пакетом документов и соглашений, Саймон глядел в окно флаера и размышлял.

Одну важную подробность он от начальства утаил. Если он правильно истолковал умолчания, цивилизованные ррхамр и оушам уже более тысячи лет не едят *недостаточно разумных*. После символического укуса жертвам предоставляют... что? Этого он пока не знал. Ему было очень, очень любопытно.

Теперь ему хватит времени, чтобы выяснить.

КУЛІКОВ ОЛЕГ

МОДЕРАТОР

БОМА РАНКУ. НОВИЙ РОБОЧИЙ ДЕНЬ НАСТАВ..

Застелити ліжко — 51 секунда. Вмитись і почистити зуби — 2 хвилини 25 секунд. Поснідати — ще 7 хвилин і 44 секунди. Все йде точно за розпорядком.

Система завантажилась. Пальці вже лежали на клавіатурі. Можна починати.

Понад шість мільярдів аккаунтів. І всіх їх слід уважно перевірити й почистити. О Господи, щодня одне й те ж! Але все ж... Хтось же повинен виконувати цю роботу.

Ну, з кого почнемо?

Люсьєн Бланшо, марсельський аптекар. Ех, побільше б таких, як оцей чоловік! Сорок вісім років — і жодного виправлення! Напевне, тут і переглядати особливо нічого... Йдемо далі...

Наступним у списку виявився Петер Бучкан, чеський пенсіонер.

Петер Бучкан вибирав у супермаркеті консервовану кукурудзу. Довго крутив у руках одну бляшанку і врешті вирішив придбати.

— Ех, раніше все було інакше, — зітхнув чоловік. — Кукурудзу завжди продавали сирою. І огірки, і картоплю. А тепер...

Петер Бучкан підійшов до каси. Перед ним стояв чоловік з цілим стосиком банок консервованого горошку. Петер скося зиркнув на покупця. «Ех, молодь», — майнуло у голові.

Любитель горошку вже мав розплачуватись, але замість гаманця витягнув з кишені пістолет і направив на касирку. Жінка заперечно хитнула головою.

— Віддавай, бо інакше... — чоловік приставив дуло до голови Петера і вистрілив.

Цей момент треба виправити. На те він і модератор.

Натиснув на кнопку «Правка».

— Віддавай, бо інакше... — чоловік прострелив голову касирки. Потім вистрілив у касовий апарат, забрав звідти гроші і втік.

Петер Бучкан незворушно стояв біля каси.

— Дівчино, годі спати на роботі, продайте мені врешті цю кукурудзу.

Модераторство — не така вже й марудна справа. Щодня нові записи, нові події, нові користувачі врешті-решт.

Він протер очі і встав з-за стола. Не можна так довго сидіти перед монітором.

Модератор сховався на кухню заварити собі кави. Кава і небо за вікном — ось єдині його втіхи, єдині яскраві фарби у його житті, чорна і блакитна. Все решта — сіро-білі стіни квартири та світло монітора.

Він зробив останній ковток. Кава закінчувалась. Та й постільну білизну не завадило б поміняти. Треба повідомити адміністратора, хай подбає про це. А йому, модератору, слід далі працювати.

Артур Бей-ран закінчив голитись. Дружина і дочка ще спали.

Він хотів вийти з дому до того, як вони прокинуться. Не варто їм зараз бачити його у такому стані, дратівливого, стурбованого. Чоловік лише сподівався, що побачить їх знову. Цього вечора.

Артур Бей-ран був рядовим вчителем рядової лондонської школи. Можливо, він вчителював би все своє життя, але... Але сьогодні він зробив свій вибір.

Вибір? О, це вже цікаво. Ну-ну, поглянемо, що ж там далі.

Понеділок, ранок. Люди метушаться хто куди. Діти біжать у школу, службовці — на роботу, таксисты уже за кермом, крамниці уже потроху відчиняються. Люди, немов мурахи, снують туди-сюди крізь двері метро. Одна жінка зупинилась, щоб розгорнути бутерброд. Один чоловік стояв і читав оголошення на стіні при вході у метро.

Вибір. Важкий вибір. Здатись і жити рабом або відкрити очі світу? Плюнути на свої принципи чи показати твердість свого духу? Жити чи...?

Артур Бей-ран намацав у себе під сорочкою кнопку, натиснув і пішов углиб метро. Принципи тривають лише 4 хвилини.

І це зветься вибір? Видалити стількох користувачів через якісь там дурнуваті принципи чи релігійні переконання? Краще вже не мати ніякого вибору, ніж робити саме такий.

Модератор незадоволено шморгнув носом і виніс Артурові покарання. Місяць, мало б вистачити.

Одна жінка зупинилась, щоб розгорнути бутерброд. Один чоловік стояв і читав оголошення при вході на станцію метро.

По вулиці пронісся скрегіт коліс.

— Тікайте! Тікайте! — заволав хтось.

Артур Бей-ран обернувся і некероване таксі збило чоловіка. Артур впав на тротуар і знепритомнів.

Завили сирени «швидкої». Тіло чоловіка поклали на носилки і завантажили усередину.

— Пані Бей-ран, не хвилюйтесь, з вашим чоловіком усе в порядку, — заспокоював заплакану молоду жінку черговий лікар. — Численні переломи, але все буде гаразд. От тільки доведеться пролежати тут місяць, а може й більше.

Йому почало це все набридати.

Щодня вони нарікають, скаржаться на життя, роблять дурнуваті вчинки і навіть не думають, що хтось повинен це все виправляти.

Всі вони мають родини, друзів, восьмигодинний робочий день, собак, балкони і чай.

Вони такі щасливі. Але чомусь не бачать цього.

А він?

У нього немає ні друзів, ні собаки, ні балкона, ні чаю в пакетиках.

Він підійшов до вікна і налив собі ще кави.

За вікном було місто. Місто. Але він ніколи не бачив там людей. Так хотілося вийти, подихати свіжим повітрям. Але він не міг. Він мусив працювати.

Чому до нього ніхто не приходить у гості? Чому він ніколи не бачив адміністратора? Навіть голосу його не чув, бо писав йому одні лише повідомлення.

Нудно отак. Самому. Йому б хоча собаку. Він би навіть сам її годував, купав, навіть вигулював би. Але у нього не було собаки. Не було нікого.

Він знову сів перед монітором. Робота не чекатиме.

Гунтер Крістенс завів двигун. Діти дружно розмістились у автобусі. До початку першого уроку залишалось ще півгодини.

— Готові? — бадьоро вигукнув водій.

Автобусом пронеслось дружнє дитяче «Тааак!».

По дорозі діти співали пісень, бігали у проході і кидались паперовими літачками.

— До речі, я тут нову відеокамеру придбав. Заїдемо до мене, кіно знімемо? А я вас від уроків відпрошу, — намагався перекричати дітлахів Крістенс.

І знову — «Таааак!».

Автобус спинився перед охайним червоним будиночком.

— Можете заходити, входні двері відчинені, — гукнув водій.

Діти вже розмістились у вітальні, коли увійшов Гунтер.

— А про що буде фільм? — запитав один хлопчик.

— Я хочу грати принцесу, — пискнула малесенька кучерява дівчинка.

— Добре, моя малесенька, будеш принцесою, — погладив її по голові шофер і широко посміхнувся. — А будемо ми знімати кіно про борців-гладіаторів. Хлопчики, роздягніться, поки я збігаю за камерою. Дівчатка, ви теж не стійте, знімайте одяг. Ви ж принцеси, а принцеси показують усім свою красу, правда? Давайте, я зараз. Зараз прийду і ми бавитимемось у цікаві ігри, геть як дорослі.

Що за...? Що цей збоченець надумав робити з дітьми?

Це не попередження. І навіть не покарання. Це видалення користувача. Однозначно.

Ян Бульвенц завів двигун. Діти дружно розмістились у автобусі. До початку першого уроку залишалось ще півгодини.

— Готові? — бадьоро вигукнув водій.

Автобусом пронеслось дружнє дитяче «Тааак!».

Це вже виходило за всілякі рамки. Хіба адміністратор не бачить, кого реєструє? Страшно подумати, скільки подібних Гунтерів Крістенсів ще залишилось або ще з'явиться. Вони, такі покидьки, живуть *там*. А модератор... тут.

А хіба він недостойний теж жити з іншими людьми? Що з ним не так? Що не дає йому піти до них?

Кава. Вона рятує у такі миті. Допмагає налаштуватись на роботу.

Робота. Святе слово. Марудна й нудна. Робота.

Вона сиділа й плакала, поклавши голову на коліна.

Біля ніг її лежала фотокартка. Весна. Щасливі обличчя. Підпис «Таня + Ігор».

Вона плакала. Не через нього, а від образи. Забув, покинув, зрадив.

Чим вона була гірша за інших дівчат? Чому він її покинув?

Вона була страшенно зла на нього.

Зла, але все ж кохала.

Він уважно поглянув на запис. Здається, тут нічого правити не треба. Все нормально.

Але...

Таня. Яке чудове ім'я. Гм, а як же звати його самого?

У модератора не було імені.

Він не міг отак подзвонити до Тані й сказати у трубку: «Привіт, мене звати... Я не хочу щоб ти плакала».

Він же модератор, він може все. Майже все...

Він не міг подзвонити до неї взагалі. Він знав її адресу, знав, де вона вчиться, де любить гуляти, які квіти їй до вподоби, але він не міг дати їй про себе знати.

Але...

Він не хотів, щоб вона плакала. Така дівчина не повинна проливати сльози через людину, яка її не цінує.

Вона не повинна плакати.

І він не дасть їй цього зробити.

Задзвонив телефон.

Витерши сльози, вона підняла трубку.

— Алло?

На її вустах з'явилась усмішка.

Ну от, вони знову разом.

Разом.

Яке чудове слово.

Разом.

Ти не один. Поруч є хтось, хто завжди буде разом з тобою.

Ви все можете робити разом.

Разом вам не страшні ніякі біди.

Чудове слово — «разом».

Але у модератора не могло бути ніякого «разом». Він був сам. Один. Самотній.

Самотність — єдине слово, яке не має антоніма.

Шкода, що «самотність» не можна змінити на «разом».

«Самотність» не зміниш.

На жаль.

Ну ось, остання чашка кави. А йому ще стільки працювати.

Він зняв чайник з вогню і пішов до столу.

Лінолеум слизький. Особливо для його шкарпеток.

Він упав на підлогу. Окріп вилився на його груди, руку і обличчя.

Страшний біль! Пече! Дико пече! Сіль? Де сіль?

Солі на кухні не було. Навіщо модераторові сіль?
Він не міг нічого вкоїти з цим болем!
Відредагуйте! Хто-небудь, виправте це! Виправте запис! Цього не мало
статись!

У квартирі було порожньо.
Хто-небудь! Я вас рятую! Виправляю ваші помилки! Допоможіть мені!
Лише у кімнаті шумів кондиціонер.
Будь ласка, виправте! Я не витримую!
Екран горів сіро-білим світлом.
Я хочу «разом»! «Разом»!
За вікном спочивало місто. Модератор не знав, чи були там люди.
Виправте, будь ласка...
Він згадав Таню. Якби ж у нього було ім'я. Він би зараз їй подзвонив.
Відредагуйте, прошу...
У модераторів немає записів.
Він поволі дійшов до робочого стола.
Загорілась команда: «Додати нового користувача».
У модераторів немає власного запису.
«Введіть ім'я».
Неушкодженою рукою він повільно набрав:
Модератор.

МИХАИЛ РАШЕВСКИЙ

ЗЕРКАЛА

ВЕНЯ ОСТОРОЖНО ВЫГЛЯНУЛ ИЗ-ЗА УГЛА. ОРАНЖЕВЫЕ И синие огоньки весело поприветствовали щеку, а сирена словно и ждала его появления — крикнув, замолкла. Столь неприятный звук всё же относился к «карете скорой помощи», а не к полицейским. Нищий, глубоко вздохнув, направился к группе таких же, как и он, бродяг. Пока Веня хромал на самодельном протезе к приятелям, кого-то уже погрузили внутрь «скорой», а знакомый гаишник, подавляя зевки, настучал на панели нарушителя — роботизированного такси — код аварии и полагающийся штраф.

— Здоров, мужики! — Веня поручался с «несунами» Грегом и Витьком. У их ног стояли полупустые мешки с пластиковыми бутылками, которые бродяги обменивали в пунктах вторсырья на еду. — Что тут?..

— Сбили, — почесал щетину коротышка Грег.

— Кого?

— Марту, — Веня тут же вспомнил эту «не от мира сего» женщину. Она носила рваное широкополое сомбреро, превращавшее её в ходячий морщинистый гриб. Всем улыбалась, ко всем обращалась на «вы», покоряла своей непривычной в их жестоком мире добротой. Наверное, за это её... не то что любили, но... не ненавидели, что ли. Не трогали. Ходила себе по улицам, просила милостыню, гадала по руке, постоянно что-то рассказывала своей приبلуде. Стоп! Приблуде.

— А где?..

— Да вон, на лавке сидит.

Действительно, сидит. Метрах в ста от злополучного перекрёстка зеленеет травой муниципальный парк, и на первой же лавочке пристроилась эта... как её там? Клото? Лахесис?.. А! Миранда. Её Марта нашла на развалинах, оставшихся от пристанища контрабандистов после полицейской облавы. Может, осколками в бойне попало, а может, кто и специально глаза крошке вырезал... Это было лет восемь назад, а сейчас девочка выглядит лет на 11—12.

Ну вот какой чёрт дёрнул идти к приبلуде? Кто она для меня? Да никто! Ну, здоровалась, ну, улыбалась. Так она со всеми так. Блаженную Марту, конечно, подлатают в муниципальной больнице для неимущих. Может, и не до конца. Зато кормить бесплатно несколько дней будут. Но всё равно, когда выйдет, девочку уже не найдут. Или сутенёры сегодня же заграбастают, или чёрные медики на органы заберут... Да всё равно не жилец ведь на этом свете! Кому нужна слепая нищенка? У неё дорога одна: на панель. Девка вырастет красивой, это уже сейчас понятно. А то, что не увидит, кто на ней пыхтеть будет, так то и легче для неё.

Вот зачем к ней идёшь? Разве что посмотреть, а вдруг что ценное при ней есть? Не всё каким-то левым подонкам отдавать, правда? Вот, например, очки чёрные. Видно же, что непростые, не из дешёвых.

О. Встрепенулась, оживилась. Меня почуяла? Улыбается, стервочка.

— Здравствуйте, дядя Веня! — крикнула Миранда.

«Как она?.. По шагам разве что, по запаху. Они, слепые, все с прибабахом», — бродяга остановился в трёх шагах, внимательно осмотрел немногочисленные пожитки.

— Дядя Веня, присаживайтесь! Мама пошла хлеба купить, скоро будет, — девочка обезоруживающе улыбнулась.

«Ага, «скоро», держи карман шире».

Но тут Веня стало стыдно. До чего он успел опуститься, раз чуть не ограбил беспомощную калеку! А ведь совсем недавно он, Вениамин Лютый, brave войка, с криком «ура» кидался в атаку на доты альдебаранских ополченцев. Великодушно щадил попавших в плен. «Солдат ребёнка не обидит». Как недавно это было! Как давно...

— Дядя Веня, а можно попросить вас о небольшом одолжении?

«Ого, как умеет разговаривать эта мелочь пузатая!»

— О каком? — буркнул в ответ.

— Почитайте мне новости! — девочка протянула ему планшет «Ежедневки». — Мама говорила, что когда я вырасту, то пойду в университет, там учусь на какую-нибудь престижную специальность, заработаю много денег и куплю себе оптоимплантанты. А для того, чтобы поступить в ВУЗ, мне нужно всё-всё-всё знать!

Ещё не понимая, зачем он это делает, Веня машинально взял планшет. Матовый экран отражал только искажённую рожу спецназовца-неудачника. Словно в кривом зеркале. Еле мерцала кнопка питания. Энергии хорошо если на два сеанса хватит.

— Только там аудио повреждено, — сообщила девочка. — Потому мама всё мне и читала. И новости, и книги, и даже учебники!

Девочка всё говорила, говорила, а Веня смотрел на возникшую на экране надпись: «Для дальнейшей эксплуатации электронной газеты, пожалуйста, переведите деньги на счёт _____. Последняя проплата осуществлена 6 лет 11 месяцев 25 дней назад». Вот оно как получается! Конечно, ну откуда у нищенки могут взяться деньги на электронную газету? Не до жиру — быть бы живу. Вот и придумала она, что аудио сломано. А сама рассказывала своей приёмной дочке по памяти. Или выдумывала.

«Может, и мне попробовать?.. Да что я, клоун, что ли?! Обойдётся».

— Миранда, тут...

— Что? Дядя Веня, что? Опять на Китайскую Империю ураган обрушился? А кто в шахматы на чемпионате вселенной выиграл? Снова сириусяне? Или может нашим повезло? А философский камень уже отцвел? Есть там что о Лилипутии? Мама говорила, к ним с Атлантиды послов отправили. А как там наши на Альдебаране? Всех плохих успокоили?

«Успокоишь их, ага. Щас прям, — нахмурился Вениамин. — У них — миллиардные армии, и пусть пока развитие на уровне убогих пищалей, но идеологи работают толково. Мы, блин, им мир несём, мы их гуманно завоёвываем, а они, блин, сопротивляются!»

Вот если бы...

А что, попробовать, что ли?

— Да... тут есть заметка об Альдебаранской войне. Я... прочитаю тебе?

— Конечно, дядя Веня, прочитайте! Пока мама не пришла.

— Ну, тут, короче, сказано, — и кто меня за язык дёргал? — Сказано тут, что... это... ну, наши войска... двадцатая дивизия космодесанта подошла с боями... с тяжёлыми, труднейшими, охрене... короче, очень тяжёлыми боями подошла к столице.

— К столице?! — брови девочки поползли вверх.

— Да, — убито кивнул. Память услужливо забросила его в круговорот взрывов, крови и грязи; в водоворот матюков, осколков и отчаянья; в альдебаранский ад. Как они мечтали тогда вырваться из той болотной бойни! Как, пусть в мыслях, во сне, но грезили о том, что рано или поздно, но сопротивление будет сломлено, что... — Да! Они подошли к столице, и похер им всякие на орбите! Десантура порвёт всех как тузик тряпку, только не мешай! Подошли — и выпустили по ней весь запас глубинных торпед! Всех наших стальных толстолобиков. А когда этот долбаный термитник взлетел на воздух, они... мы пошли по развалинам! По трупам! По дымящей, мать её, земле! По земле, мать её! — потряс он кулаком. — А не по болоту. И мы строчили, мы стреляли, мы косили эту шелупонь прусачную! И жгли их пещеры долбанные! Вся двадцатка, весь третий флот Освобождения. Своротили нахрен! До основания! До победы!!

— Дядя Веня, — осторожно так, испуганно. — Чего Вы так кричите? Это дневники там напечатаны?

— Что? А? А... Да, дневники... Дневники... Значит, с северо-востока, получается, ударили тактично и это... скрупулезно, в общем. А с юга поддержала махра. Наша, земная махра, а не какие-то выпендрёжники с Марса, которые только баблос грести научены! Тварюки! Будь у меня нога... — махнул рукой. — Ну так вот. Зачистку провели грамотно, толково. Отдельные очаги сопротивления подавлены огнём орбитальной артиллерии. Подавлены так, что наших не зацепило! Никого не зацепило! Ни одного десантника! Никому ногу не оторвало, и на части никого... никого... А кому оторвало, то поставили — понимаешь? — не временную пластиковую хрень, а всамделишные стальные «умные» протезы! Те, что столетиями, а не годами. И менять не надо... Представляешь, малышка, с такими протезами можно жить, взаправду жить, сечёшь?! Не шариться по помойкам, не жить на подачки — это тут письмо от инвалида я тебе читаю — а жить! Ходить на работу, водить шаттлы, играть в футбол! В футбол! Боже, как давно я... Я и забыл даже, что это такое — футбол... А они смогут! Смогут. Хоть кто-то... Вот так тут написано, Миранда. Вот такие тут... новости.

«Да что со мной? Расклеился, как гражданский...»

— Дядя Веня, как интересно! А маме ни разу не попадались такие заметки с фронта! Вот ей интересно будет прочитать! — заёрзала от удовольствия Миранда.

Бывший солдат сидел грузно на лавочке, перекрыв дорожку протезом и задумчиво смотрел на девочку.

— Спасибо тебе, Миранда, — сорвалось с губ.

— За что же, дядя?

— За..., — нет, не поймёт. Я и сам толком понять не могу. «За зеркало твоё это матовое. За то, что зеркало это показало свою изнанку. Мою изнанку. Меня показало. За то, что дала понять — не мёртв я ещё. Ещё есть о чём мечтать, и к чему стремиться тоже есть. Есть и другой мир, иная сторона медали. Не всё ещё потеряно... Ну как мне теперь тебя оставить?» — За то, что позволила мне газету твою почитать.

— Да не за что, дядя Веня! Это Вам спасибо, что скрасили скуку. Мама вот что-то запаздывает...

— А пойдем, я тебя к ней отведу! Я видел, она в другой хлебный пошла, хотела сделать тебе подарок: купить сдобную булочку, а там, я знаю, всегда очереди. Пойдём, провожу?

— Пойдём!

«Ах, девочка, девочка! Не брошу я теперь тебя, никак не смогу! Я тебе всё расскажу: и о том, как наши завоевали Альдебаран; и о том, как Незнайка подружился с Котигорошком, и они пошли по дороге из жёлтого кирпича к далёкой мордорской горе плавить кольца нибелунгов; и о счастливых нищих, да и правду не забуду вписать. Главное — найти Жору, знакомого хакера. Пусть починит газету и уберёт эту идиотскую плату. А заодно накачает кучу кученную хороших, правильных книг. И — да, Миранда, ты поступишь в свой ВУЗ, и заработаешь себе на оптоимплантанты. И мне на «умный» протез. И Марте на новое сомбреро. Всё у нас получится, девочка! Всё теперь будет хорошо!»

ТАТЬЯНА СТРЕЛЬЧЕНКО

МОНЕТКА

ОНИ ШЛИ УЖЕ ВТОРОЙ ЧАС.

Впереди она — черноглазая Лидочка из рубрики «Непознанное», легкая и очаровательная, как апрельское утро; следом он — Михаил Полетаев, молодой, талантливый и очень перспективный политический обозреватель, к тому же весьма привлекательной наружности.

Говорили они мало, только по необходимости. Изредка она оборачивалась, бросала в его сторону быстрые взгляды и тут же отводила глаза. Он смотрел ей в спину задумчиво и печально, но если ее путь заслоняли гибкие ветки кустарников, холодно окликал ее, опережал ее воздушный шаг и, только устранив опасность, пропускал вперед.

День был прозрачный и свежий, лес пах хвоей, прелой листвой и какой-то недосказанностью. На темно-синих листьях редких деревьев, на каждой еловой иголке и даже в каштановых кудряшках девушки плясали развеселые солнечные блики, пьяные и счастливые.

Позолоченные часики на узкой руке Лидочки показывали полдень.

— Значит, в черные тайны этого леса Вы, Миша, не верите?

Михаил был лучшим другом ее старшего брата, знакомы они были давно, но Лидочка всегда обращалась к нему «на Вы».

— Нет, Лидия, не верю.

— Зачем же тогда вызвались сопровождать меня? Ведь должен был идти Синичкин...

— А Вы, конечно, хотели, чтоб это был именно Синичкин, простите, если помешал Вашим планам!

Лидочка обернулась в очередной раз, удивленно заглянула в зеленые глаза Полетаева, но ничего не сказала. Миша осекся.

— А Вы, Лидия, в басни эти верите, я так понимаю? — спросил он насмешливо, чтоб скрыть смущение.

— А почему б и нет?! Я постоянно пишу статьи о необъяснимых явлениях, уже столько всего наслушалась об этих чащах! Говорят, что в этом лесу есть такое место... ужасное! Люди попадают на какую-то опушку, пытаются найти выход, но не могут. Так и остаются здесь навсегда, становятся тенями, серыми и зловещими... Представляете, Миша? Об этом и будет статья!

Полетаев улыбнулся: возможно, где-то поблизости и была поляна, темная и зловещая, но возле него стояла прелестная черноглазая Лидочка, а день был уже почти совсем летним, и душа почему-то пела, то есть поводов для хорошего настроения было предостаточно.

— И в судьбу Вы, Миша, тоже не верите?

— Не-а, не верю, Лидия! Человек всегда может добиться счастья, если до-

стоин его! Всегда. Неудачники и глупцы почему-то во всем обвиняют злой рок, это их слабость...

— А Вы — человек сильный, слабостей у Вас нет, — вздохнула Лидочка, — зачем только перешли в нашу газету? В том самом издании Вам и платили больше, и карьерный рост был обеспечен... Это все из-за одного человека, не правда ли?

— Вы и так все прекрасно знаете! И имя этого человека тоже...

— Знаю! Вся редакция только об этом и говорит, — горько заметила девushка.

Дорога стала шире, Полетаев и Лидочка теперь шли рядом, молчаливые и угрюмые.

Иногда Лидочка останавливалась, чтоб сфотографировать какой-нибудь сонный пейзаж или особенно уродливое дерево, делала записи в блокнотике. Лес был тих и загадочен. Полетаев — уныл.

Наконец они подошли к месту, где дебри становились густыми и непроходимыми, как на глянцевой иллюстрации к детской сказке про серого волка.

Дорога раздваивалась: одна тропинка вела прямо, вторая спускалась по крутому склону вниз, туда, где клубилась холодная белая мгла.

— Куда пойдем? — спросила Лидочка с опаской, останавливаясь под очередным деревом, изрядно побитым жизнью.

— Знаков нет. Куда Вам угодно... это же Ваша статья! — прохладно ответил Полетаев.

— Может, монетку бросим? Если решка — прямо, если орел — вниз...

— Вы и в это верите?

— Ну да...

— Значит, так, Лидочка! У меня к Вам разговор, серьезный и решительный. Я так понимаю, Вы в судьбу верите, а счастье свое отпихиваете от себя обеими руками! Не знаю, что вы там напридумывали, но вот что скажу: я не привык так легко сдаваться, я чувствую, я знаю, что... непротивен Вам, как минимум. А значит, Вы должны дать мне шанс! Почему Вы не приняли мое приглашение на ужин?

Нежные щечки Лидочки вспыхнули маками.

— Мне Элеонора из «Светской хроники» все рассказала, Миша. Вы за ней ухаживали, а она Вам отказала. Вы давно в нее влюблены, из-за нее перешли в нашу газетенку... Вы и меня-то пригласили, чтоб она приревновала. Я все, все знаю! Вы, Миша, — ловелас!

Если бы Лидочка посмотрела в этот момент на Полетаева, то увидела б, как в зеленых глазах плещется и гнев, и удивление, и надежда, но она не смотрела, она очень сосредоточенно изучала свой старенький фотоаппарат.

— О, женщины! — развел руками Миша. — Я б на Вашем месте поостерегся верить в рассказы этой тощей белобрысой крысы! Я, между прочим, был на Вашем месте, Лидочка! Элеонора нашептала мне, что Вы давно тайно влюблены в... Синичкина! В этого шута горохового! Но ведь я не слепой, и потом... даже если это правда, я сделаю все возможное, чтоб доказать Вам: Си-

ничкин — ничтожество, а я человек надежный, я смогу сделать Вас счастливой!

Лидочка продолжала нервно теревать ремешок от фотоаппарата, не глядя на Полетаева.

— Но как же я... кому мне теперь верить, Миша?

Нужно отдать должное Полетаеву: он был человеком отважным и находчивым и действительно не сдавался!

— Вот Вы, Лидия, предложили бросить монетку, мол, узнаем, куда идти нам: прямо или вниз... А мне все равно! Ну, не верю я, что в этом лесу бродят тени, что место кошмарное есть... А вот придурков везде хватает, поэтому я с Вами пошел, чтоб защитить, если что... Но раз Вы, Лидочка, в судьбу верите, хорошо! Давайте бросим пятак, только сыграем по крупному! Если решка — мы возвращаемся в город, Вы даете мне шанс, хотя б сегодняшний вечер...

— А если орел? — спросила девушка растерянно.

— Если орел, значит, не судьба. Идет? — в голосе Миши зазвенела неожиданная обреченность.

Лидочка отозвалась взволнованным эхом: «Идет!»

И... свершилось!

Миша сделал это: подбросил монетку высоко-высоко.

Пятачок летел мучительно долго, гордый и судьбоносный, готовый приземлиться на влажную ладонь Полетаева и вынести вердикт. Вдруг на его торжествующем пути возникла корявая ветка старого дерева, больно ударившись, он отскочил в сторону, пару раз подпрыгнул, попытался зацепиться за корягу, не смог удержаться и, испуганно звякнув на прощание, упал вниз по склону, туда, где его уже поджидала холодная белая мгла.

— Ой! — вскрикнула черноглазая Лидочка, — монетка упала, Миша! Мы никогда, никогда не узнаем правду!

— Если для Вас это важно, я спущусь и найду ее! — Миша решительно подошел к крутой скользкой тропинке, заглянул в мутные глаза белой мглы и, не дрогнув, начал было спускаться, но Лидочка, всплеснув руками, подбежала к нему как раз вовремя:

— Не надо, Миша! Умоляю Вас, не стоит! Я не хочу знать... Далась нам эта монета! Вы были правы, нужно самим свое счастье... Миша, я верю Вам, верю! Пойдемте отсюда, вернемся в город, Вы обещали меня угостить...

— А как же статья?

— Да Бог с ней, со статьей-то! Опять насочиняю каких-нибудь ужасов... Скажите, а Вы правда считаете Элеонору из «Светской хроники» тощей белобрисой крысой?!

И они пошли прямо, пошли вместе, держась за руки и оживленно болтая: черноглазая Лидочка, очаровательная, как апрельское утро, а рядом Михаил Полетаев, молодой человек тоже весьма привлекательной наружности.

...А где-то внизу вздыхала голодная мгла.

Она была густой и липкой и умела хранить свои тайны.

Только подойдя вплотную, взглядевшись, можно было увидеть, как в белесом тумане медленно танцуют тени, серые и зловещие; их было много, очень много, они плыли по кругу в странном тоскливом хороводе, не торопясь — впереди у каждой была вечность.

Мгла уныло смотрела вслед удаляющейся паре и думала о несправедливости жизни: впервые за несколько столетий две потенциальные тени тени-ми не стали!

Никудышный народишко пошел! Ни во что, кроме себя, не верят, ни авантюризма в них нет, ни жажды познания, ни обыкновенного любопытства... Только и могут, что пятаками бросаться!

Мгла плевалась, стонала и презрительно фыркала, поглядывая на новую монетку у самого края.

Так скоро и оголодать немудрено! И почему все так?

...А монетка лежала на замшелом камне вполне довольная собой: сквозь мокрую простыню тумана, сквозь стылое дыхание мглы, сквозь рваное полотно облаков, она сумела поймать непокорный солнечный луч и, согретая им, теперь сверкала серебром. Поводов для радости у новых пяточков всегда найдется немало, но сегодня день был особенный.

Монетка знала, она одна знала, что случилось, а главное, что не случилось, и даже знала, почему: просто она легла решкой.

Киев, февраль 2008

ЛЮДМИЛА И АЛЕКСАНДР БЕЛАШ

РУССКАЯ ОКЕАНИЯ. ПРОМЫШЛЕННИКИ

Моя задача — найти и тщательно описать этих невиданных животных. Как их убить, ободрать и сожрать — это уже ваши проблемы.

Георг Стеллер, натуралист

Октябрь 1787 года

— Какие милые дети! — восхитился капитан в розовом камзоле с золотыми обшлагами. Сначала он погладил по голове вихрастого исчерна-рыжего мальчишку, а потом девочку-малышку — светло-рыжая и конопатая, она ничуть не боялась чужого человека со шпагой. Продолжала грызть ноготь, моргая лазурными глазками. Чего пугаться? Рядом батька, его сабля тяжелее.

Капитана звали Жан Франсуа де Гало де Лаперуз. Ему было поручено нести на карту берега Тихого океана и найти Северо-Западный проход.

Батьку рыжей конопушки прежде звали Патрик Мэрфи, а ныне — Патрикей Яковлев сын Марфин. Он отвечал перед богом и государыней за прибыли казны и мир на острове.

Любуясь румянными детками коменданта, Лаперуз с горечью понимал, что Франция опоздала. За спиной рыжего верзилы он видел бревенчатый острожек со сторожевой вышкой, где плескался по ветру русский флаг с орлом.

«Португальцы были правы. Острова Исла-дель-Арменьо существуют, но у них теперь другое имя — Переливные. Как гласит пословица: «Кто нашёл, того и будет».

Чуть позади коменданта стояла — с большим достоинством, — молодая женщина, великолепная брюнетка с чуть раскосыми карими глазами. Дав детям поглазеть на приезжих, она тихо позвала их, произнося какие-то варварские имена — Mit'ka, Liska.

— Мы прибыли с мирными намерениями, — заверил коменданта Лаперуз, а командир «Астролябии» де Лангль пояснил:

— У нас научная миссия.

— Разведка, — кивнул Патрикей с пониманием.

— Вы заблуждаетесь. Мы были на Камчатке, в Петропавловске, где встречались с главой вашей администрации. Он выдал нам рекомендательные письма...

— Извольте предъявить, — сухо молвил рыжий.

Пока ирландец вчитывался, де Лангль счёл уместным заметить:

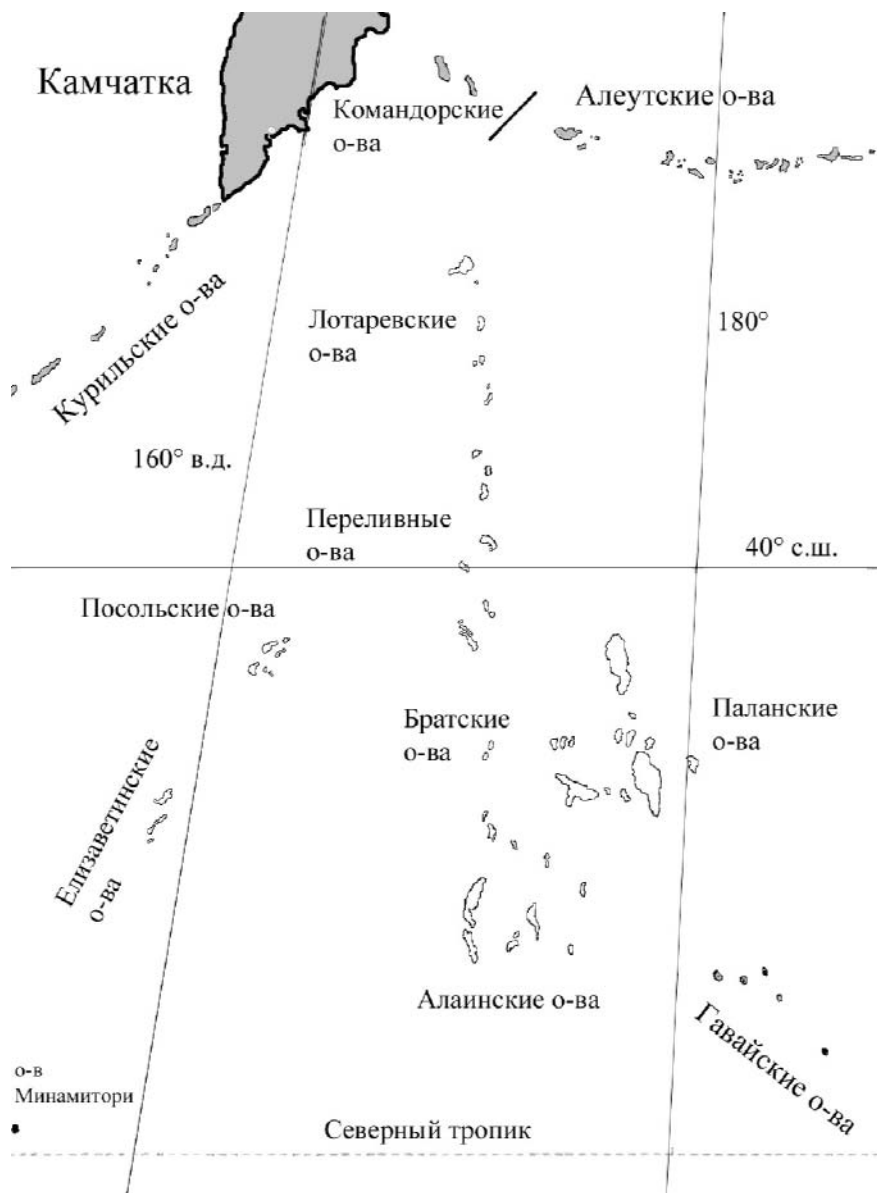
— Эти моря — уже не белое пятно на карте. Здесь ведётся оживлённая торговля, плавают много судов разных стран.

— Да — если говорить о лазутчиках, браконьерах и пиратах.

— Но почему только о них? Скажем, в Петропавловске мы склонили головы у могилы Чарлза Кларка, славного командира «Дискавери».

— Слава богу, одним англичанином меньше, — зло усмехнулся Патрикей.

— Незачем пускаться в плавание с чахоткой, вдобавок отсидев за братца в долговой тюрьме. Уж здесь-то я могу говорить о них всё, что думаю!

Оба француза воевали против британцев на море и понимали чувства ирландца.

За обедом — а угощать здесь умели, — гости разговорились. Коснулись даже личного.

— Патрик, вы скоро десять лет как прозябаете на отшибе от мира. Вы не преступник, а китобой, потерпевший крушение — можете смело вернуться домой... вместе с нами.

— Хотите добыть *языка*, по-казацки? — подмигнул хмельной комендант. — Нет уж, месье — лучше быть русским в России, чем ирландцем в Ирландии.

— А дикие порядки? рабство, кнут? — просвещённый Лаперуз напирал.

— В Англии вешают чаще, чем тут, за куда меньшие проступки. Кто я там? простой моряк. А здесь, — Партикей огляделся, словно окидывая синим взглядом остров, — я лорд! У меня отряд казаков, пушки, ружья... и Таня, — он привлек свою кареглазую, обнимая за талию. Женщина улыбалась — смущённо, ласково и снисходительно. — Кстати, её братья правят островами к северу. Их, Лотаревых, целая династия. Так что плывите без меня, месье! Я устал от большого моря, а море устало от меня, раз вышвырнуло сюда. Главное — угадать момент, чтоб вовремя сойти на сушу и остаться.

— Здесь не Россия, всё слишком зыбко, — намекнул Лаперуз. — Судьба переменчива, как море. Острова часто меняют владельцев...

— Знаете, чем Русь похожа на Ирландию? — неожиданно спросил Патрик.

— Чем же?

— Она там, где наступила нога русского. Мне это сходство по душе.

«Буссоль» и «Астролябия» уплыли на зойд-ост. Сидя в каюте под качающейся лампой, Лаперуз записывал в дневник:

«Оказалось, этот внешне беспечный человек на деле упорен и стоек. Мне довелось узнать, что незадолго до нашей встречи он с казаками выдержал штурм разъярённого войска туземцев, именуемых *кумаре*, а жена, сидя рядом у амбразуры, заряжала и подавала ему ружья. Когда же Патрик был ранен, она сама встала к бойнице и стреляла, в то время как ружьями занимался мальчик Mit'ka. Она взяла саблю и пистолеты мужа, руководила карательной экспедицией...»

Жан Франсуа не угадал момент и продолжал испытывать терпение моря. Даже серьёзнейший намёк судьбы — когда в том же году, два месяца спустя, на островах Мануа в стычке с аборигенами погиб де Лангль, — не вразумил его. Наконец, бурной ночью корабли Лаперуза наскочили на рифы у Ваникоро, и море поставило точку в его судьбе. Вместе с ним ушёл на дно чарующий, изысканный образ милой Франции, вскоре погрузившийся в кровавую трясину революции.

А остров Рурукес — самый южный в цепи Переливных, — жил, ове-

ваемый тёплыми солёными ветрами, а годы шли, а дети коменданта подрастали, и выросли из них — Боже, спаси и сохрани! — два сапога пара, неукротимый Митяй Марфин и рыжая как чёрт Лиза, Лиса Патрикеевна.

Путь на юг

Покойный де Лангль был прав — белые пятна быстро стирались с карты. С 1573 года по «пути Урданеты» начались регулярные рейсы манильских галеонов, появились пираты. После 1750-го контрабандная торговля с испанской Америкой стала поистине международной, а затем в Тихом океане начался китобойный промысел.

Русские в Охотске и Петропавловске едва успели сколотить судёнышки, чтобы распространить своё влияние на острова, поскольку тут было что взять.

Сочно цвела тундра, ярко пестрели сопки и долины. Артели на побережье добывали морского бобра, а в море-океане, за полуденным маревом, охотники промышляли кита. У жироварни выстроились бочки, ящики наполнялись китовым усом. Объевшись багровой китятины, валялись сонные собаки. В бухте Матери Тамары пахло рыбой и ворванью.

Мариинский Порт на Пойнамушире ждал судов из Ново-Архангельска, которые повезут в Кантон драгоценные шкурки, сорокаведёрные бочки с жиром и пудовые ящики с гибким усом. С юга шли корабли из России — до грот-бом-брамселя отполоскавшись ледяной водой у мыса Горн и перевалив пекло экватора, парусники несли в Русскую Океанию новых поселенцев.

— Это ничего, господа, что у нас тундра! — веселился Володихин, приняв чарочку горячительного. — Зато мы обеспечиваем приток капиталов, — он потёр мясистыми пальцами воображаемые монеты. — У Александрова-Паланского морской бобр не водится, и рыбы там не густо. Без тех долларов и соверенов, которые стекаются к Пойнамуширу, ел бы Бенедиктов репу с постным маслом, а не печёнки райских птичек в винном соусе...^{1**}

Айнов, заселявших островную грядку с севера, и помянутых кумар (они звали себя *куамарет*), в каменном веке ушедших на южные Переливы под натиском жёлтой расы, разделял вовсе не этнический барьер: все они были белыми, известными науке как австронезийцы — «южные островитяне». Границей стала... температура воды. По 40° с.ш. проходит тёплое течение Курошио; здесь растворимость кислорода в воде падает, и продуктивность морской фауны снижается.

По той же причине власти — иркутский генерал-губернатор, начальник

¹Здесь и далее ** — Л. и А. Белаш, «Дальше некуда» (сб. «Чайки над Кремлём». — М., Яуза: ЭКСМО, 2007)

Камчатки, а затем правление Российско-Американской компании, — отводили северным островам роль промысловых угодий, а южные считали сырьевой и продуктовой базой Русской Океании.

На Патрика Мэрфи валились всё новые и новые заботы. Камчатские начальники слали распоряжения — завести солеварню, устроить железоплавильный завод, обратить кумар в православную веру, внедрить хлебопашество, «кокорузу» и картошку, взимать с инородцев ясак, расплодить коров и лошадей.

С кораблей сходили какие-то цинготные людишки, падали на колени и крестились на сторожевую вышку:

— Господи, наконец-то доплыли! Где у вас церква? Ох, светло-то как, приятно! А сколько земли дадут — под огород, под пашню? Мы русалку в море видели — вот те крест! — и чудо-юдо кита. Нешто его едят? он — божья рыба, он Иону в чреве содержал.

Патрикей Яковлевич сажился и строчил в Петропавловск: «Потребно: жести белой на церковный купол... меди котельной... гвоздей корабельных от 4 до 8 дюймов... кос-горбуш... белил свинцовых... наковален больших... плоскогубцев... рому... пороху... Иеромонах грамотный — 1 штука».

Подумал, счистил и переписал — 2 штуки! Мало ли что, запас не помешает. Рурукес велик: больше полсотни миль в длину, пятнадцать шириной, кумар четыре с лишним тысячи, из них крещёных — сотни три, и те...

— ...Куда дели преподобного Пафнутия? — с рыком наседал ирландец, рука на сабле.

— Ах, светлый русский капитан! — кланялись кумаре. — Твой колдун-борода ушёл на солнце. Христос позвал его пить ягодную брагу. Теперь он наш *кух* — святой мертвец. Оставь его, пусть он тут лежит! От *куха* много пользы — свиней умножает, на картошку дышит. Мы над ним вколотим крестовину.

Кумарские борзые свиньи осквернили прах Пафнутия, разрыли его и частично съели, начиная с ног. На шее преподобного была ременная удавка.

— Никто *куха* не давил. Он сам. Стремился к солнцу.

Троих заложников повесили в острожке, но монаха не вернёшь. Значит, пиши владыке: «Волей Божьею помре. Для церковного устройства потребно...»

Да, лучше — 2 штуки. Пусть духовно окормляют острова. Обоим по лодке — и плывите, Бог с вами!

Явился бриг «Полтава», американской постройки, а там — Иисусе! — свояченицы с чадами, служанками, телохранителями-казаками и подарками. Клан Лотаревых в гости прибыл. Таня с Лисой встречает и целует, Митяй направляет прислугой — куда табак, куда горох, куда муку. Сводят по сходням якутских лошадок, тянут коров — не выше северных оленей.

Напоследок спускается с борта монашек — глаза святые, голубые, борода светлая, к груди прижата Библия, сзади крещёный камчадал гнётся под грузом багажа.

— Новый колдун-борода, — умилялись кумаре. — Может, *кухом* будет.

Рыжая Лиса, увидев его, чуть не задохнулась — до того в сердце вник, — и, разгоревшись глазами, с поклоном к нему, поёт:

— Благословите. Как ваше святое имечко?

Монах потупился, смущённый жаркой внешностью Лисы:

— Тихон...

— ...с того свету спихан, — возник рядом зоркий Митяй. — Батюшка, велите Лизке ехать со мной на промыслы. Там женский глаз нужен, а тут от него грех один.

— А не грех девице по морю с мужиками разъезжать?! — яростно возопила Лизавета.

— Готовь припасы для похода. — Патрикей был строг. — Столько женщин в доме я не вынесу. А ты, брат преподобный, займёшь келью Пафнутия. У того пять духовных дочерей осталось безутешных, до сих пор там подметают.

Лиса металась из магазина в пакгауз, указывая, что складывать в дорогу. Сама ввинчивала кремни в ружья, щёлкала курками и для пробы привозного пороха стреляла в чурбак, воображая, что этого голова Митяя. Напоследок всадила в чурбак острогу — на тебе! — да так, что два кумарина выдёргивали.

Всего и удалось на Тихона полюбоваться, что при богослужении. Однако на душе улеглось — голос у преподобного оказался девичий, жесты несмелые, манеры робкие. Так вот девушки порою ошибаются, если их вовремя не оттащить.

Перед отъездом удили с братом, став на камни у скального склона, над которым высился сосновый лес. Приплыв сюда и затащив на берег лодку, Митяй из вежливости поднялся на склон, проведать келью Тихона. Тот без устали молился на открытом воздухе.

— Идёмте рыбачить, брат преподобный! Апостолы — и те рыбу ловили. Вам — к столу прибавок, всем — мирная утеха.

— Апостолы ловили сетью, а на уду ловит диавол, — назидательно ответил Тихон.

— Нейдёт? — спросила Лиса. — Может, ты плохо звал?

— Куда ж лучше!.. Ну его, пустосвята. Замолился в пень, света не видит. Лизка, что ты в нём нашла?.. Замуж пора, в девках засиделась.

— Сам-то — жених обомшелый. Кого ждёшь — королевну гавайскую?

Ругались беззлобно, как у брата с сестрой водится. Рыба шла, грузно брыкалась на галечник, упруго билась и сулила навар. Между тем Тихон растворялся в упоительном блаженстве среди сосен и бил поклоны по уставу. Огонь из надворного очага переметнулся на хворост, а дальше плеснул по ветвям и пошёл полыхать, развеваясь на ветру.

— Горим! — завопили в кумарском селении. — Колдун-борода лес палит!

Плечистый вождь встал в середине с русским топором:

— Лес не тушить — от руки колдуна всё свято. Идём его кухом делать!

Насчёт куха монаха просветили, поэтому при виде туземцев Тихон заматался. Вверху трещало пламя, озаряя всё окрест кельи, словно на празднике духов.

— На солнце! — свирепо напали кумаре, сграбастав Тихона множеством рук — вот-вот растреплют, как собаки тряпку. — Бог заждался! Курган навалим, мягко будешь спать!

Монах упирался, вопия: «Ироды! Что делаете?!» Его подняли и понесли, уворачиваясь от горящих веток. Ощувив, что смерть близка, Тихон стал звать к небу:

— Христианския кончины живота моего непостыдны, и доброго ответа на Страшном Судищи прошу!

— Поёт! Поёт, милый! — радовался люд. — А кух Пафнутий чёрными словами лаялся...

— Покаяния отверзи ми двери! — крикнул монах, когда его кидали со склона, и закувыркался. Митяй с Лисой оглянулись — ох! морской ветер относил голоса и дым, но теперь они увидели уходящий дымный полог и скопище кумар на склоне.

Тихон упал удачно, тотчас вскочил и бросился к лодке. Сроду Митяй не наблюдал, чтобы человек так быстро столкнул лодку на воду и так сильно грёб вёслами.

В то время кумаре — не исключая дев и женщин, — соскальзывали вниз и бежали к морю, сбрасывая на ходу рубахи. Что-что, а плавать и нырять они умели лучше русских — недаром основатель клана Лотарев счёл их русалками. Да и Лаперуз, узрев с борта плывущих нагих кумарок, воскликнул: «Настоящие ундины!» Митяй был тому свидетель.

— Я в изумлении. Это была не лотарянка, господа, даже не из русских поселенцев. Волшебные волосы, словно мантия! Как те чудесные кудри, что скрыли святую Инессу от нескромных взглядов. Не успел я воскликнуть: «Кто вы, престелница?», как она обратилась ко мне по-французски.

— А рыбий хвост? — нарушил начальственное молчание полковник. — Где рыбий хвост, обязательно присущий русалке? Вы его видели?

*— Господин комендант, у вас была няня? — раздражённо бросил Дивов. — Я надеюсь, вас не батюшкины денщики воспитывали? Нянюшка непременно сообщила бы вам, что феи иногда сбрасывают оперение, крылья и прочие атрибуты фауны. Людям они предстают в чём мать родила. ***

— Куда ты, преподобный? Лодку верни, казённая!

— В куха обращают! — жалобно донеслось с моря. — За грехи мои!

— Если день такой отмашкой выдержит, то завтра будет на Камчатке, — жестоко заметила Лиса. — Эй, народ, прочь из воды! Кому говорить?!

От громкого голоса Лизы кураж, овладевший кумарами и затуманивший им разум, стих и растаял. На всём острове туземцы знали — рыжая красавица и её злой брат без оружия крепости не покидают. Плывшие, сделав десяток гребков, замедлились, а отставшие на берегу понурились.

— Живо назад, пожар тушить! — скомандовал Митяй и побежал к огню.

...В острожке Лиса бесцеремонно раздела и ошупала монаха, затем молвила:

— Бог любит пьяных, детей и безумных. Ты из каких будешь, преподобный? Все кости целы.

Подошёл батька Патрикей, темнее тучи:

— Сколько десятин леса пожёт сдуру!.. Мерная сосна... да провалились ты! — Он в сердцах прибавил что-то по-гэльски, на русский язык не переводимое. — В Англии — видит бог! — ты бы с петлёй познакомился. А у меня в холодной посидишь. Кузнец! готовь цепи.

«Раззява, ротозей», — с брезгливой жалостью взглянула Лизавета на монаха. Жажда обожания угасла. Разве это мужчина?.. Нет на южных Переливах никого, достойного Лисы, равных отцу или Митяю. Разве что капитан Крузенштерн — но он уплыл в Японию, запасшись водой и провизией...

В доме тётушка Пелагея — комендантша на Ясачном острове, — выпив сладкой водки, с великим пыхом похвалялась тамошними промыслами:

— У нас — китовая ловля, морские бобры, коты... Ясак сдаём полной мерой, контора благодарит нас премного. Сами в промысел вклад имеем, до трёх тысяч рублёв.

— Славная добыча и великое приобретение, — поддакивал Патрик. — А не возьмёте ли у нас картошки, репы? Хорошо уродились капуста и лук. Цинга — ведь она не взирает. Плохо стать кухом от скверного питания...

— Так её, тётку Полю, — втихомолку хмыкал Митяй, пропахший пожаром. — Однако, погода нам в масть. Пора отплыть. Ночью буду грузить карабины в пакетбот.

— Вижу, далеко собрался.

— Согласно царскому приказу...

— Того приказа нет и не было, — грозно одёрнул отец, — ссылаться на него не смей. — Он отвёл Митяя от стола подальше. — В колонию без надобности не ходи, держись туземных вод. Заплывёшь — веди себя смирно, зря душ не губи. Испанцы нам соседи.

— Батюшка, да разве я...

— Я тебя знаю. И сестра с тобой вдобавок, береги её.

Отцовскую приязнь к католикам Митяй старался уважать. Прежняя вера — словно старая любовь.

— Ты, Митя, куда плывёшь? — ласково спросила тётушка.

— Тюленей бить и черепах. На этих... — Он вспомнил название, привезённое с юга Крузенштерном, — Алаинских Спордах.

Алаина (полинез. «*Земля вождей*») — самые южные из о-вов Русской Океании; расположены между 29° и 33°7' с.ш., 171°23' и 176°11' в.д. Площ. ок. 15,6 тыс. км². Заселены в X-XI вв. менехуне (протополинезийцами), вытесненными с Гавайев. В 1785 г. испанцы захватили Ю-В часть А. (около 1/3 терр.), образовав колонию Алаина де лос Рейес.

У комендантского дома топтались погорелые кумаре, чьё селение монах пустил на ветер. Приняв рому и немного подобрев, Патрикей вышел к ним:

— Ну, что вам? Дам гвоздей, скоб и леса для стройки, а также солонины и муки. Всё отслужите в крепости, у поселенцев и на работах, где скажу. Сами виноваты — чем гривастого ловить, сразу бы огонь гасили.

— Светлый капитан, — поклонился вождь Большой Топор, — мы согласны. Позволь нам ставить большие русские дома. Их пламя не берёт...

«Пусть верят, — решил Патрикей про себя, — так лучше».

— Ставьте.

— ...и назвать деревню — Тихоновка.

— Вот ещё! зачем?

— ...и церковь преподобного Тихона в веригах.

— Какого чёрта?! — заорал Патрик с крыльца. — Он вам что — угодник?

— Мученик! — Пять духовных дочерей Пафнутия вскричали в один голос.

— Красного петуха святой!

— Всё-таки дозволю, — упорствовал широкоплечий вождь. — Кто зажигает, тот и гасит, так нам вера говорит. Пусть хранит нас от огня.

— Делайте, как знаете, — Патрик махнул рукой. Кумар переломить даже ирландцу не под силу.

Большой Топор вытолкнул вперёд сильного малого, одетого по моде здешних удалцов — повязка с бахромой на бёдрах, лисья безрукавка. Длинные светлые волосы свиты в косы, охвачены по лбу бисерной лентой. На шее рядом с крестом — орлатая медаль «Союзные России», положенная лишь вождям.

— Вот мой сын, его крестил Пафнутий. Он тебе отслужит за гвозди.

— Как звать?

— Ермалай, — сквозь зубы выдавил парень, блестя узкими тёмными глазами, — Топорок. Отец — Большой Топор. Я — малый.

Кумарского имени не назвал — вдруг комендант на него наколдует?

— Что раньше в гости не бывал?

— Он охотник. По берегу, в горах брал ясак для царя, — разъяснил Большой Топор. — Возьми его, светлый капитан.

«А, охотник! Или разбойник? То-то загорные кумаре плакались: «Из-за вершин приходят лиходеи, грабят». Ладно; не пойман — не вор. Сходи-ка с Митяем в плаванье; поглядим, чего ты стоишь».

— Беру. Интендант! Выдать малому из магазина полотна на портки, кожи на сапоги, чулки и старый кафтан по росту. На русской службе босняков нет, ясно? Шапку сам справишь. Портному и чеботарю выплатишь из добычи...

...Тихон в оковах не унывал. Сладкоголосые русалки проникли к нему, напоив казака-караульного, принесли ягодной браги, каши и свинины. Монах утешал наследованных от Пафнутия духовных дочерей псалмами:

— На реках Вавилонских, тамо сидехом и плакахом...

Они всхлипывали от сострадания. Тихон звенел цепями:

— Бых яко ночный вран на нырище!

Кумарки перешёптывались:

— «Рвань на дырище»...О, как наш колдун-борода красиво говорит!

Много времени спустя раздражённый владыка в Иркутске писал:

«Нет в святцах преподобного Тихона в веригах! Следует переосвятить храм во имя Апостола Петра в веригах».

Но если ирландцу не дано кумар переупрямить, то куда уж там владыке.

В 1913 году в Тихоновку явился протоиерей с полицией, чтобы, наконец, исправить каноническое недоразумение, но жители все как один легли, окружив церковь сплошным живым ковром.

— Ах, вы бунтовать? Урядник!

Урядник — сын казака и кумарки, — сапогом загасил папиросу:

— Я по людям не пойду и приказа такого не дам. Тем более стрелять не стану. Кому хотите, батюшка, тому и жалуйтесь — хоть становому приставу, хоть исправнику.

Крамольная церковь стоит по сей день. Покосился сруб; выцвели, поседели от времени брёвна; пополз по трещинам сизый мох — но церковь цела. Крыша только сползла... или сняли её. Вокруг разор и нестроение: мрачные, будто брошенные дома, какие-то серые люди. Натруженные узловатые пальцы, остановившиеся взгляды. Живёт там человек триста кумар — все на учёте, как в Красной книге, забывшие язык и обычаи. Ходят в кирзе и ватниках, как все селяне от Калининграда до Чукотки. Кругом туберкулёз и зелёный змий.

Но... странное дело — за два века в Тихоновке не было ни одного пожара.

Лирическое отступление

Достаточно взглянуть на карту агроклиматических ресурсов мира, чтобы понять — нам китайцы не страшны.

Конечно, они могут скупить и вывезти всё ценное из азиатской части России, включая наших женщин (своих они массово передушили после внедрения дородовой УЗИ-диагностики). Но заселять зону с унылым названием «Холодно-умеренный подпояс» они не станут даже в том случае, если расплодятся до тесноты набитого автобуса.

Тайга и тундра не дадут им три обвалных урожая в год.

Уповать на глобальное потепление бессмысленно. Оно не отменит ни континентальный климат, ни жалкое худосочие почв. В Сибири выбор для хлебопашцев невелик — либо довольствоваться тем, что есть, либо тысячи лет ждать, когда подзол станет чернозёмом.

Тогда почему русские в конце XVI века ринулись в Сибирь?

Причина одна — драгоценные меха. Первопроходцев вёл, как выражались тогда, «соболиный хвост». В одном Ленском остроге царская доля — 10% до-

бычи, — за 1638-1641 гг. составила больше 12.500 соболей, а всего мехов из острога было вывезено на 200.000 рублей.

Для сравнения: подъёмные для семьи переселенцев составляли 20 руб... Семён Дежнев за каждый год тяжелейшей службы (напомним, он первым прошёл Берингов пролив, скитался 19 лет, потерял 9/10 отряда) получил 6,5 рублей, причём 2/3 суммы — суком.

Надо ли говорить, что численность соболей — и всех пушных зверей, — стремительно снижалась? Когда соболь истощался, промышленники двигались дальше, дальше... пока не упёрлись в океан.

А там — каланы, котики, моржовая кость — «рыбий зуб»! Живые деньги!

Протопоп Логинов сочным, глубоким, внушительным голосом рассказывал Володихину, как айны охотятся на тюленей:

— ...и камнем в голову. Прямо в темечко. Кость трещит, мозг выстывает... Восчувствуйте, господин полковник, каково это — КАМНЕМ В ГОЛОВУ.

*Логинов был замечательный рассказчик. Володихина зримо передёргивало. ***

Вторая Камчатская экспедиция открыла промысловикам путь в Америку. В августе 1744-го с острова Беринга вернулась первая партия охотников, доставив на Камчатку 1.200 шкур каланов и 4.000 шкур песцов. Далее, как говорится, «понеслось оно по трубам».

Сумма добычи на один корабль росла, перешагнув в 1759-ом отметку 300.000 руб. К 1770 году запасы пушнины на Алеутских островах так истощились, что начались кровавые стычки из-за угодий.

Попутно уничтожили реликтовых стеллеровых коров. Забили на мясо и жир.

Ели котиков, ели тюленину, ели всё, что похоже на мясо.

В этом мы мало отличаемся от всеядных китайцев. Чуду подобно, что они панд не сожрали! Но гигантских саламандр уже доедают. Увы, саламандры повышают потенцию, которой так не хватает сынам Поднебесной...

...А на материке, тоскуя по соболям, отводили душу на белках. К 1800-му сбыт беличьих шкурок увеличился до 7 миллионов в год.

Дальневосточные туземцы, доселе европейцев не выдавшие, очоленели в тихом ужасе. Они с их исконно экологическим мышлением убивали ровно столько, сколько требовалось для еды и одежды. Их ум не вмещал понятий «фарт», «хабар» и «сверхприбыль».

«Отчего эти бородатые с огненными палками хотят истребить всё живое?»

Культурный шок от столкновения с горластыми, напористыми русскими, их водкой, их грохочущим оружием был невыносимо силен. И обрушился он на людей, совершенно к шоку не готовых. Георг Стеллер писал о жителях Камчатки:

Ительмены не питают никаких надежд на будущее, а живут только настоящим... Склонность к самоубийству у них настолько сильна, что иногда

они убивают себя только из-за того, что стали стары, немощны и непригодны к жизни.

Глядя на русских сегодня, невольно думаешь, что они произошли от ительменов...

Справедливость требует не обвинять первопроходцев огульно. Были среди покорителей Востока и святые бесребреники. Скажем, Беринг.

Сенат потребовал с него финансовый отчёт об экспедиции — с копеечной точностью учесть каждую луковичу! — а он настроил «Предложение об улучшении положения народов Сибири». Каково?!

На дворе бирюзовщина. Пирь, балы, увеселения, женят шута на козе, совками отсыпают лизоблюдам бриллианты. По улицам водят человека в мешке, с цепью на шее; на кого он укажет — тот погиб. Папан будущего генералиссимуса Суворова с братом страшного Андрюшки Ушакова — шефа Тайной канцелярии — вздёргивает людей на дыбу и порет их кнутом. Тут является Беринг с прожектом об улучшении жизни ительменов! Явно блаженный, а блаженных на Руси не обижают.

Что касается отваги — все освоители дальних окраин поголовно люди из легенды.

Промышленники плыли в Америку на *шитиках* — судах, обшивка которых скреплялась китовым усом, ремнями или таловыми прутьями. Сколько таких шитиков рассыпалось в пути?..

Когда в Испании и Голландии строили галеоны и корветы — у нас связывали суда лозой! И плыли на них за горизонт. Да хоть к чёрту на рога! только подальше от безумства столичной знати, их роскоши, алчности, удушающей атмосферы доносов, слежки и поборов. Центральная Россия, словно чудо-мельница, выбрасывала людской поток: «На Восток! На Восток!»

Суда на ремнях сменили *гвозденики*, на медных гвоздях. Чудовищные, грузные, с короткой мачтой-бревном (иначе ветер переломит) и парусом с кафтан величиной (из экономии), они плыли только при попутном ветре, или дрейфовали. От Камчатки до Алеутов гвозденик добирался год!

Вы согласны год плыть в Америку на судне-уроде, заживо сгнивая от цинги, чтобы в конце пути получить в живот копыё алеута или эскимоса? Это невозможно ни перенести, ни повторить. Мы не можем судить этих людей по нашим меркам.

Под стать промышленникам и морские офицеры — те даже прибыли не искали.

Они шли через всю страну, ломая людей и лошадей, тащивших на себе корабельную оснастку — включая якоря! Они сами горели, как спички. Лейтенант Прончищев взял в плавание к Таймыру жену Машу, которой не было 19-ти. Супруги умерли в походе, с разрывом в пять дней.

Они столбили новые берега своими могилами. Надписи на крестах становились названиями на карте. Только Беринг (святой, что с него взять!) ничего своим именем не назвал — это сделали потом.

Им хотелось узнать, где кончается Россия, потому что её край там, куда они дойдут.

Соседи

— *Внимание! Мне нужна дюжина крепких молодых для дальней морской прогулки. Мы отправляемся в испанскую Алаину, на остров Розарио-дель-Норте, до него всего тысяча миль. Плачу восемь фунтов каждому добровольцу, плюс по три соверена тем, кто захватит оружие. По прибытии — крупная денежная премия. Есть желающие? ***

— Славно здесь. — Лиса с наслаждением вдохнула пьянящий воздух. — Даже зимой тепло. Слышь, Топорок, тут никогда снега не бывает! И листва не желтеет...

Хижины-временки ставили на бамбуковых шестах, крыли громадными листьями, похожими на перья великанской птицы и твёрдыми, как жёсть. Дождь сливался с них, под крышей оставалось сухо.

— Здесь люди чужой. Язык другой, — старательно выговорил сын вождя. — Я иду печка, резать тюлень, топить жир.

Сегодня проводник вывел охотников на новое лежбище, где хрюкало и крякало целое поле морских зверей. Знай только бей, да старого самца к себе не подпускай — цапнет, насквозь прокусит!

«А-а-а! Гони, загоняй! Уходят! Не зевай, Тимоха! берегись!»

Стадо металось как похлёбка, взбаламученная ложкой, захлёстывая махущих дубинами охотников, оставляя на песке распластанные туши.

«Топорок, расплёл бы ты косы. Смех смотреть, будто девица», — подтрунивала Лиза, провожая Ермолая на охоту.

«Я... — мускулистый кумарин запнулся, подбирая правильное слово, — человек, который... охотник. Малому надо показать... что он... что я могу убить много. Сильный. Потом жена».

В промышленный поход с русскими отправились креолы и кумаре. На двенадцатисаженном пакетботе «Ягода» хватало места и людям, и пушкам, и бочкам для жира.

Митяй поплыл вдоль берега на зюйд — по государеву делу. Лиза осталась хозяйкой в отряде. Забойщиками командовал казак Рябой, а она распоряжалась на стоянке.

— Бочки полный, шкура в соль, — кратко доложил кумарин, когда добычу дня разделили. Над берегом поднялся дух горячей ворвани. — Мясо хотя бы взять маруны — дать?

— Лизавета Патрикеевна, мясо по твоей части, — повернулся Рябой. — Как распорядишься? Маруны нас привлекают не впервой...

Язык алаинских туземцев был равно чужд и Топорку, и Лизе; только Рябой и несколько казаков понимали их. Невысокие, ладно сложенные, чернявые и сильно смуглые, они сидели в стороне на корточках, посверкивая угольками глаз. Одежду им заменяли лубяные полотна. Рядом безмолвно держались собаки — поджарые, серо-жёлтые.

— Дадим. Позови их, дядя Рябой. Спроси, кто они.

Старший марун выслушал Рябого и заговорил, поднимая руки к угасающему небу.

— Они зовутся *фейя мара*, люди луны, или *манахуне*, свободные. Их остров — Лехапуа. Они хотят медаль, как у Топорка, мяса для собак, сабель, ружей и пороху.

— Медаль мой, — нахмурился Ермолай. — Отец вождь сегодня. Я вождь завтра. Если мне смерть, медаль дать другой сын.

— На твою они не зарятся, свою хотят. Однако, — Рябой огладил бороду, — нельзя давать. У нас мир с гишпанцами. Государь император велел — не заирать колонию... Так что в этот раз марунам хватит мяса.

Взамен — или ради доброго соседства, — маруны принесли невиданных мягких яблок, тающих во рту и таких вкусных, что Лиза была готова съесть их целую корзину.

Взошла серебряно-белая луна. Маруны удалились, завывая гимн своей небесной матери, на ходу кидая собакам куски тюленины.

— Эх, красиво. — Лиза глядела в море-океан, где по слабым волнам тянулась лунная дорожка. — Так бы и пошла по этой тропке, прямо к дому...

— Два, — сказал Топорок, стоявший в стороне.

— Что — два?

— Так говорить у нас. Один этот путь не ходить, только два рядом.

— Ты о чём это?

— Я смотреть лес. — Ермолай словно не слышал вопроса. — Тут зверь леса, слышу, ходит. Хочу убить. День — один зверь, ночь — другой.

— Смотри, маруна по ошибке не убей.

— Марун я узнать, как он ходит.

Из бамбуковой времянки Ермолай вышел с луком и стрелами, в безрукавке, заткнув за пояс нож и пару своих тёзок — малых, будто игрушечных топориков.

— Опять без порток! Сколько учить тебя жить по-русски...

Он улыбнулся:

— Так привык. Портки тесно.

Лиза убралась спать, сердясь на своенравного кумарина. Казалось, ну совсем друг дружку понимали, а едва стемнеет — он опять, словно пёс насто-рожён. Какого зверя ищет? жирнее прогонистой дикой свиньи тут никого...

К полуночи Лиза Патрикеевна убедилась, что звери здесь водятся, причём очень опасные. Немного мельче и смуглее кумар, но покрупней марунов и такие же черноволосые. Ещё эти звери носили платье из тонкой холстины, обувь, ножи и пистолы за поясами, а руководил ими кабельеро, гибкий и блестящий будто клинок толедской стали.

Впрочем, такие подробности она сумела разглядеть, лишь когда у неё с головы сняли мешок. Уже розовело утро. Голова кружилась, как от удара. Раскосые, стоявшие по сторонам, глядели настороженно и деревянно, будто языческие идолы.

— Прошу прощения, сеньорита, что я так неожиданно вас пригласил. — Кабальеро отвесил помятой Лисе церемонный поклон. Он понятно изъяснялся по-русски, только с особым выговором. — Позвольте представиться — дон Лукас Мирадор-и-Аламеда, барон де Вивер. Извините моих слуг. Что поделат! И вы, и я — мы находимся на Лехапуа неофициально. Ваши казаки, которые привезли марунам оружие — тоже. Вооружать туземцев — незаконно. Если вас не устраивает моё общество, вы можете меня покинуть... сразу, как только пакетбот уйдёт из этих вод — вместе с ружьями и боеприпасами.

— Елизавета, — кое-как назвалась Лиса. У неё шумело в ушах, язык вязнул во рту, а земля порой покачивалась под ногами. Зелье, которое она вдохнула, ещё не выветрилось из головы.

— Элизабета, чудесно. Вы грамотны?

— Нет, — твёрдо соврала она.

— Позвольте взглянуть на ваши руки.

Осмотр не принёс результатов. Ни колец, ни перстней, одни следы от вре́вок.

— Я в неловком положении, — признался дон Лукас. — Прошу великодушно простить, но я могу предложить вам лишь вещи из своего гардероба. Спальная рубашка — вам она будет как туника, — сорочка, *espartèas*², а также — пардон! — панталоны для верховой езды. Верхнюю юбку вам сошьют к обеду, но за её изящество я не ручаюсь. Портные из моих головорезов никудышные...

— Мне подарки не нужны! — Отдышавшись после путешествия в мешке, Лиза стала смелей.

— Поверьте, они вам понадобятся. Вместо письма я вынужден послать русским ваше платье, поэтому... — Он обратился к филиппинцам по-испански: — Поставьте для сеньориты вторую палатку. Две женщины будут ей прислуживать.

Лиза успела поднять крик и наговорить кабальеро много обидных слов, прежде чем он объяснил, что не замышляет ничего в ущерб её чести.

Уединившись со служанками в палатке, Лиса уgomонилась и стала с любопытством рыться в тряпках дона.

«Что за ткани! какое тонкое кружево!.. Сразу видно — барон, *hijo de algo*³. Как же мне удрать?... Косоглазых много — поди, и ночью стерегут. Надо разговаривать дона — неужто не поддастся?»

При всей обиде за похищение Лиса не питала большой ненависти к дону. Он был молод и статен, хорош собою, знал изящные манеры. Медовый загар дивно шёл светлому и гладкому от природы лицу, а чёрные усы и локоны делали кабальеро почти неотразимым.

— Дон Лукас звать вас обед, — передала служанка.

² плетённые туфли (исп.)

³ идадьго (исп.), «сын такого-то», дворянин

«Ну, я блесну!» — решила Лизавета, выбрав сорочку и длинную — до пят, — спальную рубашку из льняного муслина, ловко подпоясав её чёрным шёлковым шарфом-*фахой*. Филиппинки заахали, засуетились вокруг: «Мантилья, мантилья».

Кабальеро, увидев её, замер. Глаза его заметно округлились, а губы беззвучно выдохнули: «*Alma de Dios!*»⁴

Казалось, в палатку посреди вечнозелёного леса сошла богиня с этрусской вазы. Ткани плотно охватывали её стройный стан, обрисовывая прелестные формы. Вдобавок — рыжая как пламя, глаза цвета моря или неба.

Столь невинного бесстыдства нельзя увидеть ни в Маниле, ни в Мехико, ни в Мадриде — хотя там царит французская распущенность, — ни даже в Париже.

Ни следа той растрёпанной девки, которую недавно принесли сюда! Величие и простота в каждом жесте.

— Ах, вы так правильно по-русски говорите! до чего приятно слушать... — Лиса ловко обглаживала курью ножку. А может, и не курью — кто знает, чего там раскосые в лесу наловили. — Да, налейте. Ваше здоровье, дон Лукас!

— Я с юных лет на дипломатической службе. Работал с российскими послами. Но... Его Величество счёл, что я нужен здесь.

— В лесу?

Рыжая Элизабета пьянила сильнее вина. Откуда на тюленьей охоте такая пава? Не иначе как...

— Вы дочь коменданта Марфина. Не отнекивайтесь, сеньорита. О вас по островам ходит большая слава.

— Умираю узнать — какая же?

— Дева гор и моря. Бегаёт как олень, плавает как дельфин.

— Ой, пустые сплетни. Плавать у кумарок научилась. Что же вас... в лесот? Тут золота нет, любая земля далеко, одни зверобойные промыслы... Короллю не угодили?

— Его Величество Карл Четвёртый — слабоумный дурак, *pelele*⁵ — презрительно сказал дон Лукас. — Им вертит Бонапарт. Думаете, я смел только в лесу на Алаине? То же самое я сказал в Мадриде. Поэтому я здесь. Дальше сослать невозможно — Испания и Лехапуа находятся на противоположных сторонах глобуса. Как вам нравится барон в роли тайного агента? Можете смеяться...

Лиза доверительно прикоснулась к ладони Лукаса, заставив его сладко вздрогнуть:

— Как я вас понимаю! Вы благородный человек, а пропадаете зазря. А супруга ваша?..

— Я холост, сеньорита.

⁴ Господи! (исп.)

⁵ паяц, тряпичная кукла (исп.)

«Эх, будь я дура, если тебя не соблазню! Дай мне денёк-другой, и будешь мой, вместе с усами и баронством. Только б Митяй дело не сорвал... Этот явится с пистолем — и спрашивать не станет, сразу пулю в лоб. Тем более, я в таком наряде! Что он подумает?..»

Будущее показало, что Лиса боялась не того, кого следовало.

Осенний закат на Алаинах дивно хорош. Оказалось, дон Лукас уже наотпал тропочку для прогулок и, конечно, захотел показать её госте:

— Хотите ли полюбоваться закатом?

Сзади бесшумно шли четверо раскосых с оружием.

— Я вовсе не враг русским, сеньорита. Есть приказ, я его исполняю. Если бы не долг — служить Испании, — и не доноски среди моих людей... Но чисто лично должен заметить — зря ваш достойный отец снабжает марунов оружием. Сейчас они стреляют в нас, а завтра возьмут на прицел вас. Да, европейцы жестоки. Но у нас, по крайней мере, есть понятие о чести, о милосердии... А попади вы в руки марунов одна, ваша участь будет ужасна. Было бы непростительной глупостью утверждать, что отсталые народы — наши братья. Если дать волю псу, он станет волком и разорвёт хозяина. Как говорят у нас: «*Alhijo y mulo para el culo*»⁶. Разве ваши лотаряне и кумаре — чистые «естественные люди», о которых грезил мсье Жан-Жак Руссо?.. Это разумные звери. Дайте им ружья — и ни тюленей, ни оленей здесь не останется; уцелеют одни пташки.

Лиса слушала его и хмурилась: «Он не со мной говорит — спорит с кем-то, кто остался в Мадриде. Но насчёт кумар — пожалуй, верно...».

Зря дон Лукас помянул кумар — их позови, вмиг явятся.

Закат был чудесен, Лиса взяла кабальеро за руку, но тут сзади кто-то ахнул.

Раскосый упал — в спине кумарская стрела, — а вторая уже воткнулась в грудь тому, кто обернулся лицом к опасности. Сразу вслед за стрелами по воздуху прошуршали топорики — одному по черепу, другому по рёбрам.

Прежде, чем дон Лукас схватился за пистолет, Лиса ловко выхватила оружие из его кобуры и, отступив, взвела курок:

— Ни шагу!

Потом она метнула взгляд на Ермолая, прыжком выскочившего из зарослей — в руке готовый к броску нож:

— Стой! не смей!

— Почему? — спросил сын вождя, не спуская глаз с испанца. Тот подносил руку к эфесу шпаги.

— Дон Лукас, без глупостей. Топорок быстрее вас.

— Ваш пёс... — медленно кивнул испанец. — Верный слуга.

— Спасибо за платье и угощение, кабальеро. Ваша ласка вам на пользу — останетесь живы. Топорок, привяжи его к дереву и заткни рот... Когда вас освободят, уносите ноги — утром тут будут казаки.

⁶ Что с сыном, что с ослом разговор один — батогом (исп.)

Кумарин и рыжая фея растаяли в темноте вечернего леса, а дон Лукас остался в приятном обществе: два покойника, третий без памяти, четвёртый от боли свернулся в клубок, боясьдохнуть.

Солнце зашло, но тепло осеннего дня долго витало в воздухе — оно чувствовалось ещё тогда, когда филиппинцы нашли своего господина.

Климат тропический, жаркий и влажный (на северных Алаинах — субтропический). Тёплое С течение. Ветры января — СЗЗ, июля — В. Средняя температура января +15°C, июля +28°C (на северных о-вах соотв. +14°C и +27°C). Растительность: гибискус, пальма Алаина, панданус, алеврит, кокосовая пальма, орхидеи, папоротники, бамбуки, магнолии и камелии.

...И по благу в монастырь

Патрик бушевал:

— Стыд и срам! Что по островам говорить станут?! Марфина дочь в мужских панталонах вернулась, в испанской ночной сорочке! девичью честь под кустом забыла!.. А ты — брат родной, — куда смотрел?

— Брат!.. — смущённо буркнул Митяй, пряча глаза и щёлкая курком пистоля. — За ней пятнадцать казаков следили — не устерегли!.. Уж если девушка споётся с кем, её на цепи не удержишь, в сорок глаз не уследишь...

— Значит, у них сговор был!

— Как же без сговора-то? Обязательно был. Лизка-то — тюленя веслом убить может, а тут — под ручку с испанцем гуляла, ворковала. Знамо, бежала к нему по согласию...

— Ты откуда знаешь, как она гуляла?!

— Топорок, честная душа, всё видел; он и рассказал.

— Ермолаю, спасителю Лизаньки, надо вторую медаль дать, — пылко вмешалась мать Татьяна.

— Пороть его надо, спасителя! — вскипел комендант. — Был в трёх шагах, с ножом в руках — и вражеского резидента не убил! Ему, видите ли, баба не велела!.. Эдак бы я Главному правителю отписал: «Никак не могу, государь мой, солеварню строить — жена не велит, я её слушаюсь!» То-то бы меня медалью наградили!..

— Может, послушаешь меня — и лучше будет, — упрямо твердила Таня. — Церкву ты поставил, железный завод выстроил, молодец — а дочка не пристроена! Я, что ли, должна ей жениха присматривать? С кем капитаны встречаются, с кем офицеры водку пьют — нешто со мной? Вот бы и подыскал из приезжих. Девушка на выданье, томится, в ней кровь кипит — далеко ли до безумства? Испанец был барон, неженатый, а что католик — нам не привыкать вас обуздывать...

— Хватал бы его, и сюда! — напустился Патрик на Митяя. — Пусть выбирал бы — в петлю или под венец. Такое дело надо честным браком покрывать!

— Схватишь, как же. Лизка сама ему сказала: «Убегай, казаки близко». Пока мы вдогон пустились, он давно якоря поднял.

— Измена — и где? в родном доме!.. Лизку — в холодную!

— Родную дочь! — вскричала Татьяна.

— Там преподобный Тихон в веригах прохлаждается, — напомнил Митяй.

— Вот, пусть ему в грехах исповедуется — было что, или не было.

— Не было, так будет — с Тихоном-то...

— Тихон — слякоть, медуза без костей. — Патрикей отмахнулся.

— Рядом с Лисой все как порох загораются. Ахнуть не успеешь.

Комендант призадумался и, вздохнув, спросил негромко:

— Как она там, в светёлке?..

— Что ей делать — плачет! — сердито бросила Татьяна.

— Кается?

— Нет, об испанце ревёт, — вставил Митяй. — Переживает — какой барон красавец был.

— Да как ей не плакать, слёз горьких не лить? — пошла Таня на Патрика, взмахивая руками. — Каково молодой жить без мужней ласки? А где женихи? где, я спрашиваю?! Был один — из Мадрида бурей занесло, — и того спугнули!

— Где я второго барона найду? — Патрикей пятился. — Тут на тысячу миль вокруг — одна вода.

— ...и не простого офицеришку, а ровню! Кто ей ровня, комендантской дочери? Ты — отец, Митя — брат, а Топорок — без порток, одна медаль на шее! Не дам дочь за кумарина, хоть ты стреляй меня на месте.

— Что там Поля про вашу старшую, Марью, говорила?.. — Патрик хмурился, потирая подбородок.

— Не Марья она — игуменья Нимфодора, — сердито поправила Таня. — В монастырь я Лизу тоже не отдам. Моя кровь жить должна.

— Я не о том. Сколько стволов в крепости — там, где монастырь поставили?

— Казаков и солдат — по полсотни, дюжина пушек с канонирами, два бота с экипажами. Будет больше. Через их залив суда часто ходят.

«За Лизаветой нужен родной глаз, — решил про себя комендант. — Игуменья в годах, вдовая, всю жизнь на себе испытала — эта племяннице спуску не даст. Отправлю жить в Воскресенский монастырь. Иначе здесь её Митяй до старости девой сохранит».

Марью, первую дочь Лотарева — рождённую филиппинкой от айна, — он встречал. Тётка строгая, лет шестидесяти, но в глазах — потаённая улыбка.

— Собирай Лизе сундук. Поедет на Палану, в гости к тётушке.

Паланские о-ва (гавайск. *Палалуа*, «Вторая родина») — расп. между 33° и 38°8' с.ш., 174°22' в.д. и 179°36' з.д. Площ. ок. 43,5 тыс. км². В XII в. южные п.о. заселены гавайцами (т.н. паланами). В 1801 г. на северных п.о. русскими основаны посёлки Дальний и Новый Кронштадт, в 1803 г. — форт Александров-Паланский на о.Токи Кахауна (гавайск. «*Топор колдуна*»). В 1826 году, после покорения туземных королевств Палалуа и Алаина, создано Рус.-Океанск. наместничество в составе Российской империи.

— Что, зятёк, махнём на охоту? — загремел Митяй, лавиной врываясь в дом. — Я ещё не всех черепах побил, на наш век хватит. Лиса, солнышко моё рыжее, согрей братца! Продуло, у руля стоял...

Лизины дети с криком прыгали вокруг. Дядя Митя приплыл — ух, что теперь будет! Черепаховый суп, горячий! А панцири — это заколки, гребни, пряжки, брошки, пуговики! Дядя — первый в Океании добытчик, хлеще всех.

Улыбаясь, цветущая Лиза обняла, расцеловала Митяя. Он всё такой же, вихрем налетает, как те ветры — *тай-фу* по-китайски, — которые порой бьют на Палане с лета по октябрь.

— С твоим размахом море скоро опустеет, — усмехнулся зять, капитан Брагин, в прошлом — О'Брайен, мятежник против британской короны, чудом избежавший петли.

— Оно большое, не вычерпать. — Митяй сделал по-русски широкий жест. — Тут у нас не зевай, хватай, пока само в руки идёт. Дай срок — и Россия, и вся Англия на наши пуговицы застегнётся. Наше море крепко — ещё два корабля в Новом Кронштадте заложено, с шхунным вооружением, по чертежам балтиморских клиперов. Ни один браконьер не уйдёт...

— Пожалуйте кушать, — поклонилась горничная-паланка.

— Предварительно желаю выпить водочки. — Митяй ринулся к столу, потирая хваткие тяжёлые ладони, привычные к штурвалу, гарпуну и сабле.

Отобедав, мужчины удалились на террасу, покурить сигар и обсудить охотничьи дела. Лиза распоряжалась по хозяйству, пока бой не крикнул у калитки: «Почта для господина капитана!»

— Лиззи, вели передать мне письма! — громогласно попросил с террасы муж, всегда напоминавший миссис Брагиной отца.

— Сию минуту — но газеты мои!

Увлекательно читать — что там, за горизонтом? Большой мир всегда манит жителей отдалённых островов.

За морем-океаном всякое случалось. Мексика отделилась от Испании, Бразилия — от Португалии, умер (наконец-то!) океанный Бонапарт.

Российские новости были мирными — Петропавловский острог на Камчатке преобразован в город, министром иностранных дел стал Карл Нессельроде.

«Калифорния подверглась жесточайшему пиратскому набегу. Флот под водительством американца Кокрэйна, состоящего на службе чилийских республиканцев, якобы для борьбы с роялистами обрушился на здешние порты, сея разрушения и смерть. Жители оплакивают губернатора барона де Вивера, в прошлом славного и отважного вождя герильерос⁷, изгнавших Наполеона из Испании...»

⁷ партизаны (исп.)

«Хотите ли полюбоваться закатом?» — спросило с листа знакомое лицо — постаревшее, со шрамом и чёрной повязкой на глазнице.

— Мама, что ты? — испуганно спросила дочь. — Тебе больно?

— Ничего... — Лиза утёрла слёзы. — Так бывает — судьба в очи заглянула.

*Граф Бенедиктов, правивший Русско-Океанским наместничеством, слыл сибаритом. Рассказывали, что его ставка в Александрове-Паланском — волшебный сад чудес, прямо-таки Версаль или Альгамбра, Эдем в субтропиках. Скирюк, агент и даже отец Леонтий ждали, когда Володихин разгорячится напитками и поведает, как обольстительные паланки в одних юбочках из перьев (грешно, зато красиво) умащают полунагого Бенедиктова, паланы оведают наместника опахалами, а на ветвях гибискуса поют райские птицы. ***

Дважды наступив на грабли

В вестибюле петергофского дворца Коттедж висит щит из панциря морской черепахи. На щите укреплен герб парка Александрия, названного в честь жены Николая I — в синем поле венок роз, меч и девиз: «За веру, царя и отечество».

На оборотной стороне щита — табличка:

«Верноподданейше Государю Императору — Российско-Американской кампании морской офицер Дмитрий Патрикеев Марфин, добыча 1829 года июня 20 дня, у острова Кудулава».

А ныне?

В необозримых просторах океана, руководимая генетической памятью, плывёт к Алаинам древняя черепаха. Она помнит те времена, когда воды кишели зверьём, когда тысячи её сестёр выползали на песок; она помнит этот берег. Её сопровождает корабль американских экологов. На лапе у черепахи — бирка, на панцире прикреплен нейлоновый тросик с воздушным шаром. На Алаинах черепаху ждёт сюрприз: из Флоридского террариума на самолёте ей доставлен друг. Учёные с замиранием сердца следят — спарятся эти живые чемоданы или нет? Если нет — виду конец.

Пушнина — «мягкое золото», — нестойка. меховой водоворот, выкачанный из Сибири за века — утрачен. Шкурки сгнили, осыпались; мех съела моль. Богатство расточилось в прах.

Но ведь были деньги, реальные, их можно было преумножить, вложив в промышленность, строительство. Можно — если бы не безумная роскошь пиров, дворцов, балов...

Современный человек живёт в мире, где улицы и квартиры освещают маленькие рукотворные солнца. Лампы продлевают день. Мы буквально пьём электричество.

А раньше всё освещалось жиром морских животных. Киты, тюлени, моржи — сожжены во славу прогресса. Это был ресурс. Китобои и зверобои ра-

ботали без роздыха, чтобы «горели тихо свечи». На балах, во дворцах, в университетах. Казалось, живое море неисчерпаемо. Но вдруг показалось дно.

Сейчас мир нашёл другие энергоносители — нефть и газ. И вновь люди отправились на север, покорять Сибирь. Траки рвут лишайник, вертолёты сдувают птиц с гнёзд. Вахта за вахтой уходят на добычу. «Чёрное золото», «Газ — трубы», мегапроекты века!

Потомок, изучив лет через двести астрономические цифры выкачанных кубометров и баррелей, спросит: «Где? Где это богатство?.. Они же в деньгах купались! Куда всё делось?»

Промотали, пропили, профукали на фейерверки, пустили на полиэтиленовые пакеты.

Только свист стылого ветра над просторами, да в бескрайних болотах торчат скелеты буровых вышек, выются ржавые кишки лопнувших труб и рушатся своды в пустотах недр.

Сколько раз можно наступать на грабли?

Продолжение следует

МАРИЯ ПОПОВА

«НОВАЯ ФАНТАСТИКА»

ГЕННАДИЯ ПРАШКЕВИЧА

При слове «новый» мне чаще всего вспоминается такой анекдот: на собрании акционеров крупной компании по поводу десятилетия популярной марки шампуня поднимается вопрос, продолжать ли писать «новый» на упаковке?

А в самом деле, что называть новым: появившуюся сегодня утром модель сотового телефона, которая вечером будет продаваться за полцены в магазинах б/у электроники, или электрическую лампочку, которая существует совсем недавно в сравнении со всей историей человечества?

В некоторых интервью Геннадий Прашкевич называет свои произведения нынешнего, недавно начавшегося века, — «новой фантастикой». Книжки, о которых мне хотелось бы здесь порассуждать, действительно написаны им в последнее десятилетие: «Царь-ужас» в 2002-ом году («Кормчая книга», Азбука-классика, Санкт-Петербург), «Золотой миллиард» в 2005-ом («Золотой миллиард», АСТ-Транзиткнига, Москва), «Божественная комедия» в 2006-ом («Полдень. XXI век», №6, Санкт-Петербург). Но, разумеется, дело не в датах. В этих книгах действительно есть то актуальное своеобразие, которое позволяет употреблять слово «новый» без всякого оттенка анекдотичности. Это своеобразие чувствуется как в стиле, своем для каждого произведения, так и в содержании, но стилиевые особенности оставим более компетентным в данной области специалистам. Главная новизна, на мой взгляд, заключается в том, что автор вовремя ответил на вызовы современного общества — стремительно эволюционирующего и все более массового. В таких условиях автору важно понять, где именно происходят главные изменения, на чем нужно сфокусировать внимание. Геннадий Прашкевич, похоже, такой фокус нашел.

Среди признанных достоинств фантастики — возможность создавать критические, пиковые ситуации, позволяющие проверить героев «на разрыв», посмотреть, что будет делать человек, оказавшийся в нечеловеческих условиях на пределе возможности. Подобные эксперименты по принципу «а что, если?..» объединяют и указанные выше произведения. Однако автор предпочитает в качестве объекта эксперимента не какую-то особенную личность, а человеческое общество в целом. Он проверяет на разрыв общечеловеческие установки, в первую очередь, мораль. Кроме того, Геннадия Прашкевича интересуют те черты, которые остаются неизменными в любых коллизиях и катастрофах. И ему действительно удалось найти одну такую черту, фактически определяющую человека как понятие.

Какую — будет ясно позже.

«Царь-ужас» — мирный бунт как способ выжить

Общество будущего, описанное в романе «Царь-ужасе», подчинено жёсткой дисциплине. Настолько жёсткой и безоговорочной, что появляется вопрос, насколько оно человеческое — даже не человеческое, а именно человеческое — в нашем понимании?

Мы привыкли «развивать индивидуальность», «раскрывать способности», «реализовывать возможности», мы твёрдо выучили, что человек — это личность, уникальная, неповторимая, и ценная именно своей уникальностью и неповторимостью. Глобальная катастрофа, вызванная падением на Землю астероида Тютатес, заставила отбросить всё, что мешает выживанию, стать единой сплочённой массой. Не только жизнь, само солнце, кажется, загнано в узкие рамки постапокалиптического существования — «проглядывало мертво и угрюмо сквозь багровые пылевые облака», «просвечивало страшным пятном сквозь черную злую дымку», «пробивалось сквозь ледяную кристаллическую мглу».

На место астероида, впрочем, можно подставить что угодно: ядерную войну, глобальное потепление, продовольственный кризис, нашествие боевых человекоподобных роботов — результат будет практически тот же.

Вспомнилось: в прошлом году в Петербурге предлагалось ввести что-то вроде продовольственных карточек для малообеспеченных жителей. Дело благородное, но не значит ли это, что мы возвращаемся к печальной необходимости распределения продуктов «сверху»? Мировой экономический кризис способен заставить большую часть человечества перейти к выживанию вместо жизни, а если прибавить сюда возрастающие меры безопасности «перед лицом мирового терроризма», картина получается совсем печальная.

Однако вернемся к книге. Одно из самых ярких проявлений жесткой регламентации жизни — знакомое читателю по множеству антиутопий распределение мужей и жен согласно генетической сочетаемости. Интересно, что при этом не требуется радостно принимать каждое решение начальства: «Это нехорошо, что Лим Осуэлл получила от генетиков мой знак. Я предпочел бы жене менее впечатлительную». То есть, тут нет характерного для классической антиутопии угнетения или «промывания мозгов» — все ограничения обоснованы объективной внешней угрозой.

На первый взгляд, ход с генетическим распределением откровенно заезжен. Но, на самом деле, это действительно логичное решение для человечества, поставленного перед угрозой вымирания. Во-вторых, подобный сюжет — своего рода закладка, отсылка к предшественникам, позволяющая не описывать подробно самые очевидные характеристики изучаемого общества. Осталось лишь отчеркнуть несколько деталей вроде подземной базы, «уродов» за ее границей, регулярных дежурств и скорее перейти к главному.

Итак, «от прежней роскоши» остались только яркие цвета костюмов, контрастирующие с общей рациональной серостью. «Красное пальто с голубым воротником, красные носки, желто-черная обувь, черные брюки, зеленый

пиджак, жилет небесного цвета, узенький красный галстук» — отчаянно-безвкусный «пир во время чумы».

Совсем недавно на большой экран вышел фильм «Стиляги» — достаточно удачная попытка российского кино вернуться к жанру мюзикла — где яркая «стильная» одежда (да еще джаз) становится для молодежи единственной возможностью выделиться из подчеркнуто серого мира советских будней. Да и сейчас стоит взглянуть на всевозможные молодежные группировки или на «гламурных барышень», как аналогии напрашиваются сами собой. Не стоит ли за этой подчеркнутой яркостью очередная попытка хоть как-то скрасить не столь уж яркую жизнь?

Но мы снова отвлеклись. Еще один «привет из прошлого» для людей «Царь-ужаса» — непонятная пустота, сводящая с ума юношей и девушек, когда задачи по выживанию выполнены и неожиданно остаётся свободное время. Не в силах заполнить пустоту, люди будущего один за другим кончают жизнь самоубийством. Решая эту проблему, руководители нового мира пытаются найти ту жизненно важную субстанцию, которая заполняла подобную пустоту для прежних землян и была утрачена после катастрофы, и натываются на странное понятие «искусство».

Вот она, та существенная деталь, на которой автор изо всех сил заостряет наше внимание, то самое главное следствие из «а если...» В постапокалиптическом обществе не просто отсутствует искусство. О нем, как о явлении нерациональном и отвлекающем силы от выживания, забыли настолько, что утратили само понимание этого явления: «...об искусстве вообще известно было лишь то (апокриф Майкла), что оно якобы смягчает нравы». С другой стороны, тяга к искусству сохранилась, несмотря на то, что понятие утрачено!

После долгих поисков подходящего объекта «новые искусствоведы» извлекают из прошлого некоего Семёна Юшина, узника концлагеря с прекрасной татуировкой на спине — женщиной, похожей на египтянку. И эти несколько линий на коже, да ещё неуклюжий рисунок Семёна — бутылка и две рюмки, вывеска парижского кафе — действительно меняют изнутри застывшее общество, заставляют его волноваться, а молодёжь бунтовать — то есть быть самими собой. «Мы молоды, мир — наш!» — новая жизнь взамен шагу в пропасть, и пусть пока что бунтари рисуют все ту же бутылку «Перно» и все те же рюмки рядом с ней. Любой другой бунт был бы невозможен, потому что, повторюсь, давление на людей идет не «сверху», от правителей, а «снаружи», от враждебной природы, бунтовать против которой бессмысленно. Вернуть человечеству человека оказывается способным только искусство как нечто абсолютно нерациональное, но при этом жизненно необходимое.

Интересно, что общество, описанное в романе Геннадия Прашкевича, считая объектом искусства не рисунок на спине героя, а самого Семёна. «Экспонат X» — его официальное название. С одной стороны, оскорбительно для человека, по нашим меркам, разумеется. Тем более, для того, кто столько пережил: выжил в Цусимском сражении, влюбился до безумия в

проститутку-француженку, прошел советский концлагерь, опять выжил, воевал в Великую Отечественную, выжил, попал в фашистский концлагерь, снова выжил, пусть и благодаря помощи из будущего. Вот где настоящий-то ужас, причем далеко не фантастический! С другой стороны, может, это и есть проявления настоящего Искусства? Размашистые мазки чьей-то уверенной кисти, увлеченно рисующей человеческую жизнь? Над этим вопросом стоит подумать.

«Божественная комедия» — прощай, мораль?

В «Божественной комедии» всё, на первый взгляд, по-другому. Главная героиня — мадам Катрин — прекрасно бы смотрелась на страницах гламурного женского чтива. Женщина, самостоятельно проложившая путь от провинциальной Катьки Лажовской через промежуточные постели до баронессы Катрин фон Баум и любовницы всесильного наркобарона — настоящая «героиня нашего времени». Если не в новизне, то в современности здесь Геннадия Пращкевичу точно не откажешь.

Когда-то Катька ездила на дачу — «дерьмовый SPA», по её выражению — с подвыпившей тусовкой, и в то же время — мечты о Лазурном берегу. Нет, не мечты — твердая решимость добиться своего во что бы то ни стало. Потом — «Почему он оказался в вашей постели?» — «В те дни я была одна, а у него были деньги». Золушка превратилась в гейшу. Действительно современно и типично. Даже стандартно, если бы не одна навязчивая идея, которая только и отличает Катрин от неживой гламурной куклы — погоня за давно умершим художником, точнее, за разгадкой его тайны.

Мир, в котором живет мадам Катрин, не блещет оригинальностью. Точнее, он знаком нам, как отражение в зеркале: всё та же богема всё так же ахает над очередным избранным для поклонения «гением» (мёртвым, чтоб никому не было обидно), главную картину которого, естественно, никто не видел, и всё те же проститутки курят в барах дешёвые сигареты. «Постоянно меняется ценностная ориентация. Раньше ходили на Репина, потом на импрессионистов, теперь на белый квадрат». Что это, деградация ценностей или разные грани одной и той же пустоты?

И все так же в этом мире стоят элитные отели, попасть в которые могут только избранные.

Впрочем, как раз порог отеля «Парадиз» и отделяет «Божественную комедию» от гламура с приключениями. Потому что за порогом появляется, наконец, долгожданное «если бы», намеки на которое преследуют читателя с самого начала повести. Только в середине повествования писатель после долгих намеков, наконец, бросает свой камешек в человеческую массу и смотрит, какие идут круги.

На этот раз камешек вроде бы меньше Тоутатеса: изобретение, применённое для начала в стенах отеля, позволяет общаться с любым человеком, даже если он умер, даже если он знаком только по сплетням и газетным вырезкам. «Вспомни улыбку, вспомни, как касались ваши языч-

ки, вспомни губы, руки, походку, цвет глаз, в твоём подсознании всё сохранено, как в памяти самого мощного компьютера. Вспомни, и ментальная матрица мгновенно расположит информацию в нужном порядке, а система, встроенная во всё это... она выдернет нужного тебе человека из любой эпохи».

Автор не слишком трудился над тем, чтобы создать убедительную научную концепцию. Но такой цели перед повестью и не стоит — в данном случае Геннадия Пращкевичу интересно не столько «если...», сколько «тогда...»

И тогда... «Впервые между человеком и объектом его любви ничего не стоит. И нет больше несчастий, порождённых тем, что мы так долго считали моралью». Значит, делаем вывод вслед за героем, и самой морали больше нет? То есть, конечно, какая-то мораль ещё будет, но какая? Сам-то изобретатель был уверен, что делает мир счастливым, что позволяет человеку вырваться из тюрьмы собственного тела. Снимая преграды, стоящие перед любовью, он, видимо, надеется сделать ненужными преступления, совершаемые ради любви или из ревности, уничтожить самые злые печали, приводящие неокрепшие сердца на край крыши. С другой стороны: «Мир вращается вокруг тебя. Легкое движение твоих бёдер меняет судьбы, один твой кивок перекраивает мир». Человек становится центром собственного мира, Богом для образов, порождённых его подсознанием.

Реально ли устоять на вершине этой Вавилонской башни, не рухнув вниз под тяжестью собственного эгоизма? Стоит ли менять борьбу за счастье на заточение в очередной тюрьме — пусть на этот раз не из плоти, но из мысли? «Там, где возможно всё, там уже ничего не имеет значения». На мой взгляд, такой вариант намного более страшен, чем старомодные страсти по несбыточным чувствам.

Для чего писатель проводит столь необычный эксперимент?

Обратимся к структуре повести. Текст делится на небольшие эпизоды — файлы, представляющие собой то картинки из жизни героини, неизменно заканчивающиеся сообщением «файл оборван», то списки «люблю — не люблю» для каждого периода её жизни.

НЕНАВИЖУ:

Подгоревшую яичницу

Совхозного быка Сергуньку

Алгебру и тригонометрию...

ОБОЖАЮ:

Плюшевого медведя

«Маркшейдер кунст»

Ляльку Шершавину...

Финал позволяет думать, что эти файлы — обрывки ментальной матрицы Катрин. Но гораздо больше они напоминают намного более реальную

вещь — записи в блогах. Если чуть-чуть пофантазировать, получится, что каждый человек, пользующийся Интернетом, оставляет в сети отпечаток личности. Возможно, со временем реально будет создать «бота» (диалоговую программу-робота), способную натурально заменять в общении каждого конкретного человека. Учитывая, что для многих цифровая реальность уже становится роднее материальной, эксперимент Геннадия Прашкевича снова оказывается актуальным.

А пока мир на пороге преобразования, художник, восставший из небытия (точнее, из ментальной матрицы, но это имеет не больше значения, чем в «Царь-ужасе» — причина глобальной катастрофы) снова рисует свою гениальную — на этот раз безо всяких кавычек — картину. На белом квадрате — скрипка и смычок. Объект искусства и инструмент искусства в одном. «Вещь в себе» — и в то же время мощный двигатель, подаривший смысл «кукольной» жизни героини.

Или великое изобретение, поставившее мир на грани нравственного переворота, на самом деле появилось только ради этой картины? И мы снова получаем связь: Бог — творец — искусство?

«Золотой миллиард» — от человека до балласта один шаг

В «Золотом миллиарде» на первом плане все время остается тема морали. Здесь общество приближалось к краю катастрофы медленно, а потому часть его — целый миллиард — смогла неплохо приспособиться к новым условиям. Главная проблема этих людей — что же делать с теми семью миллиардами, которые приспособиться не успели? Точнее, на них объективно не хватило ресурсов.

Объективно! — а значит, можно успокоиться, отгородиться вооружёнными кордонами в благополучном Экополисе, задабривать голодных уродов «языками» из питательных дрожжей. Вот только незадача, программа «языков» не позволяет таким умным, генетически совершенным, таким красивым и замечательным людям развиваться дальше: двигать науку, летать в космос. Семи миллиардам людей, оказавшихся за гранью цивилизации, уже не помочь гуманитарной помощью и отправкой благородных миссионеров. Одна попытка накормить тех, кто ближе к границе, простейшим продуктом стоит огромных затрат. Правда, отказаться от программы совсем — значит навлечь на себя зависть и гнев соседей, открыть границы и поделиться всеми достижениями цивилизации — попытка накрыть одним одеялом роту солдат. Оттого что одеяло порвется, теплее никому не станет.

Прежняя мораль просто не справляется с дилеммой.

Интересно, считали ли статистики, социологи, футурологи, или на чьей еще совести подобные прогнозы, как скоро человечество действительно столкнется с такой проблемой? К сожалению, вариант Экополиса и «территорий для остальных» выглядит сегодня гораздо реальнее, чем романтическое освоение далеких планет или глубин Мирового океана. Найдут ли к этому времени ученые выход, чтобы обеспечить достойное существование всем жителям планеты?

Выход, найденный жителями Экополиса, не имеет ничего общего с нашими ценностными установками. Мораль нового мира эволюционировала, как любое другое свойство живого организма перед угрозой выживанию. Самым разумным оказалось объявить себя новой ступенью эволюции и откреститься от всех обязательств перед «старшими братьями». Новая бактерия, уничтожая зародыши женского пола, поможет отвратительным «питекантропам» мирно и безболезненно вымереть через пару поколений. «Только представители золотого миллиарда выйдут в космос, построят мир, достойный Нового человека, — говорит ученый, идеолог «вершины эволюции». — Привыкайте, привыкайте, привыкайте к той мысли, что мы с вами и составляем этот миллиард. Привыкайте, привыкайте, привыкайте к той мысли, что Новое человечество — это мы». Удивительно похоже на фашизм, только бескровный и без явного предпочтения одной расы (в прежнем понимании этого слова) остальным, а значит, фашизм почти оправданный, почти привлекательный. И никакой жестокости по отношению к генетически неполноценным — действительно неполноценным, то есть с поврежденной ДНК — они могут спокойно доживать свои жизни так, как уже привыкли, а затем уже уступить место здоровым «братьям».

К чему приведёт дальнейшее моделирование человеческой расы с помощью избирательных бактерий, задумываются пока немногие — есть гораздо более насущные проблемы. Мы видим эти проблемы глазами главного героя, который прошёл через территории, населённые «уродами» — людьми, оставшимися за пределами уютного благополучия, лишившимися элементарных благ и потому готовыми силой взять свое. Гай — центральный герой «Золотого миллиарда» — практически стал одним из них, разделил все их беды, даже, в конце концов, взялся за поиск документов, которые могли бы помочь «восстановить справедливость». Но он же, вернувшись домой, подсознательно готов голосовать за курс, выбранный «золотым миллиардом». Почему? Да потому что он изначально принял мораль, сформировавшуюся в его обществе, позволяющую спокойно принять жертвы во имя эволюции (или всё же банального процветания избранных?), позволяющую считать семь миллиардов людей биомассой, непродуктивно потребляющей ресурсы.

Можно привести ещё один второстепенный, но яркий пример трансформации моральных установок жителей Экополиса. В городе благоденствия прославляется материнство, многодетность — как способ поддержания необходимого генетического разнообразия. До боли знакомый, в общем-то, способ выведения «расово полноценных арийцев». «Всего лишь несколько аминокислот... Эссенциальные жирные кислоты. То, что мы называем витаминами. Вода, кислород... Усвояемые углеводы... Из такого простого набора, Гай, я сама синтезирую настоящего человека», — гордится Мутти, типичная представительница «золотого миллиарда», беременная шестым ребёнком.

Но гражданский долг матери заканчивается именно вынашиванием. Мутти весело щебечет, пересказывает последние слухи, говорит о своей беременности как о подвиге, но ни слова не произносит о пяти-рых рождённых до этого детях. Любит ли она их хоть каплю? Вряд ли, и это никого не удивляет. Кстати, та же Мутти спокойно доносит на своего друга, а потом искренне радуется заслуженному подарку от власти имущих. Популярную художницу наградили образцами арабской каллиграфии.

Яркий контраст — Гайя, рождённая в Экополисе, но похищенная человеком извне и принявшая жизнь среди «уродов». И дети её — тоже «уроды», быстро стареющие мальчики с безнадежно повреждённым геномом. Но — «...это мои дети. И никто не отнимет их у меня... Даже если они законченные уроды, я всё равно буду их защищать».

Прежняя мораль, та, что кажется человеческой *нам*, осталась в старом мире, у представителей «тупиковой ветви эволюции».

Естественно, после разбора двух предыдущих произведений возникает вопрос: а где же тут искусство?

Всё очень просто — лучший сочинитель «золотого миллиарда», возможно, единственный честный из них, Отто Цаальхаген, стал одним из первых пассажиров «философского парохода», увозящего неугодных за границы островка благополучия. То есть, искусство снова оказывается «на передовой», пусть и по другую сторону «линии фронта» от главной силы.

Или не очень просто. Искусством ведь занимается и Мутти, и множество других художников Экополиса. Об искусстве мечтает и офицер-«урод»: «...мы заставим Экополис работать только на нас... Они будут создавать новые Языки, а мы займёмся искусством». Правда, в его понимании искусство это «...когда тихонько и довольно бормочут сидельцы [мутанты, объедающие засохшую корку с дрожжевых языков, — *М.П.*]. Они тихонько и довольно бормочут и неторопливо объедают с Языков горчашую корку. Они обожают горькое, а мы поедаем вкусное».

Утончённые эстеты «золотого миллиарда» вряд ли имеют к настоящему искусству больше отношения, чем «сидельцы». Занятия каллиграфией и украшением интерьера, конечно, эстетически весьма приятны, но настоящее искусство всегда находится на острие жизни, бросает вызов и занимает первые места на «философском пароходе».

Общество в системе координат

В целом, прочитав эти книги, можно понять, что Геннадия Прашкевича, в первую очередь, интересуют координаты, определяющие общество в целом. Герой — или «глаза» читателя, или — катализатор процессов, происходящих в массах.

Иногда катализатор невольный, так как процессы обусловлены общим направлением развития. Семён Юшин из «Царь-ужаса» сам по себе личность не очень яркая, но роль его в произведении велика, хотя для «людей

будущего» на месте Семена мог быть и другой человек с татуировкой, могла быть Джоконда или, скажем, запись Бетховена.

Иногда герой намеренно даёт новое направление общественному развитию, как в «Божественной комедии». Но образ учёного здесь увиден на задний план, как некий общий портрет «мечтателя от науки». Действительно, был когда-то самый умный дикарь, придумавший, как потерять две палки друг о друга и получить огонь, но нам интересен все же не он, а то, как изменилось человечество, воспользовавшись изобретением.

Попытки одиночки собственными усилиями переломить общее направление развития проваливаются («Золотой миллиард») столь же естественно, как проваливается восстание против физических законов.

Вся эта картина опять же имеет жесткую параллель с сегодняшним обществом — обществом третьего тысячелетия, в котором роль личности стирается, роль массы растёт. Основные координаты человеческой массы, найденные Геннадием Прашкевичем — мораль и искусство. При этом первая постоянно подвергается испытаниям и непрерывно меняется, а вторая при всей внешней изменчивости сохраняет свои главные черты и первостепенное значение.

Мораль не просто меняется — она эволюционирует под действием внешних факторов либо внутренних «мутаций», роль которых в обществе выполняют знаковые изобретения, подстраивается под условия среды, как бы цинично это не звучало. Человечество не становится лучше, но адекватно реагирует на вызовы.

И в большинстве «вызовов», стоящих перед человечеством в произведениях Геннадия Прашкевича — утрированные приметы современности или ближайшего будущего. Что будет, если еще чуть-чуть надавить на ресурсный кризис? А расширить возможности Интернета? Устоят ли наши представления о том, что есть «хорошо» и «плохо»? И если не устоят, то во что превратятся?

А также, основной для меня вопрос: понравился бы нам *сегодняшним* результат этой эволюции, признаки которой уже намечаются? Ведь моральные установки становятся ещё более гибкими, чем они были на протяжении истории человечества.

И дело далеко не в гражданском браке, ставшем, например, нормой жизни. Чем быстрее растёт население, чем быстрее сокращаются ресурсы, тем симпатичнее становятся идеи «Золотого миллиарда», тем более что развитие технологий со временем позволит отказаться от дешевой рабочей силы из стран «третьего мира». Угроза мирового терроризма пока не так ощутимо сжимает рамки свободы личности, как метеоритная угроза в «Царь-ужасе», но биометрические паспорта можно представить как первый шаг к тому. Стоит ли принять это как должное и дружно стать «новыми людьми», или все же можно оставить что-то, позволяющее называть себя человеком в старомодном смысле слова?

В произведениях Геннадия Прашкевича мы находим этот «якорь». Искусство — неотъемлемое свойство человека, данное ему «по образу и по-

добию», превращающее двуногое существо в творца. Искусство в книгах Геннадия Прашкевича ни морально, ни аморально — оно вне подобных оценок. Художник может быть груб, пьян, циничен. Автор не оправдывает отрицательные качества своих героев, он просто показывает: да, настоящий художник может быть и таким. Но главное — верный глаз, смелость идей, честность и прямота. Иначе появляется уже не искусство, а «арабская каллиграфия».

Идея искусства пронизывает все творчество Геннадия Прашкевича. По сути, это и есть та самая черепаха, на спине которой держится наш мир. Как бы ни эволюционировало общество, оно останется человеческим только пока рождаются и творят настоящие художники.

Будем надеяться, что с ролью искусства в современном общества Геннадий Мартович тоже не ошибся.

Санкт-Петербург, 2009-02-05

А. ВАЛЕНТИНОВ, Г. Л. ОЛДИ

МАЙСКОЕ СОЛНЦЕ ПАРТЕНИТА

Двадцать градусов в тени,
Чайки ссорятся горласто,
Здравствуй, майский Партенит,
Принимай, дружок, фантастов.

Более всего поразили поданные на обед «макароны по-флотски» — блюдо, давно уже занесенное на постсоветских просторах в Красную ретро-книгу. И весь Партенит — маленький поселок, прилепившийся к обрывистому склону, серо-блочный, не слишком уютный, если бы не близкое море — показался дивным заповедником Прошлого. Старые люди на улочках, старые подшивки газет в сырой библиотеке... Ветры Истории дуют совсем рядом, чуть выше, где шоссе на Ялту, здесь же — патриархальная тишина.

«Понаехали тут...» — незримый, но четкий лозунг, проступающий сквозь столь неуместные в подобных Палестинах рекламные щиты. Явление местного репортера, в прошлом — бухгалтера, по совместительству — сторожа (в редакции?), желавшего написать статью о «маститых людях, таких, как А. Г. Голди (Д. Громов и О. Олджинский) и А. Валентинов», лишь добавило перцу в помянутые макароны. Надеюсь, мы изрядно растревожили здешних старожилов — сторожей крымской Вечности.

И низкий поклон кариатиде с атлантом — Светлане Поздняковой и Глебу Гусакову — вознесшим на своих плечах махину под названием «литературный семинар «Партенит-2009». Сколько говорилось, что надо. Сколько обещалось: ужо сотворим. А эти — сделали.

Заметки на полях интернета:

— ...им, Олди и Валентинову, учийцо надо, а не мастер классы давать.

Надо. Учимся. А вы?

Солнце катится в зенит,
Рыжий кот зевает нагло,
Здравствуй, майский Партенит...
Потолкуем с глазу на глаз?

Как проводить подобный семинар, мы и знали, и не знали. Уже много лет мы подсказывали коллегам — и они нам подсказывали, чего в книжках не так, что бы в тексте улучшить, заострить и огранить. Но это коллеги — жизнью битые, тиражами испытанные, толстокожие носороги от Фантастики. Категория же «молодых авторов» при всей ее условности представлялась чем-то трепетным, ярко-зеленым, словно спаржа на грядке, почти что Смольным институтом. Что с ними делать, как помочь? Научить — в классе у доски — писать Фантастику невозможно, талант инъекцией не ввести, графоманию из башки колом не выбить. Фэньё же из сетевого болотца заранее

лягушачьим хором пугало. Мол, «им» (нам, то есть) самим бы «учиццо», а не прочим мозги промывать. И как ответить? Что авторы всегда друг у друга совета спрашивали, но не всегда такой совет получить легко из-за занятости и больших расстояний? Что потребность «учиццо» не освобождает от обязанности помочь, подсказать? Поделиться — не Истиной, которая по прежнему «где-то рядом», но собственным мнением, раз это кому-то интересно? Но ведь слово — не воробей, иногда оно — пуля в спину, иногда же — глоток воды в пустыне.

Сомнения, сомнения...

Заметки на полях интернета:

— *...никогда не понимал, в чем смысл таких семинаров. ну, кроме веселой тусовки на морях ;) писать тебя там все равно не научат, частные ошибки могут вычитать и друзья по ЖЖ. впрочем, я оброс именно той, бронебойной, и на критику не реагирую ;)*

...и заглавных букв не расставляю.

Бултыхайся, не тони,
Правь кривые оборотцы —
Здравствуй, майский Партенит,
Научи, дружок, бороться.

Прежние семинары-«малеевки» оставили после себя славу, но не летописи. На вопрос же «что там было» ветераны обычно вспоминают писателя Р., чуть не утонувшего в снегу по дороге в сельмаг. А литература... Разумеется, читали, обсуждали. Проявилась деталь — тексты, ввиду отсутствия интернета, поступали для изучения только по приезду, что в любом случае «не есть гут». Организаторы Партенита сие учли — хоть сколько-то недель, но время для чтения повестей и романов все же имелось. Отрадная подробность — «семинаристы» отнеслись к делу серьезно, тексты коллег проштудировали «от и до», что и позволило достичь нужной ярости при обсуждениях. В общем, подготовились неплохо — и они, и, надеюсь, мы, те, что у доски.

Наверное, в прошлом и трава была чудесней, и фантастика шедевральной. Даже наверняка. Но мы-то встретились здесь и сейчас...

Заметки на полях интернета:

— *...на семинар были приглашены авторы, считающиеся у любителей современной русскоязычной фантастики живыми иконами — Дмитрий Громов и Олег Ладыженский...*

Иконы, говорите? А как за мускатом сбегать, так не дозовешься...

Всяк себя Стругацким мнит,
Всяк себя в Уэллсах числит —
Здравствуй, майский Партенит,
Нам бы шелуху почистить.

Патриархальность Партенита ничуть не помешала сонмищу. Напротив, соблазнов меньше — ни тебе казино, ни гей-парада. Парк на берегу с головой

Фрунзе на постаменте-плахе, пляж у не по-весеннему холодного Понта, силуэт Аю-Дага на весь горизонт — вот, пожалуй, и все. Крымское винидлю (не «бест», но все-таки «гуд») наличествовало, однако потреблялось в меру. Даже известный критик В., прогудев по-конвентному первый вечер, в дальнейшем пил «в плепорцию», пояснив, что так интереснее будет. Работали же трезвыми и строгими, в самые напряженные дни — с 10 утра до 5 вечера с не слишком долгим перерывом.

Поначалу народ шарахался от скучно-казенных слов: «идейно-тематический анализ», «сквозная линия действия», «архитектоника произведения», «зерно основного конфликта», «авторский стиль», «экспозиция», «кульминация», «развязка»... Но потом оказалось — или нам это показалось? — что в этом есть свой интерес, и «литературные посиделки» на веранде гостиницы продолжались дотемна. Под разнообразные мускаты, «Каберне» и «Пино-Гри» — но «без фанатизма», как любит говорить известный писатель В.

Разве что — в литературном смысле.

Это уже отдавало марафоном.

Ведь не в том тоска,
Что креплѐн мускат,
А лишь в том тоска,
Что дадут с носка —
Эй, фильтруй базар,
Вычищай рассказ!

Заметки на полях интернета:

— *Просто литературная работа. И вот, я был свидетелем обучения. ПТУ для писателей.*

А хочется университета. Академии. Сразу. Ибо достоин. И чтоб никто из обиженных не ушел.

Не характер, а гранит,
Не талантище, а гений —
Здравствуй, майский Партенит,
Место дивных сновидений.

Что именно говорилось на семинарах, какие лыки из строк извлекались — врачебная тайна. Итог, впрочем, известен: из тринадцати текстов два рекомендованы к изданию после минимальной доработки. Остальные — все еще корабли на стапелях разной степени незавершенности. В принципе до ума довести можно практически все, дело только за корабелями. Как это оценить, на каких весах взвесить? Если в процентах — одно, если в усердии и старании «семинаристов» — совсем иное. В принципе есть еще Справедливый Человек — Время, остается доверить ему окончательное резюме. Жаль только, если через четверть века от Партенита останется лишь рассказ о писателе П., в самый разгар вечернего возлияния агитировавшего за всеобщий переход на «твердую» НФ с уклоном в энергетические вопросы. Дамы пугались.

Заметки на полях интернета:

— Конечно, несколько удивило то, что авторы, даже и столь умелые, не пытаются соотнести собственные произведения с мерками, так называемой у фантастов «Большой» литературы...

Соотнести с мерками? Надо запомнить. Батальное полотно маслом: кооперируются Олди с Валентиновым, берут по мерке так называемой — и соотносят...

В ухе третий день звенит,
Пульс зашкалил у Олега —
Здравствуй, майский Партенит,
Убери на пляж коллегу.

Единственный неприехавший много потерял — во всех смыслах. Его гениальному творению был устроен великий «грыз» (силами самих «семинаристов») с привлечением не только литературоведческого, но и психотерапевтического арсенала. «Главгеру» предписали посещение тренинга для хронических неудачников, книга была приговорена к изданию с обложкой из двойного глянца.

Впрочем, приятно удивило отсутствие чистой, как спирт, графомани. Как написано — о том шел разговор. Но болевые точки просматривались без труда. И жизненный опыт. И желание рассказать что-то еще, помимо энергичной истории. Желание слушать. Умение слышать.

Раз так, в добрый путь.

Заметки на полях интернета:

— А если по-человечески, то конкурсы дают молодым писателям возможность научиться с достоинством принимать чужую критику. Более того, конкурсы в терапевтических дозах способствует выработке во всяком нормальном организме конструктивной самокритики.

Дают. Способствуют. Где они, эти нормальные организмы, в количестве, достойном популяции?..

Прелесть розовых ланит,
Кисть свежа из-под манжета —
Здравствуй, майский Партенит,
Подскажи финал к сюжету.

Семинаристы были твердо уверены, что им запретят писать любимое «хвэнтэзи», особенно про «эльфов» и «ведьмочек». Неоднократные уверения в обратном (пишите — но хорошее!) поначалу успеха не имели. Затем, расхрабрившись, некоторые лихо принялись за любимое дело — клонировать помянутых «эльфов». В буквальном смысле — именно такой метод улучшения порождений Профессора изобрел один удалец. То, что «творение миров» — не фанфик Толкиена-Роулинг, понималось с трудом. Фэнтези, увы, во многом — и для многих — остается беллетризацией очередной ролевой игры «по мотивам».

Жуткой черной тучей над всеми разговорами висел интернет, его «фантастический» сектор, превратившийся в некую Мега-Марью-Алек-

сеевну. Великая Виртуальная Тусня определенно довлеет над очень многими. Казалось бы, достаточно извлечь голову из болота, взглянуть на мир, вынуть из ушей пробки... Ан нет! Офисное поколение, сколь мала ваша Вселенная!

Заметки на полях интернета:

— ...понравились разъяснения, пусть и в свойственной этим писателям ориенталистской манере...

Вот так всю жизнь проживешь, и не узнаешь.

И под занавес:

— ...Хотелось отобрать у кого-нибудь ноутбук и сейчас же редактировать, писать новое, работать, работать и работать. И учиться, конечно.

А вот это уже дорогого стоит.

Воздух без вина пьянит,
А с вином пьянее втрое —
До свиданья, Партенит,
Вспоминай своих героев...

Май 2009 г.

АРСЕНИЙ ГОРДИЕНКО AKA DRAGN

ПРОКЛЯТЬЕ, ЧТО ЗА ИГРА!

Клайв Баркер. Проклятая игра. — М.: Эксмо, 2008. — 496 с.

Клайв Баркер, человек подаривший нам «Книги Крови», страшные, чарующие, ужасные рассказы, иногда даже смешные, понятные не всем, разумеется, но такие, что невозможно не заметить. Рассказы Баркер пишет особенно хорошо, все отточено и четко. В крупной форме писатель не всегда достигал такого мастерства. Но этот дебютный роман ему удался.

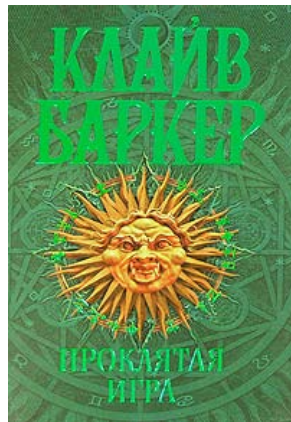
Конец Второй мировой войны, разрушенная Варшава, в которой разгуливает вор, страдающий от скуки. Все доступно, все безнаказанно, надо только уметь этим пользоваться. Однажды до вора доходят слухи о картежнике, который никогда не проигрывал. Он хочет испытать судьбу и находит Маммолиана, игра начинается...

События переносятся в 80-е к бывшему боксеру Марти Штраусу, заключенному, который отбывает срок за ограбление. Неожиданно ему предоставляется случай, его хочет взять на поруки миллиардер Джозеф Уайтхед. Все чудесно, Марти выходит из тюрьмы и получает честную работу. Но правда ли все так хорошо? Но все всегда сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Дебютный роман больше похож на рассказы Клайва, чем на его последующие крупные работы. Первое сходство в самой сюжетной фабуле романа, она простая и легкая, дразнит читателя, интригует и стремительно движется к раскрытию тайны, все это очень роднит роман с эффектными рассказами Баркера. Второе сходство — это легкая и доступная фантазия автора. Ее не стало меньше, она просто более плавная и гармоничная, нет того переизбытка, свойственного, к примеру, «Искусству», где читателя просто сбивает с ног мощными ударными волнами неудержимой фантазии. Мистерии и гротеска хватает и на этот раз, но от Баркера как всегда раз ожидаешь очередной девятый вал, поэтому определенное разочарование возникает.

Главный минус: сюжет начинает активно развиваться и удивлять почти в самом конце, предлагая читателю поистине интересные вещи и ответы на вопросы.

Персонажи удались, но не до конца. Если Маммолиан, Марти и Джозеф удались, то Кэрис, Той и Брир и другие даны иногда мазками, а ведь на протяжении пятисот страниц они могли бы быть полностью раскрыты. Безусловно, они интересны и без того. Брир вызывает и отвращение, и ненависть,

и даже некоторое брезгливое сочувствие. А честный, добрый и измученный событиями Маммолиан — дьявол или человек? Понять его сущность нам еще предстоит. Марти — человек, который боится чувствовать, но пытается это побороть. Джозеф — игрок, который выиграл и проиграл и снова выиграл и снова проиграл. В мире нет места случайности?

Баркер не был бы Баркером без черт, порожденного его же талантом жанра, сплаттерпанка. Кровь, секс, насилие, жестокость — все это присутствует в таком романе. А еще цинизм, четкость ситуаций, бьющие по нервам подробности, все обусловлено, доказательно, аргументированно, и нет места жестокости ради жестокости. И созданная атмосфера, давящая и смуряя. Лондон как ни как. Идеальный город для книги ужасов.

Но так же Баркер был бы не Баркер, если бы создавались только зрелищность и атмосфера, нас ждут обилие глубоких мыслей и метких замечаний. Читателю будет над чем подумать и что понаблюдать.

И, конечно же, эстетически безупречный красивый очаровывающий слог Баркера, даже в начале пути он владел словом и умел блистать писательским мастерством. Плавный и красивый текст.

К плюсам можно отнести эстетически приятный текст, пугающую интригующую атмосферу, зрелищность, парадоксальные размышления, недюжинную фантазию автора. Минусы: «Проклятая игра» не столько роман, сколько очень большой рассказ.

Подытоживая можно сказать, что «Проклятая игра» это мощный и необычный дебют короля сплаттерпанка. Чарующий, пугающий, ужасный, жестокий, умный. Все, за что мы полюбили Баркера, здесь есть, и это прекрасно. «Каждый человек сам себе Мефистофель». Не так ли?

АРСЕНИЙ ГОРДИЕНКО AKA DRAGN

ХОРРОР ОТ УМА

Р. Скотт Бэккер. Нейропат. — М.: Эксмо, 2009. — 432 с.

Скотт Бэккер — писатель известный нам своим темным эпическим фэнтези «Князь пустоты» Первые две книги трилогии «Слуги Темного Властелина» и «Воин кровавых времен» пришлось по душе читающей публике, и теперь наши читатели томятся в ожидании третьего тома. И, как известно, издание на подходе. Но Бэккер стал осваивать и другие жанры. В 2008 вышел его интеллектуальный триллер «Нейропат». И теперь мы тоже получили возможность ознакомиться с этой неординарной книгой.

Итак... По улицам Нью-Йорка разгуливает маньяк по кличке Костоправ, и прозвище своё он получил не просто так: маньяк вырывает позвоночники своим жертвам и до неузнаваемости уродует их тела. Город охвачен ужасом. В ФБР уверены, что это дело рук нейрохирурга Нейла Кэссиди. В руках следователей оказались видеозаписи ужасающих сцен. Может быть, у преступника есть сообщники или кто-то в курсе происходящего. ФБР выходит на профессора когнитивной психологии Томаса Байбла. Но профессор и сам потрясён. Ведь Кэс его старый друг. Они знакомы со студенческой скамьи, вместе кутили, спорили. Но на кассете голос за кадром произносит слово «довод», ключевое в их вечных дружеских спорах о семантическом апокалипсисе. Что же это значит? Это первая ниточка к более страшным происшествиям и тайнам.

Триллеры — вещь тонкая. Деликатно играть на чувстве страха и любопытства трудная задача для писателя. А Бэккер прошел по тонкому льду, он даже построил многоуровневый ужас. На первом плане — чисто триллеровский элемент: существование маньяка — темные тайны его мотивов, человеческое воплощение преступления, ипостась преступной сути. Автор выстраивает убедительнейший образ убийцы и махинатора. Но причем здесь старый друг Тома и отголоски их интеллектуальных поединков? Это поверхностный эмоциональный уровень, а дальше писатель выводит нас на более глубокий уровень — интеллектуального опыта. Устами своих героев Бэккер задает сложные вопросы. Что такое свобода воли? Действительно ли человек обладает ею, или он простой механизм, реагирующий на внешние раздражители? Бэккер мастерски ведет нас по территории сложнейших современных наук о человеке — психологии,

нейробиологии, когнитологии. Он обращается к реальным научным работам и предлагает собственные объяснения, конечно, пользуясь писательской привилегией свободы размышлений. В послесловии Бэккер пытается честно предупредить читателя о личном своеволии и допущениях. Но интеллектуальный поток теорий, гипотез, образов — все это уже охватило читателя дрожью личных открытий, вспышкой жажды познания. Это следствия. Бэккер не только прошел по тонкому льду, но и отлично проявил себя в этой небезопасной прогулке по тропинкам требовательного жанра.

Но роман это не только увлекательная погоня за преступником, и не только кладезь увлекательных размышлений, это встреча с привлекательными персонажами, абсолютно разными, но живыми людьми. Сам Томас, молодой интеллектуал тридцати пяти лет, удивляет нас не своим бесспорным интеллектуальным превосходством, а настоящим всепоглощающим отцовским чувством. Таким же живым человеком, а не тривиальной марионеткой, предстает и сосед «номер один» Миа: нетрадиционная ориентация, чувство юмора, отцовская привязанность к детям своего друга и верность дружбе.

Бэккер безусловно заслуживает восхищения как тонкий мастер психологического портрета. Агент Логан — подлинная карьеристка, но не лишенная внутренней чистоты девушка, с пытливым умом. Бывшая жена Томаса — Нора, его неизбывная любовь и тоска, вздорная, иногда жестокая, потерянная женщина, запутавшаяся в отношениях с обоими друзьями. И, конечно же сам Нейл, не типичный «злой гений», писатель сумел построить его образ без каких-либо психических отклонений, показал его как человека, одержимого целью и не выбирающего средств на пути к ней.

Повествование движется ровно, интриги продуманы, хороший триллер на лицо. Событийная наполненность романа чрезвычайно плотная. Здесь есть все: и предательство, и отчаянная любовь, и бешеные погони.

Единственный минус романа — это концовка. Напряжение возрастает, но катарсис не наступает. Финал скомкан, и оставляет осадок разочарования.

Роману, несомненно, повезло и с переводом, и с оформлением. Редактор потрудились над сносками. Но при их достаточном количестве не обошлось без курьезов: есть сноска на Диснея, но, к примеру, о магнитно-резонансной визуализации — ни слова. Нам объясняют, кто такие Лара Крофт и Серебряный Серфер, они представлены как персонажи фильмов, хотя первая — персонаж игр, а второй — комиксов. Однако эти промашки не снижают удовлетворенность книгой.

Подведем итог. Неординарные персонажи, захватывающее повествование, стремительная качественная интрига. Мощный интеллектуальный триллер, способный заставить читателя серьезно поразмышлять о познании, воле, о будущем человечества и о себе самом. Очень актуальный и своевременный роман, своеобразный писательский репортаж с переднего края современной науки. Обилие эмоций, волнение, а также интеллектуальный прогресс и личностный рост читателя — все гарантировано.

ВЛАДИСЛАВ ЖЕНЕВСКИЙ

ДЕБЮТНАЯ КОРОБКА В ФОРМЕ СЕРДЦА

Джо Хилл. Коробка в форме сердца. — М.: Эксмо, 2009. — 432 с.

К выходу дебютного романа Джо Хилл уже был известен как автор отличных рассказов и повестей, на современном уровне воссоздающих дух классических ужасов и научной фантастики. Однако настоящего успеха в наше время добьется лишь тот писатель, который работает не только в малой, но и в крупной форме (а по совести говоря — только в крупной): для вечно спешащих читателей нового образца рассказы слишком коротки — мысли и чувства не успевают зацепиться за текст, и он благополучно проносится мимо.

И вот Джо Хилл принял вызов и создал первый свой роман — прежде всего, на мой взгляд, чтобы доказать что-то самому себе. Выяснилось, что все задатки отличного романиста у него есть: интересные персонажи, в меру интригующий сюжет, ладная композиция (в пользу этого свидетельствует хотя бы концовка — пускай она и не переворачивает всё с ног на голову, но зато логична и по-хорошему обнадеживающа), меткие наблюдения из жизни. И всё же индивидуальный талант Хилла здесь замечен меньше, чем в рассказах, — он лишь изредка проглядывает сквозь не по-дебютантски профессиональный текст (это и неудивительно — за «Коробкой» стоят десять лет литературной карьеры и хорошая редактура). Впрочем, лично мне это кажется добрым знаком: пути для развития намечены, остается только последовать по ним — чем умница и трудяжка Хилл, недавно анонсировавший второй роман под рабочим названием «Рога» («Horns»), сейчас и занимается.

Тематически «Коробка» близка к рассказам из «Призраков двадцатого века». Прежде всего, эти произведения объединяет мотив отцов и детей. Когда автора спросили, почему тот столь часто возникает в его творчестве (к слову, вопрос озвучил наш с вами соотечественник), ответ был двояким: с одной стороны, «кто-то из персонажей ведь должен быть плохим», с другой — автор таким образом компенсирует отличные отношения с собственными детьми... и отцом (если для кого-то это еще тайна, то речь идет о Стивене Кинге, в свое время увековечившем имя сына в посвящении к «Сиянию»). Что ж, никаких перегибов в обрисовке темы лично я не заметил; в реальной жизни всё могло бы случиться именно так, как описано в книге. Это касается и педофилии. Авторы хоррора часто упрекают за «излишний» интерес к этой теме, но увы, актуальности она не теряет (особенно в последние

годы, когда в США и других странах начали появляться организации, которые открытым текстом предлагают узаконить отношения между взрослыми и несовершеннолетними!), и грешно упрекать создателя «Коробки» в нечестных приемах. Ему, отцу троих, есть чего бояться и что ненавидеть.

Крупных просчетов Хилл допустил немного. Один из них — выбор главного героя, который на начальных этапах серьезной писательской карьеры должен определяться все-таки не особенностями сюжета, а реальным жизненным опытом и устремлениями самого автора. Молодому фантасту нелегко примерить на себя личину престарелой рок-звезды (пускай даже он увлечен музыкой настолько, что сам роман назвал в честь хита от Nirvana — и пересыпал текст именами исполнителей и названиями песен). В итоге образ Джуда получился довольно условным, ему не хватает целостности. Чувствительность и «брутальность» действительно могут сочетаться в одном человеке, но Хиллу не удалось доказать, что его герой именно таков. А вот женские персонажи получились весьма убедительными: чувствуется, что с готической субкультурой и ее представителями (а также психопатологией) Хилл знаком не понаслышке. Не стремясь, подобно бесчисленным подражателям Кинга, к некой «масштабности», он разыгрывает почти камерную историю, в которой главное не сюжет, а взаимодействие человеческих душ.

В изображении сверхъестественного автор не особенно оригинален и достоверен — что, опять-таки, совсем не характерно для его рассказов. Едва ли не каждый фантастический эпизод воспринимается лишь как очередная небылица в длинном, длинном ряду ей подобных (и не раз использованных тем же Кингом, Питером Страубом, Робертом Маккаммоном, Дэном Симмонсом, не говоря уж о писателях классом ниже). Впрочем, самого раздражающего штампа американского хоррора Хилл успешно избежал (и это, как мне кажется, только подчеркивает его огромный потенциал, не говоря уже о накопленном мастерстве): персонажи не упираются, как ослы, отказываясь верить в происходящее, а принимают невероятную реальность сразу же — в полном соответствии со своей психологией. Собственно пугающих сцен в книге не обнаружилось (хотя неприятных хватает), но это уже вопрос личного восприятия: в том, что перед нами роман ужасов, сомневаться не приходится.

Общее впечатление таково, что «Коробка в форме сердца» более чем хороша для дебюта (премию Брэма Стокера и «Локус» в соответствующей номинации она получила совершенно заслуженно — не настолько красивые у автора глаза), однако знаменует собой лишь промежуточную веху на долгом — надеюсь — и славном творческом пути Джо Хилла, который имеет все задатки если не превзойти отца, то сравниться с ним. Учитывая, что рынок литературного хоррора в России по-прежнему довольно скуден, книги такого уровня пропускать нельзя. Рискну предположить, что для тех, кто только начинает знакомство с жанром, этот роман не худший вариант (хотя «Призраки двадцатого века», несомненно, заслуживают большего внимания). Остальные могут и воздержаться, но рискуют что-то для себя упустить.

НАТАЛЬЯ ДЕЕВА

С ЮБИЛЕЕМ, ИНТЕРПРЕССКОН!

В 1989 г., в апреле, на базе отдыха «Салют» прошла первая ленинградская конференция клубов любителей фантастики «Фантор-89, и вскоре «ИНТЕРПРЕССКОН-91», который был организован ленинградским творческо-производственным объединением «Измерение» (директор А. Сидорович), а также клубами любителей фантастики «МИФ-ХХ» (Ленинград) и «Фантор» (Сосновый Бор).

«До апреля 1989 г. я уже успел побывать на нескольких форумах КЛФ в разных городах страны... и испытывал некоторую досаду и недоумение: почему мы у себя в Питере не можем организовать нечто подобное?» В. Ларионов.

Годом рождения ИПК принято считать 1990-ый, именно тогда в Ленинграде, во Дворце Молодёжи прошёл «Первый всесоюзный семинар по фэнпрессе» (иногда его называют «Фэнзинкон-90»), организованный А.Сидоровичем и А.Николаевым. В нынешнем, 2009-м, с 30 апреля по 3 мая в пансионате «Восток-6» «Интерпресскон» отметил свой двадцатилетний юбилей вместе с примкнувшим «Балтконом» — единственным фестивалем фантастики, объединяющим представителей стран Балтийского моря.

Как и на первый конвент, в этом году собрались более 180 писателей, кри-

тиков, издателей и фэнов. Балтийские страны представляли Россия и Латвия. Даже кризис не помешал гостям из Украины, Белоруссии, Израиля отпраздновать юбилей ИПК на берегу Финского залива.

Открыло конвент театрализованное действо с участием Святослава Логинова, сыгравшего «бабушку Гостомысла». Как он признался позже, представление это было экспромтом.

Следующие дни конвента не давали гостям расслабиться: параллельно проходили доклады и семинары — участникам конвента было из чего выбирать.

Писатель Антон Первушин и критик Сергей Шикарев дискутировали на тему «Мировой финансовый кризис и фантастика: очищение рядов или смерть «неформата?»».

«Первым выступал мой оппонент Сергей Шикарев. Он утверждал, что кризис приведет к вымыванию с книгоиздательского рынка неформатной экспериментальной прозы, что прямым образом скажется на качестве издаваемой фантастики. В ответ я напомнил, что затоваривание книжного рынка, которое имело место в последние годы, так или иначе вело к кризису и мешало неформатной прозе пробиться к читателю. Теперь же, на мой взгляд, появилась надежда, что рынок очистится от халтуры и у талантливых авторов резко возрастут шансы быть замеченными». А. Первушин.

Елена Первушина рассказала о своем опыте перевода с языков стран Бал-

тийского региона и провела «фант-феминистический» семинар «Фантастика женским почерком».

«Я вижу свою главную задачу в том, чтобы создать некое пространство, в котором не существует зоны умолчания. В котором женская фантастика признается как нечто реально существующее и заслуживающее изучения». Е. Первушина.

Издательства «Крылов» и «Лениздат» презентовали новые проекты, а организаторы конвентов — свои детища: «Блинком» (Санкт-Петербург), «Зиланткон» (Казань), «ФантОР» (Санкт-Пе-

| Александр Сидорович (слева) и Владимир Ларионов

тербург), «Созвездие Аю-Даг» (Крым, пос. Партенит).

«Мне нравятся небольшие, на сто, максимум — сто пятьдесят человек, коны, где главное не тотальное пьянство, а помощь, которую может получить начинающий фантаст на семинаре или мастер-классе. Кроме того, такой конвент — это благодарные участники, новые знакомства и общение с единомышленниками».
Г. Гусakov

После напряжённого рабочего дня для гостей играла группа «Зимовье зверей», участники которой прочно влились в фэндом. А после был традиционный пикник на обочине и забивание семигранного болта. Ну, и, конечно же, корюшка! Купание в Финском заливе тоже было, благо, что эти несколько дней выдалась полетнему тёплыми и солнечными. Кроме того, на территории пансионата до вечера работал бассейн, а когда темнело, начиналась дискотека, дабы приобретённые знания получше утрясались в голове.

К сожалению, Б.Н. Стругацкий не смог приехать на юбилейный ИПК, и показывали съёмки его давнего выступления, но всё равно гости слушали, затаив дыхание: вопросы, на которые он отвечал, актуальны до сих пор.

«Показывали съёмки Бориса Натановича, сделанные в 91-м году, на втором ИПК. И я вдруг поймал себя на мысли, что завидую ему. Причем не известности или таланту, а вот этой способности искренне верить. Сначала он искренне верил в коммунизм, потом, похоже, верил в возможность его реформирования, в 91-м он не менее искренне верил в то, что «наша страна выйдет на столбовую дорожку цивилизации». И. Гринчевский

Номинаций и вручаемых премий было много, это как известные «Бронзовая улитка» и премия им. А. Беляева, так и вновь рождённая номинация за лучший перевод с языков стран Балтийского моря. Днём раньше на «пикнике» были названы лауреаты «Астреи», вручаемой по результатам интернет-голосования профессиональных писателей-фантастов.

Под аккомпанемент А. Петерсона и А. Савиной состоялся юбилейный банкет с торжественным разрезанием торта, украшенного цифрой 20. Следующим утром гости отправились на Книжную ярмарку в ДК им. Крупской, где вручали премию «Фанткритик 2009».

«Расставаться было грустно, утешало одно: через год мы снова встретимся здесь, на живописном берегу Финского залива». Н. Деева.

Премии, вручавшиеся на конвенте «Интерпресскон/Балткон 2009»:

«Интерпресскон» (присуждается по результату голосования всех зарегистрированных участников):

- **Крупная форма (роман):** Ян Валетов, тетралогия «Ничья земля»;
- **Средняя форма (повесть):** Евгений Лукин, «С нами бот»;
- **Малая форма (рассказ):** Аркадий и Борис Стругацкие, «Ведьма»;
- **Сверхкороткий рассказ:** Василий Владимирский, «Второй шанс»;
- **Дебютная книга:** Ярослав Веров, Игорь Минаков, «Десант на Сатурн, или Триста лет одиночества» (дебютант — только Игорь Минаков);
- **Критика, публицистика:** Антон Первушин, цикл статей «10 мифов о советской фантастике»;
- **Художник (иллюстрация):** Владимир Ноздрин, иллюстрации к сборнику «Городу и миру»;
- **Художник (обложка):** Игорь Тарачков, обложки журналов «Если»;
- **Издательство:** «Снежный ком» (Рига).

«Бронзовая улитка» (присуждается по решению Бориса Натановича Стругацкого):

- **Крупная форма:** Дмитрий Быков, «Списанные»;
- **Средняя форма:** Алексей Лукьянов, «Глубокое бурение»;
- **Малая форма:** Юлия Зонис, «Ме-ги-до»;
- **Публицистика:** Ант Скаландис, «Братья Стругацкие».

Премия «BaltCon 2009» (вручается за продвижение балтийской фантастики лучшим переводчикам с языков стран Балтийского моря)

- **1 место:** Эрик Симон за перевод с русского на немецкий романа С. Виттицкого «Бессильные мира сего»;
- **2 место:** Евгений Вайсброт за перевод с польского на русский серии книг Анджея Сапковского;
- **3 место:** Наталья Банке за перевод со шведского на русский романа

Ю.Линдквист «Блаженны мертвые» и Елена Первушина за перевод с немецкого на русский романа С.Виттон «Звездная долина».

Премия «Астрей» (вручается по результатам голосования профессиональных писателей-фантастов, выпустивших не менее трех книг):

- **Роман:** Генри Лайон Олди, «Гарпия»;
- **Повесть:** Евгений Лукин, «С нами бот»;
- **Короткая повесть:** Владимир Михайлов, «Поле боя»;
- **Рассказ:** Евгений Лукин, «День дурака»;
- **Специальная премия оргкомитета:** Олег Нестеров, «Юбка».

Премия им. Александра Беляева (присуждается за лучшие работы в области научно-художественной литературы):

— **Научно-художественная книга:** Юрий Гордиенко, «Как сорвать джекпот науки в XXI веке»; Елена Первушина, «Загородные императорские резиденции. Будни. Праздники. Трагедии», «Усадьбы и дачи петербургской интеллигенции XVIII-начала XX века. Владельцы. Обитатели. Гости»; Павел Качур, Александр Глушко, «Валентин Глушко. Конструктор ракетных двигателей и космических систем»;

— **Перевод научно-художественной книги:** Лилия Бабушкина (за перевод трехтомника «Никола Тесла. Статьи», «Лекции», «Колорадо-Спрингс. Дневники. 1899-1900»);

— **Серия научно-популярных публикаций:** Константин Фрумкин, «К философии будущего»;

— **Издательство:** Издательство «Эксмо» (за серию книг «Eureka! Открытия, которое потрясли мир»);

— **Журнал:** Журнал «Наука и Жизнь»;

— **Специальная премия Жюри:** Борис Сергеев (за вклад в развитие научно-художественной литературы).

Фотографии Марии Головковой и Оксаны Романовой

OPUS MIXTUM

На пороге лета издательства порадовали нас целым рядом новых книг и долгожданных переизданий.

В загадочной серии «Книга-загадка, книга-бестселлер» («Эксмо» и «Домино») вышли романы «Тайна Крикли-холла» Джеймса Герберта, «Долина костей» Майкла Грубера, «Преисподняя» Джеффа Лонга.

Те же «Эксмо» и «Домино» в городской/вампирской серии «Сумерки» выпустили подростковую трилогию Скотта Вестерфельда «Полуночники» и его же роман «Инферно: Армия ночи».

А еще все те же неутомимые «Эксмо» и «Домино» издали в серии «Интеллектуальный бестселлер. Читает весь мир» роман Энн Райс вовсе не на традиционную для нее вампирскую тему: название «Иисус: Возвращение из Египта» говорит само за себя...

В серии «Science Fiction» издательства «АСТ» вы можете приобрести романы «Песнь праха» Джона Мини, «Солнце Солнца» Карла Шрёдера, «За чертой» Карен Тревис и «Железный рассвет» Чарльза Стросса (продолжение романа «Небо сингулярности, вышедшего в прошлом году»).

А в серии «Век Дракона» «АСТ» выпустил роман Лоис Макмастер Буджолд «Разделяющий нож. В пути», третью книгу цикла, и дебютный роман Дэниела Абрахама «Тень среди лета», первую книгу тетралогии.

Издательство «Центрполиграф» познакомило читателей с двумя романами из фэнтезийной трилогии итальянки Личии Троиси «Войны Всплывшего Мира» — «Гильдия убийц» и «Две воительницы».

И немного классики: «Эксмо» открыло новую серию «Миры. Зарубежная фантастика», чье оформление заставляет вспомнить знаменитую серию советских времен. Серию составят однотомники лучших произведений знаменитых фантастов, и первыми «клиентами» стали Генри Каттнер (подборка рассказов, в том числе самая первая история о Хоббенах, переведенная впервые), Роджер Желязны («Ночь в одиноком октябре» и рассказы), Роберт Хайнлайн («Дверь в лето», повести и рассказы).

Серия собраний сочинений «Отцы-основатели», выпускаемая «Эксмо», продолжилась «Фантастическим путешествием» Айзека Азимова и сразу тремя томами Гарри Гаррисона: «Время для мятежника», «Звезды и полосы навсегда» и «К звездам!».

А в серии «Шедевры фантастики» Эксмо» и «Домино» выпустили объемный том Джона Уиндема — «День триффидов».

И еще заметные переиздания от «Эксмо» и «Домино»: «Кости Луны» Джонатана Кэрролла (серия «Мона Лиза»), «Город золотых теней» Тэда Уильямса (серия «Мастера Меча и Магии»), «Коробка в форме сердца» Джо Хилла (серия «Книга-загадка, книга-магия»).

«Азбука» возобновила прославленный проект Андрея Черткова «Время учеников». Сборник «Важнейшее из искусств» (составители — сам Чертков,

Николай Романецкий и Ант Скаландис) представляет вариации на тему «Стругацкие и кинематограф».

В серии «Стрела Времени» издательства «Эксмо» вышел долгожданный сборник Марины и Сергея Дяченко «Цифровой». В него вошли роман «Цифровой, или *Brevis est*», тематически связанный с позапрошлогодней «*Vita nostra*», и повесть «История доступа».

В серии «Боевая магия» «Эксмо» опубликовало романы «Шестое действие» Натальи Резановой (из цикла «Империя Эрд-и-Карниона») и «Собиратель зла» Виктора Ночкина, а в серии «Русский фантастический боевик» — «Раскрой свои крылья» Иара Эльтерруса.

«АСТ» выпустил в двух сериях — «Заклятые миры» и «Фантастика» — сборник «Разбить зеркала! Русская фэнтези. 2009». В числе авторов — Генри Лайон Олди и Андрей Валентинов, Анна Китаева, Федор Чешко, Владимир Сержин, Илона Самохина, Алексей Корепанов и Ольга Онойко, чей роман «Дети немилости», кстати, вышел в обзорный период в серии «Заклятые миры» того же издательства.

АСТовский «Звездный лабиринт» пополнился романами Юлия и Станислава Буркиных «Остров Русь-2, или Принцесса Леокады» (продолжение понятно чего) и Дмитрия Колодана и Карины Шаинян «Жизнь чудовищ», куда вошли совместные и «сольные» работы этих ярких авторов.

Сразу в нескольких оформлениях (в том числе — с иллюстрациями Евгении Стерлиговой) увидел свет роман Сергея Лукьяненко «Недотепа» — подростковая фэнтези, над которой писатель работал несколько лет.

«Альфа-книга» порадовала тех, кто читает книги «Альфа-книги», книгами Ольги Громыко («Год Крысы. Видунья», серия «Магия фэнтези»), Александра Рудазова («Тайна похищенной башни», серия юмористической фантастики), Андрея Круза («Земля лишних. Новая жизнь», в соавт. с Марией Круз; «Эпоха мертвых. Начало», серия «Фантастический боевик»), Сергея Малицкого («Печать льда», там же), Павла Корнева («Межсезонье», там же).

В Лениздатовской серии «Боевая фантастика» вышел роман Николая Романова (т.е. Николая Романецкого) «Курс лечения».

«Фантастическая авантюра» издательства «Крылов» пополнилась двумя томами романа Ольги Чигиринской, Екатерины Кинн и Анны Оуэн «В час, когда луна взойдет» — «Темная сторона луны» и «Вернем себе ночь». Но и эти два тома — лишь первая часть задуманной трилогии.

А теперь — несколько переизданий книг русскоязычных авторов. Книг, представлять которые не нужно.

✓ «Эксмо», серия «Без маски»: «Богадельня», «Герой должен быть один», «Нопэрапон» и «Тирмен» Олег Ладыженский и Дмитрия Громова (последний роман написан, как известно, в соавторстве с Андреем Валентиновым). Название серии означает, что привычного «Генри Лайон Олди» на обложке не будет — только подлинные имена (правда, Андрей Шмалко так и остался замаскированным).

✓ «Эксмо», «Большая серии русской фантастики»: трилогия Андрея Лазарчука, Михаила Успенского и Ирины Андронати «Посмотри в глаза чудовищ».

✓ «Эксмо», серия «Люди против магов»: трилогия Марины и Сергея Дяченко «Ключ от Королевства».

✓ «Эксмо», серия «Русские звезды»: романы Александра Громова «Завтра наступит вечность» и «Год Лемминга» под одной обложкой.

✓ «Эксмо», серия «Военно-историческая фантастика»: роман Олега Курылева «Убить фюрера».

✓ «АСТ» и «Астрель-СПб», серия «Историческая фантастика»: роман Марианны Алферовой «Соперник Цезаря».

И напоследок — новинки издательских проектов.

Серия «S.T.A.L.K.E.R.» перешла от «Эксмо» к «АСТ» и «Астрели»; в ней вышли «Мгла» Андрея Левицкого (более известного как Илья Новак) и «Беглый огонь» Александра Зорича.

«Популярная литература» и «Этногенез» выпустили в рамках «Проекта «Этногенез» дебют Полины Волошиной и Евгения Кулькова — роман «Марусь». Обещают еще много таких «Марусь», ну и ладно.

Главный редактор: Ираклий Вахтангишвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 5 (69), 2009.

Интернет: www.rf.com.ua

E-mail: info@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5
Подписной индекс в каталоге «Укрпочта» —
08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табаква,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор: Владимир Табаков

Шеф-редактор: Татьяна Кохановская

Производство:

Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:

Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:

Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:

Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 345-06-25, 345-06-26,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,
тел.: (032) 295-64-10,
e-mail: mandych@hi-tech.ua

Харьков: Вячеслав Белов,
e-mail: viacheslavb@ua.fm
Тираж — 5 тыс. экземпляров

Цена договорная

Регистрационное свидетельство: КВ №7600 от
22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:

г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585-82-82 (многоканальный)
факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем
издании, допускается только с письменного
разрешения ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.
Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.
За содержание рекламных материалов
ответственность несет рекламодатель.